РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Книга 22.

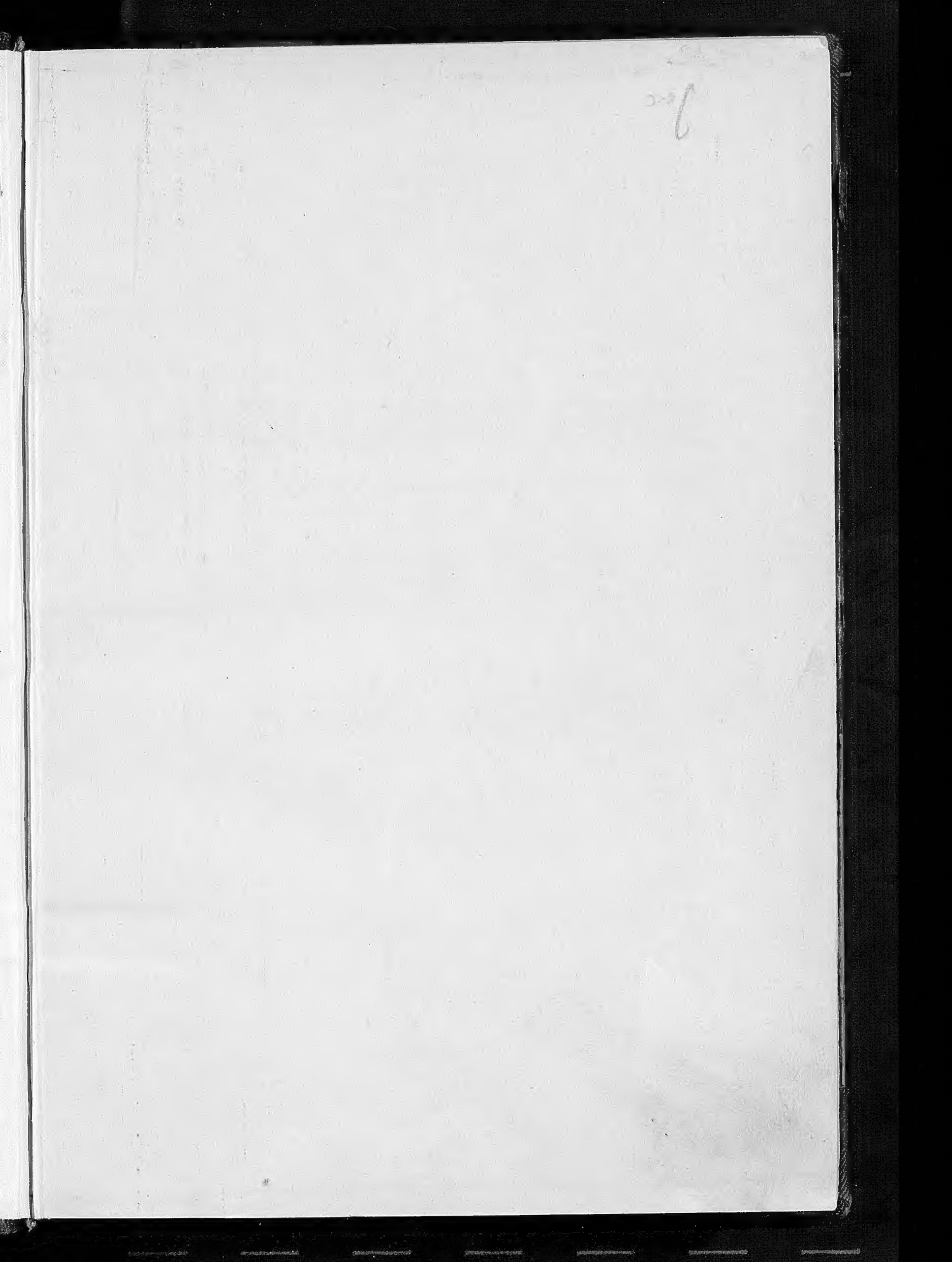
С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ТРАГЕДІЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ч. II.

БѢЛГРАДЪ
1930

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ

S. P. Melgunov

Tragedija Admirala Kolčaka

Трагедія Адмирала Колчака

Изъ исторіи гражданской войны на Волгѣ, Уралѣ и въ Сибири.

(Tragödie des Admirals Koltschak.)

ЧАСТЬ II.

V predverii diktatury

Въ предверіи диктатуры.

БѢЛГРАДЪ
1930

„РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ“ — Бѣлградъ, Битольская, 25.

ОТЪ АВТОРА.

Въ процессѣ печатанія книги мнѣ приходилось бесѣдовать со многими сибирскими дѣятелями и вносить въ текстъ соотвѣтствующія поправки. Какъ имъ, такъ и другимъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ въ отысканіи матеріаловъ, приношу свою искреннюю благодарность — въ частности С. В. Востротину, В. В. Вырубову, М. Л. Киндякову, Р. А. Колчаку, В. М. Кудрявцеву, Н. С. Лопухину, ген. Лохвицкому, В. А. Маклакову, В. Н. Новикову, ген. Розанову, И. И. Сукину, кн. С. Е. Трубецкому, ген. Хорошхину, полк. Щепину.

Я особо долженъ отмѣтить отзывчивое отношеніе къ моимъ вопросамъ со стороны ген. Нокса.

Въ отвѣтъ на возможный упрекъ въ томъ, что я въ своихъ „бесѣдахъ“ игнорирую голоса „лѣвыхъ“ участниковъ гражданской войны въ Сибири (такой упрекъ я слышалъ) — я долженъ сказать, что и Н. Д. Авксентьевъ и В. М. Зензиновъ и А. А. Аргуновъ — дѣятели Директоріи, равно какъ предсѣдатель Сиболдумы И. А Якушевъ, печатно уже высказали свои точки зрѣнія на событія, мною описываемыя, этими данными я широко пользуюсь въ своемъ изложеніи. Въ свое время, въ 1924 г., по отъѣздѣ изъ Россіи, я „интервьюировалъ“ Е. Ф. Роговскаго о переворотѣ 18 ноября въ Омскѣ и благодаренъ ему за все разсказанное.

ГЛАВА I.

Директорія.

1. МИССІЯ АРГУНОВА.

При плохихъ ауспиціяхъ родилось въ Уфѣ то Временное Всероссійское Правительство, созданія котораго настойчиво требовали активно боровшіяся на антибольшевицкихъ фронтахъ военныя силы. Русская общественность оставалась раздвоенной, и грозные симптомы, какъ мы видѣли *), обнаружилась уже на другой день послѣ того, какъ была создана власть, долженствовавшая быть въ идеѣ общенаціональной. Совершенно неизбѣжно въ атмосферѣ недовѣрія и вражды общенаціональная задача стушевывалась передъ назойливыми директивами мѣстной политики. Ей, этой мѣстной политикѣ, суждено было задавать тонъ въ общенаціональномъ дѣлѣ и цѣпко держать въ своихъ рукахъ Директорію.

Съ перваго дня своего формальнаго существованія Всероссійская Власть вынуждена была вмѣшаться въ сложныя взаимоотношенія Омскаго правительства и Сибоддумы въ связи съ тѣмъ острымъ конфликтомъ, который возникъ на почвѣ роспуска Думы и убійства Новоселова. Повидимому, въ цѣломъ Директорія сильно колебалась, не зная, какъ ей поступить, такъ какъ среди отдѣльныхъ ея членовъ, бывшихъ въ то время на лицо, имѣлись существенныя разногласія.

„...Я спускался утромъ 24 сентября изъ своего но-

*) См. главу V первой части.

мера въ столовую, — вспоминаетъ Л. А. Кроль — когда узналъ потрясающую новость: въ Омскѣ убитъ министръ Новоселовъ, и чехи требуютъ отъ Директоріи приказа о немедленномъ арестѣ скрывающагося отъ нихъ И. А. Михайлова, считая его главнымъ виновникомъ убійства... Для перваго дня существованія Директоріи сюрпризъ былъ не изъ пріятныхъ... Члены Директоріи были заняты этимъ дѣломъ... Вотъ къ Болдыреву провели генерала Иванова-Ринова. Видъ у него далеко не тотъ, что въ вечеръ пріѣзда, когда онъ милостиво здоровался съ Болдыревымъ въ пиджакѣ... Да и удивительнаго ничего нѣтъ: идетъ рѣчь, не задержать ли въ Уфѣ омскихъ правителей и министровъ впредь до выясненія омскихъ событій... Члены Директоріи совѣщаются съ отдѣльными лицами. Спрашиваетъ Авксентьевъ мое мнѣніе. Я категорически высказываюсь противъ принятія Директоріей какихъ бы то ни было незаконныхъ мѣръ: нельзя съ этого начинать и становиться на путь беззаконія" (136). Вмѣстѣ съ тѣмъ привлеченный къ совѣту Серебренниковъ предупредилъ, по словамъ Гинса, „о той горячей поддержкѣ, которою пользуется Сибирское Правительство въ различныхъ кругахъ и, въ частности среди военныхъ, и Директорія не рѣшилась начинать сразу съ конфликта" (1, 248).

Въ сущности, у новаго Всероссійскаго Вр. Правительства въ Омскѣ абсолютно не было никакой реальной силы. „Быстрая и короткая расправа съ переворотчиками (т. е. въ данномъ случаѣ съ Сибирскимъ правительствомъ) — могла быть выполнена только черезъ чеховъ" — это долженъ признать Болдыревъ. „Но закрѣплять первые шаги Всероссійской власти штыками чеховъ Директорія не считала возможнымъ" (52). Остановились на компромиссѣ. 25 сентября было опубликовано слѣдующее постановленіе правительства:

„1. Признавая непререкаемыя права Сибирской Областной Думы... но имѣя въ виду невозможность

при создавшихся условіяхъ нормальной дѣятельности Областной Думы, — отсрочить ея занятія впредь до созданія таковыхъ. 2. Отставку членовъ Временнаго Сибирскаго Правительства считать... недѣйствительной. 3. Предоставить Уполномоченному Вр. Вс. Пр. гражданину А. А. Аргунову чрезвычайныя права въ дѣлѣ выясненія степени виновности тѣхъ или иныхъ лицъ въ имѣвшихъ мѣсто событіяхъ. 4. Призвать населеніе Сибири къ полному спокойствію и увѣренности въ томъ, что интересы, права и законность Вр. Вс. Пр. будутъ сохранены въ полной мѣрѣ". („Хроника". Прил. 110).

Рѣшеніе это не удовлетворило „лѣвыхъ". Томскій „Голосъ Народа" прямо заявилъ, что совершена „величайшая ошибка, послѣдствія которой трудно въ настоящій моментъ учесть". Однопартійцы Авксентьева, Зензинова и Аргунова считали, что расправу надо совершить съ „переворотчиками" не изъ Сиболдумы, а изъ среды Омскаго правительства. „Казалось, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Майскій, — послѣ цѣлаго ряда ударовъ судьба, наконецъ, смилостивилась надъ эс-эровской партіей. Счастье само собой давалось ей въ руки. Наступилъ моментъ, когда однимъ рѣшительнымъ ударомъ эс-эры могли возстановить свое сильно поколебленное вліяніе и даже — кто знаетъ? — стать политическими гегемонами на всей территоріи отъ Волги до Владивостока. Что же сдѣлали эс-эры? Всю ночь съ 24 на 25 сентября они совѣщались*) о создавшемся положеніи и, въ концѣ концовъ, постановили... бачешское предложеніе отклонить. Вмѣсто чешскихъ батальоновъ въ Омскъ былъ посланъ замѣститель Авксентьева Аргуновъ... Эта ночь по справедливости можетъ считаться началомъ конца демократической контръреволюціи въ Поволжьѣ и Сибири**). Она оттолкнула

---

*) Очевидно, надо думать, что здѣсь имѣется въ виду совѣщаніе не членовъ Правительства, а въ средѣ партійныхъ единомышленниковъ.

**) Бывшій министръ труда Самарскаго Правительства писалъ

чеховъ отъ эс-эсеровско-меньшевистскихъ элементовъ и тѣмъ самымъ подготовила близкую гибель какъ Комитета членовъ Учредительнаго Собранія, такъ и Директоріи" (255).

Не удовлетворилась рѣшеніемъ Директоріи и Сибoлдума. Вотъ что докладывалъ Томскій губернскій комиссаръ Гаттенбергъ 30 сентября Михайлову по прямому проводу: „Арестованные 28-го всѣ освобождены. Наружно въ городѣ какъ будто наступило успокоеніе... Въ дѣйствительности происходитъ подготовка къ новому выступленію. Исполнительный Комитетъ Думы не распущенъ. Собранія происходятъ въ кабинетѣ предсѣдателя Думы, происходятъ дѣятельныя сношенія Глосса и Быховскаго съ Якушевымъ и Зензиновымъ въ Уфѣ по желѣзно-дорожному проводу; фракціи Думы, за исключеніемъ областниковъ, выражаютъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Якушевъ могъ дать какое-либо согласіе за Думу и, очевидно, не думаютъ считаться съ нимъ... Исполнительный Комитетъ вступилъ въ сношенія съ Дерберовскимъ Правительствомъ... Общее настроеніе чрезвычайно тревожное... Ежеминутно ожидаю осложненій". „Здѣсь (т. е. въ Омскѣ) наступаетъ успокоеніе"—отвѣчалъ Михайловъ. Прибывшій изъ Уфы Аргуновъ не сразу оріентировался въ положеніи, но теперь поддерживаетъ Административный Совѣтъ и къ Думѣ относится отрицательно... Серебренниковъ, я и Административный Совѣтъ будемъ вести прежнюю политику и безпорядковъ не допустимъ... Прибывающіе иностранные представители оказываютъ поддержку правительству и отрицательно относятся къ политикѣ чеховъ"... („Хр." Прил. 111).

Воспоминанія А. А. Аргунова „Между двумя большевизмами" рѣшительно противорѣчатъ опредѣленію Ми-

---

свои мемуары уже будучи коммунистомъ. Его собственная прежняя дѣятельность рисовалась контръ-революціонной. Отсюда своеобразный терминъ: демократическая контръ-революція.

хайлова о позиціи уполномоченнаго Вр. Вс. Пр. Они даютъ весьма рѣзкую характеристику Административнаго Совѣта, состоявшаго „въ большинствѣ изъ чиновниковъ, прошедшихъ школу стараго режима, сохранившихъ отчасти и симпатіи къ нему", и несшаго съ собой „духъ антидемократизма и упрощенное пониманіе задачъ въ области политики въ формѣ необходимости всякаго рода „крутыхъ" мѣръ, какъ всеисцѣляющаго средства отъ всѣхъ недуговъ" (23). Борьба съ Сиболдумой, по мнѣнію „мемуариста", — это „ударъ по соціалистамъ", къ которымъ „была отнесена вся сибирская демократія" (27). Таковъ отзывъ въ воспоминаніяхъ, написанныхъ въ 1919 г. Слѣдственная Комиссія Аргунова, по его словамъ, собрала „огромный стенографически-записанный матеріалъ изъ показаній всѣхъ министровъ, общественныхъ дѣятелей, военныхъ и пр.". Въ этомъ матеріалѣ „историкъ найдетъ... многое для правильнаго пониманія исторіи сибирскаго государственнаго строительства" (22) Гдѣ этотъ матеріалъ — неизвѣстно, поэтому пока „историку" приходится вылавливать отдѣльные кусочки. И получается несомнѣнное противорѣчіе между словами уполномоченнаго Вс. Вр. Пр. и мемуариста, — тяжело пережившаго катастрофу въ Омскѣ 18 ноября. Какъ будто бы до 18 ноября настроенія Аргунова были нѣсколько иными по сравненію съ пристрастнымъ и рѣзкимъ тономъ воспоминаній въ отношеніи Сибирскаго правительства. Оцѣнка роли и значенія Сибирскаго правительства была другая— недаромъ извѣстный намъ самарскій дѣятель Лебедевъ въ своемъ „Дневникѣ" называетъ даже Аргунова „комиссіонеромъ Сибирскаго Правительства" („В. Росс." VIII,170).

То, что Михайловъ по прямому проводу говорилъ Томскому губернскому комиссару, онъ вновь повторяетъ Вологодскому, находившемуся въ то время во Владивостокѣ *): „Аргуновъ, приступивъ къ образованію особой

*) Телеграмма предсовмину Вологодскому № 0208. Имѣвшаяся у меня копія передана въ Русскій Историческій Архивъ въ Прагѣ.

слѣдственной комиссіи по разслѣдованію послѣднихъ событій, еще въ пути изъ Челябинска по чешскому проводу обратился въ Томскъ съ предложеніемъ освободить арестованныхъ членовъ Думы. Гаттенбергъ отказался исполнить приказъ Аргунова безъ подтвержденія Адм. совѣта. Согласно мнѣнія Аргунова, Адм. Совѣтъ призналъ возможнымъ освободить членовъ Думы въ виду даннаго Якушевымъ обѣщанія, что Дума безоговорочно подчинится постановленію въ перерывѣ занятій. На первыхъ порахъ по пріѣздѣ Аргуновъ обнаружилъ отрицательное отношеніе къ направленію дѣятельности Сибправительства. Въ засѣданіи Адм. Совѣта 28 сентября, дѣлая сообщеніе о своей миссіи, отмѣчалъ репрессіи противъ печати, эс-эровъ думцевъ. Рядъ членовъ Адм. Совѣта (ген. Ивановъ) указали, что если есть группы, стоящія за Думу, то несравненно большіе по численности и располагающіе реальной силой круги ненавидятъ Думу и возмущены дѣятельностью эс-эровъ и покровительствующихъ имъ чехословаковъ. Теперь Аргуновъ подъ давленіемъ общественныхъ группъ радикально измѣнилъ свой взглядъ, поддерживаетъ Адмсовѣтъ, борется съ Думой и побуждаетъ Директорію ѣхать въ Омскъ" *). Совѣтскій комментаторъ воспоминаній Болдырева, имѣвшій возможность широко пользоваться еще неопубликованнымъ матеріаломъ, приводитъ цитату — къ сожалѣнію, единственную и укороченную — изъ одного „доклада" Аргунова Директоріи: „Сибирь — дѣловой, сознательный и государственный край. Если кто-либо виноватъ во всемъ

---

*) Нѣкоторое „воздѣйствіе", или вѣрнѣе информація со стороны общественныхъ группъ, было. Такъ, Парфеновъ сообщаетъ о посѣщеніи Аргунова делегаціей отъ совѣта Всесибирскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ въ лицѣ Сазанова, Балакшина и Щура (50). Между прочимъ Якушевымъ было созвано особое совѣщаніе изъ представителей соціалистическихъ группъ. Соц.-дем. и соц.-рев, „интернаціоналисты" на собраніе не явились. Мнѣніе довольно единодушное сложилось противъ Думы— вплоть до разгона ея „даже вооруженной силой". (Докладъ Емельянова о всесибирскомъ съѣздѣ кооператоровъ въ засѣданіи иркутскаго отдѣла Всекосоюза — „Сибирь" № 84). Отмѣтимъ, что бывшіе на собраніи соц.-дем. указывали на непричастность Михайлова къ убійству Новоселова.

создавшемся остромъ моментѣ и кризисѣ власти и нежеланіи итти на уступки, то это, къ сожалѣнію, мѣстная фракція эс-эровъ" (прим. 47) *).

Слѣдственная комиссія Аргунова могла выяснить ту общественную атмосферу, среди которой родились конфликты, но въ Омской обстановкѣ была довольно безпомощна въ смыслѣ конкретнаго выявленія виновниковъ убійства Новоселова. Ѣхалъ Аргуновъ съ предвзятой точкой зрѣнія въ отношеніи Михайлова, про котораго Авксентьевъ, какъ утверждаетъ Святицкій, въ Уфѣ неосмотрительно говорилъ, что его „давно слѣдовало разстрѣлять" (42). Слѣдствіе не могло обнаружить данныхъ для привлеченія Михайлова къ отвѣтственности, т. е. не обнаружило заговора, о которомъ говорили сиболдумскіе эс-эры **). Полковникъ Волковъ на допросѣ показалъ: „Какъ офицеръ, давшій честное слово, я заявляю, что у меня сообщниковъ не было". Нормально слѣдствіе было затруднено противодѣйствіемъ, которое встрѣчала комиссія въ омской казацкой военной средѣ. Привлеченнаго къ отвѣтственности полковника Волкова взялъ съ собой на Дальній Востокъ военный министръ Ивановъ-Риновъ, и комиссіи пришлось обратиться къ содѣйствію Болдырева. На категорическое приказаніе вернуть Волкова, Ивановъ-Риновъ, исполняя приказъ главковерха, въ телеграммѣ чрезвычайно опредѣленно рисовалъ взглядъ казачьей общественности на омскія событія 21—22 сентября. „Если бы Крутовскому, Шатилову и Якушеву удалось осуществить государственный заговоръ въ Омскѣ, то, несомнѣнно, произошли бы катастрофическія событія. Выступленіе Волкова, можетъ быть юридически

*) Я исправляю явныя безсмыслицы, вкравшіяся въ текстъ. Этотъ разговоръ „по прямому проводу" по сохранившейся лентѣ воспроизводитъ и Гутманъ „Россія и большевизмъ" 290.

**) Этотъ итогъ Кроль (143) передаетъ со словъ самого Аргунова. Мемуаристъ, вращавшійся въ верхахъ тогдашней правительственной общественности, былъ достаточно освѣдомленъ въ интимныхъ, откровенныхъ разговорахъ за кулисами оффиціальной политики.

преступно, но въ результатѣ несомнѣнно спасло положеніе! Единственно, надъ нимъ тяготѣло преступленіе въ убійствѣ Новоселова, за что я, будучи въ Уфѣ, и непосвященный въ омскія событія, отрѣшилъ его отъ должности начгарнизона, заключивъ подъ стражу. По разслѣдованію же событій, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что Волковъ къ убійству Новоселова не причастенъ... Командируя Волкова по вашему приказанію въ Омскъ, усердно ходатайствую... не отказать войти въ разсмотрѣніе слѣдующихъ моихъ соображеній: 1. широкія общественныя массы... считаютъ Крутовскаго, Шатилова, Якушева и Оболдуму вставшими на путь государственной измѣны, вовлекшими въ противогосударственный заговоръ иностранное чешское войско; 2. тѣ же группы считаютъ Волкова выполнившимъ свой государственный долгъ; 3. всякая репрессія... при условіи оставленія безнаказанными Крутовскаго, Шатилова и Якушева, и принявшей участіе въ заговорѣ Оболдумы, можетъ вызвать новую смуту..." (Болдыревъ 71)*).

*) Мѣстонахожденіе непосредственныхъ убійцъ Новоселова, бѣжавшихъ изъ-подъ ареста (совершеніе этого акта приписывается казакамъ-офицерамъ Сѣмашко и Мефодіеву, адъютанту Волкова) комиссія Аргунова не могла обнаружить („Сибирь" № 88). Аргуновъ въ своей брошюрѣ нѣсколько преувеличиваетъ обстановку, говоря, что звѣрская расправа произошла „на глазахъ публики въ 11 часовъ въ загородной рощѣ". Якушевъ тогда же сообщалъ Вологодскому объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство Новоселова: „Лѣсникъ видѣлъ, какъ трое шли по лѣсу и изъ нихъ двое военныхъ. Одинъ офицеръ нѣсколько отсталъ, вынулъ револьверъ, выстрѣлилъ въ затылокъ. Затѣмъ повидимому тѣло сбросилъ въ ровъ и далъ нѣсколько выстрѣловъ по убитому". Въ рапортѣ офицеръ объяснилъ, что Новоселовъ пытался бѣжать. Можетъ быть подобное объясненіе было лишь обычнымъ трафаретомъ. Въ убійствѣ Новоселова все же были нѣкоторыя специфическія черты, которыя Ивановъ-Риновъ отмѣтилъ въ письмѣ князю Львову — это была „расправа казачьихъ офицеровъ". Еще молодой человѣкъ, лѣтъ 35, Новоселовъ, беллетристъ-этнографъ, служившій до войны воспитателемъ въ казачьемъ пансіонѣ и далекій отъ политики, сдѣлалъ довольно обычную въ 1917 году революціонную карьеру, записавшись на Кавказскомъ фронтѣ въ партію эс-эр. (Его некрологъ, написанный старымъ товарищемъ Новоселова партійнымъ большевикомъ Березовскимъ см. въ „Сиб. Огни" 1922, № 1). Какимъ образомъ въ безнаказанности убійцъ Новоселова оказался виновнымъ адм. Колчакъ (Якушевъ. „В. С." VI, 74) — понять невозможно.

Положеніе въ Омскѣ было дѣйствительно крайне затруднительно, ибо дѣятели Оболдумы принимали „мѣры къ возобновленію положенія до переворота“ (изъ сообщенія Якушева Вологодскому). Крутовскій требовалъ, чтобы Серебренниковъ сдалъ ему должность замѣстителя предсовмина. Создавалась напряженная атмосфера. Поэтому Серебренниковъ обращался къ Вологодскому съ просьбой „телеграфно воздѣйствовать на Крутовскаго и Шатилова въ томъ смысѣ, чтобы не былъ вызванъ какой либо конфликтъ“. „Админсовѣтъ — сообщалъ Серебренниковъ — не допускаетъ мысли, чтобы они вошли въ составъ правительства до окончанія работъ слѣдственной комиссіи Аргунова, и рѣшительно отказывается вести съ ними какую либо работу. Если они будутъ настаивать на своемъ, то Админсовѣтъ видитъ единственный выходъ изъ положенія въ радикальныхъ мѣрахъ. Эти мѣры, по его мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ: Сибирская Директорія*) въ лицѣ пяти или четырехъ волею Вс. Пр. должна быть упразднена; одновременно дожна быть окончательно распущена Сиб. Обл. Дума настоящаго состава, при чемъ не исключается возможность созыва новой Думы на другихъ началахъ. Временно Админсовѣтъ волею того же Вс. Пр. преобразуется въ Сибирскій Совѣтъ Министровъ. Объ этомъ мнѣніи Админсовѣта я увѣдомляю сегодня Аргунова, которому предстоитъ распутать наши сибирскія дѣла... Можетъ быть и другой выходъ. Пока ведется разслѣдованіе, могутъ уклониться отъ работы министры Михайловъ, Шатиловъ и Крутовскій. Дѣловая же работа перешла бы къ Админсовѣту подъ моимъ предсѣдательствомъ. Тѣмъ временемъ выяснились бы взаимныя отношенія Вс. Пр. къ Сибирскому. Положеніе дѣлъ въ Сибири измѣнилось бы къ скорому удовлетворенію политическихъ страстей“... „Вашъ пріѣздъ — заключалъ Се-

*) Неоффиціальное, какъ мы видимъ, именованіе перваго Сибирскаго Правительства.

ребренниковъ свою информацію — могъ бы улучшить здѣшнее положеніе". Характерно то, что отвѣчалъ Серебренникову Вологодскій, — человѣкъ, котораго противники склонны были заподозрить въ руководствѣ ведомой интригой: „вами сообщенное меня очень огорчаетъ. Неужели мы такъ неспособны справиться съ дорогимъ намъ дѣломъ созданія автономной Сибири и возрожденія Россіи. Намъ (т. е. находящимся во Владивостокѣ съ отвѣтственной миссіей) думается, что дѣйствительно нѣтъ никакой надежды. Опускаются руки. Я еще разъ прошу Админсовѣтъ не покидать своей работы, ради общей цѣли забыть всѣ уколы самолюбія"...

Съ своей стороны Якушевъ въ разговорѣ съ Вологодскимъ выражалъ увѣренность, что при выявленіи истинныхъ „вдохновителей" переворотовъ „политическая репутація Думы" въ этой грязной клоакѣ политическаго интригантства только выиграетъ въ своей лояльности".

Едва ли стремящаяся быть объективной исторія безъ значительныхъ оговорокъ согласится съ мнѣніемъ предсѣдателя Сиболдумы. Къ этимъ итогамъ конфликта намъ придется еще вернуться, такъ какъ Сибирскій конфликтъ былъ внѣшне ликвидированъ съ немалымъ трудомъ лишь тогда, когда Всер. Прав. переѣхало въ Омскъ.

2. ЕКАТЕРИНБУРГЪ ИЛИ ОМСКЪ?

Пославъ своего уполномоченнаго въ тотъ кипящій котелъ, какой являлъ изъ себя Омскъ, Директорія оставалась въ Уфѣ въ состояніи нерѣшительности. Крайне тенденціонный Майскій такъ характеризуетъ уфимскія переживанія этихъ дней: „Настроенія въ „Сибирской Гостиницѣ", гдѣ продолжали пребывать Всероссійское Правительство и Союзъ членовъ Уч. С., были хмурыя и упадочныя. Никто не зналъ, что надо было дѣлать, и всѣ съ грустной тревогой смотрѣли въ будущее. Въ Ди-

ректоріи господствовала полная растерянность... Члены У. С. также находились въ состояніи глубокой прострации... Не чувствовалось живого дыханія жизни... Одинъ видный эс-эръ, съ которымъ я подѣлился своими нерадостными впечатлѣніями, откровенно мнѣ сказалъ: „Мы запутались. Но теперь уже поздно, — надо какъ-нибудь доигрывать игру“ (261—62). 17 дней нахожденія Съѣзда У. С. въ Уфѣ и Святицкій называетъ „пребываніемъ во власти тоскливо-тягучаго настроенія“ (25). „Земля горитъ подъ ногами“ — такъ характеризуетъ положеніе Авксентьевъ въ разговорѣ по прямому проводу съ Вологодскимъ. „Мы всѣ удивлены медлительностью союзныхъ войскъ. Положеніе на волжскомъ фронтѣ весьма угрожающее, чехи крайне переутомлены и волнуются, не видя обѣщанной помощи союзниковъ. Потери волжскаго фронта громадны. Моральный политическій ударъ... Союзники должны спѣшить, иначе потеряютъ и они. Достаточно было бы спѣшное прибытіе дивизіи, чтобы измѣнить положеніе... Необходимо, чтобы во Владивостокѣ вы выяснили причину ихъ медлительности“. Вся надежда у Авксентьева на союзниковъ. „Только активная и серіозная помощь союзниковъ могла спасти востокъ отъ завоеванія его большевицкими войсками“ — заявляетъ, въ свою очередь, Святицкій (33). Чрезвычайно характеренъ этотъ интервенціонный фатализмъ представителей эс-эровской партіи. Онъ ихъ сильно отличаетъ отъ сибирскихъ настроеній. Всякій фатализмъ понижаетъ активность и самодѣятельность. При отсутствіи вѣры въ себя начинаются колебанія.

28 сентября по инициативѣ Авксентьева состоялось пленарное засѣданіе бюро Съѣзда У. С. и Центр. Комитета партіи с.-р., на которомъ былъ поставленъ вопросъ о резиденціи Всероссійскаго правительства. Отчетъ объ этомъ партійномъ совѣщаніи мы имѣемъ только въ изложеніи Святицкаго. „Глава Директоріи — разсказываетъ Святицкій — обратился къ собравшися съ крат-

кой рѣчью. Онъ указалъ, что настоящее совѣщаніе происходитъ въ совершенно частномъ порядкѣ, что онъ и его товарищъ по Директоріи, какъ члены партіи с.-р. и демократы, не могутъ не желать услышать голосъ организованной демократіи (кур. мой) при разрѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ выборъ мѣста для резиденціи Правительства. Въ Правительствѣ борятся сейчасъ два мнѣнія. Одно стоитъ за переѣздъ Директоріи въ городъ Омскъ (на этомъ настаиваютъ сибиряки во главѣ съ замѣстителемъ Вологодскаго въ Директоріи проф. Сапожниковымъ). Другое, поддерживаемое Авксентьевымъ, высказывается за Екатеринбургъ... Въ Омскѣ имѣется готовый правительственный аппаратъ, безъ коего Правительство не можетъ ступить ни шагу: именно по этой причинѣ каждый день промедленія въ Уфѣ гибеленъ для Правительства и страны. Не пугаетъ Авксентьева и перспектива очутиться въ центрѣ организованной реакціи, какимъ слыветъ Омскъ. Онъ считаетъ толки о реакціонности Омска преувеличенными... Въ Омскѣ Правительству будетъ легче побороть реакціонные круги, чѣмъ руководить этимъ дѣломъ откуда то издали... Авксентьевъ готовъ всетаки признать, что переѣздъ туда сейчасъ произвелъ бы неблагопріятное впечатлѣніе на демократическіе круги. Поэтому онъ склоняется къ тому, чтобы избрать резиденціей Екатеринбургъ, городъ достаточно большой, чтобы вмѣстить въ себя и правительственныя учрежденія и съѣздъ, который, по мнѣнію оратора, долженъ находиться тамъ же, гдѣ будетъ правительство"... „Шаткость позиціи Н. Д. Авксентьева—продолжаетъ Святицкій — вызвала среди собравшихся единодушный и горячій протестъ. Только одинъ участникъ собранія (В. В. Подвицкій) считалъ возможнымъ переѣздъ Правительства въ Омскъ. Мнѣніе всѣхъ остальныхъ собравшихся было единодушное. Переѣздъ Директоріи въ Омскъ могъ оказаться для нея гибельнымъ" (21—22).

На запросъ Вологодскаго — опредѣлено-ли мѣстопребываніе Директоріи, Авксентьевъ черезъ два дня послѣ указаннаго совѣщанія опредѣленно отвѣтилъ: „Временное Правительство рѣшило ѣхать черезъ 3—4 дня въ Екатеринбургъ и тамъ обосноваться, воспользовавшись аппаратомъ Омска и Самары въ его нужныхъ частяхъ“ *). Черезъ нѣсколько дней планъ однако былъ измѣненъ. Вновь Авксентьевъ и Зензиновъ захотѣли побесѣдовать со своими партійными товарищами. Приходится опять обращаться къ тексту Святицкаго. Послѣдній разсказываетъ: „Предупредивъ присутствовавшихъ, что предметъ и содержаніе предстоявшей бесѣды должны остаться въ полной и безусловной тайнѣ. Н. Д. Авксентьевъ перешелъ къ обрисовкѣ создавшагося положенія **). На пути къ тому, чтобы Директорія встала на свои собственныя ноги, лежатъ крупныя препятствія, изъ которыхъ главнѣйшія: поведеніе союзниковъ и существованіе областныхъ правительствъ, главнымъ образомъ, Сибирскаго... Союзники выжидаютъ и медлятъ съ признаніемъ Вс. Прав., демократизмъ его заставляетъ ихъ, очевидно, сомнѣваться въ его прочности и предпочитаютъ имѣть дѣло съ твердо вставшимъ уже на ноги сибирскимъ правительствомъ, представляющимъ собой вполнѣ реальную величину. Чувствуя за собой поддержку союзниковъ, Сибирское Правительство признаетъ Всероссійское только на словахъ“... Касаясь дальше миссіи Вологодскаго на Дальнемъ Востокѣ и подчеркивая холодность отношенія Вологодскаго къ избранію его въ составъ Директоріи, Авксентьевъ якобы говорилъ: „Цѣль

*) Болдыревъ говоритъ, что одной изъ причинъ нежеланія Директоріи переселиться въ Омскъ было то, что переходъ являлся какъ бы отрывомъ отъ Европейской Россіи: „суживалъ вліяніе Директоріи до сибирскаго масштаба“ (63).

**) Возможно, что Святицкій нѣсколько субъективно излагаетъ послѣдующую аргументацію Авксентьева, хотя авторъ въ характеристикѣ эс-эровской позиціи довольно точенъ. Книга Святицкаго вышла въ Москвѣ въ 1921 г. Святицкій даетъ матеріалъ первостепеннаго значенія для пониманія развернувшихся событій. Желательно было бы услышать голосъ самого Авксентьева.

Вологодскаго — привлечь симпатіи союзниковъ къ Сибирскому Правительству и заключить у нихъ довольно крупный денежный заемъ. Получается... незавидная картина: членъ Вс. Пр... предпочитаетъ дѣйствовать въ интересахъ областного Сибирскаго Правительства... Отсюда Авксентьевъ дѣлалъ слѣдующіе выводы. Военная помощь союзниковъ и ихъ деньги необходимы Директоріи, безъ нихъ она не можетъ существовать. Необходимо поэтому заставить союзниковъ признать Вс. Пр., а для этого необходимо уничтожить средостѣніе, существующее между союзниками и Директоріей — Сибирское Правительство. Директорія должна встать на мѣсто Сибирскаго Правительства. Уничтоживъ Сибирское Правительство, Директорія въ то же время покажетъ союзникамъ свою реальную силу и значеніе". Но какъ это сдѣлать? „Въ конституціи, родившейся на уфимскомъ Гос. Совѣщаніи, санкціонировано существованіе всѣхъ областныхъ правительствъ... Слѣдовательно и мѣропріятіе, выдвигаемое въ отношеніи Сибирскаго Правительства, надо поставить на болѣе общую и принципіальную почву, примѣняя ее вообще ко всѣмъ областнымъ правительствамъ... Прибѣгая къ этому опасному плану, онъ (Авксентьевъ) во избѣжаніе будущихъ нареканій и недоразуменій, желаетъ посвятить въ него представителей демократіи, узнать ихъ мнѣніе и дѣйствовать въ тѣсномъ контактѣ съ ними" (33—35)... Логическимъ слѣдствіемъ этой мѣры, является необходимость переѣзда Директоріи въ Омскъ. „Для Авксентьева очевидно, что уничтожить сибирское правительство невозможно путемъ примѣненія физической силы, такой силы у Директоріи пока что вовсе не имѣется, а у Сибирскаго Правительства она есть... Одержать верхъ надъ Сибирскимъ Правительствомъ можно только путемъ его „обволакиванія"... Это значитъ, что Директорія должна выбрать въ составъ всероссійскаго кабинета министровъ наиболѣе пригодные и демократическіе элементы Сибирскаго Правительства, при-

способить себѣ правительственный аппаратъ и этимъ уничтожить сопротивляемость Сибирскаго Правительства" (33—36). Представители „лѣваго крыла" партіи — ихъ было въ то время двое: Гуревичъ и Святицкій — возражали на „хитроумный" дипломатическій планъ, предложенный Авксентьевымъ. Цѣль, поставленная себѣ Директоріей, вполнѣ правильна и осуществленіе ея неотложно. Однако указанныя средства недостаточны. Излишне нарушать конституцію и прокламировать даже и временное уничтоженіе всѣхъ областныхъ правительствъ только для того, чтобы устранить сибирское. Во первыхъ, этой задней цѣли не скрыть... Во вторыхъ, она покупается слишкомъ дорогой цѣной... Мусульмане — наша поддержка и сильная опора... Если нужно, чтобы не было обидно сибирякамъ, устранить наряду съ ихъ правительствомъ еще какое либо другое правительство, то вѣдь вотъ происходитъ добровольная ликвидація Самарскаго Комитета. Развѣ Самарскій комитетъ не являлся всегда антиподомъ сибирскаго правительства? Ликвидація того и другого можетъ быть приравнена другъ другу... Но вотъ вопросъ: какъ фактически устранить отъ власти сибирское правительство? Ясно, что добровольно оно своей власти не уступитъ. Тактика обволакиванія... скользкая тактика, въ результатѣ которой сами „обволакивающіе" могутъ раствориться во враждебномъ лагерѣ. Нѣтъ, тутъ нужны рѣшительныя дѣйствія. Директорія должна сказать себѣ: либо панъ, либо пропалъ. Либо мы сломаемъ сибирскую реакцію, либо мы сломаемъ себѣ голову (Н. Д. Авксентьевъ при этихъ словахъ одобрительно киваетъ головой). Вотъ если такъ ставить вопросъ, то мы бы, въ концѣ концовъ, ничего не имѣли противъ того, чтобы Директорія переѣхала въ Омскъ. Тамъ она будетъ ближе къ врагу, тамъ у нея можетъ явиться рѣшительность, которая, очевидно, отсутствуетъ здѣсь" (37—38).

Одному „хитроумному" плану такимъ образомъ

противопоставлялся другой въ одной части болѣе рѣшительный, въ другой болѣе циничный — впрочемъ, скорѣе наивный своей сверхулисовской дипломатіей съ упраздненіемъ фактически несуществующаго самарскаго правительства. Когда читаешь повѣствованіе Святицкаго, не можешь отрѣшиться отъ мысли, что иниціаторъ упомянутаго эсъ-эровскаго совѣщанія, быть можетъ, примѣнялъ въ данномъ случаѣ только обволакивающую тактику и въ отношеніи своихъ партійныхъ единомышленниковъ: надо было тѣмъ или инымъ путемъ пресѣчь протестъ въ случаѣ переѣзда Директоріи въ Омскъ. Примѣненный методъ былъ опасенъ и чреватъ послѣдствіями. Если не сдѣлать такого рода предположенія, то въ сущности придется признать, что въ эти дни въ Уфѣ былъ составленъ „заговоръ“ противъ Сибирскаго Правительства, причемъ заговорщики расходились лишь въ методахъ практическаго осуществленія этого „заговора“.

Трудно было предположить, что Сибирское Правительство не раскуситъ такого орѣха. Въ дѣйствительности же новый „заговоръ“ неизбѣжно приводилъ къ столкновенію двухъ соперничающихъ силъ. Если не Сибирское Правительство, какъ таковое, то отдѣльные его члены съ самаго начала стремились устранить ту „громадную опасность“, которую представлялъ долженствовавшій собраться 1 января эсеровскій осколокъ „Учредительнаго Собранія“... „Ликвидація этого Собранія, что возможно лишь при участіи союзниковъ, является Вашей главной обязанностью“ — писалъ Ивановъ-Риновъ 30 сентября уѣзжающему въ Америку и Зап. Европу кн. Львову.

Черезъ нѣсколько дней „Директорія покинула Уфу, увозя въ двухъ спеціальныхъ поѣздахъ свою многочисленную свиту“ (Майскій 284). На недоумѣніе Кроля *),

*) Кроль былъ горячимъ сторонникомъ переѣзда Директоріи въ Екатеринбургъ и согласно полученнымъ уже директивамъ принялъ отъ имени Уральскаго Правительства всѣ необходимыя мѣры для размѣщенія учрежденій Всер. Прав.

при встрѣчѣ въ Челябинскѣ Авксентьевъ ему отвѣтилъ: „Иначе нельзя было. Мы должны сунуться волку въ пасть: или онъ насъ съѣстъ, или онъ нами подавится", (140) „Много позднѣе — добавляетъ Кроль — я узналъ, что Директорія опасалась какъ бы Омскъ не постарался сдать большевикамъ Екатеринбургъ съ Директоріей" *). Новая интрига со стороны Омска! Эту легенду однако легко разрушаютъ слова ген. Болдырева: „уклонъ въ сторону Омска усилился послѣ заявленія приглашеннаго на одно изъ совѣщаній ген. Сырового, что при создавшихся на фронтѣ условіяхъ онъ не можетъ гарантировать не только безопасность Екатеринбурга, но не исключаетъ возможности его оставленія". „Пессимизмъ Сырового — добавляетъ Болдыревъ — имѣлъ источникомъ непріятныя осложненія, начавшіяся въ чешскихъ войскахъ въ районѣ Самары. Я лично не считалъ это явленіе достаточнымъ для отказа отъ Екатеринбурга и исходилъ изъ другого соображенія — главный врагъ Директоріи былъ все таки Омскъ, надо было вплотную подойти къ нему и такъ или иначе обезвредить его или окончательно убѣдиться, что Директорія въ наличномъ ея составѣ не болѣе, какъ „досадное осложненіе". Большое сомнѣніе возникало у меня и въ отношеніи возможности быстраго созданія дѣлового аппарата, а безъ него Директорія только безполезно тратила время на засѣданія" (63—64).

* * *

Вслѣдъ за Директоріей, въ концѣ концовъ, въ Омскъ рѣшилъ ѣхать и Съѣздъ Уч. Собр., но наканунѣ его отбытія неожиданно была получена телеграмма отъ депутатовъ „весьма праваго настроенія" — Быховскаго и Ѳо-

---

*) Кроль въ данномъ случаѣ (стр. 151) опирается на слова лидера омскихъ к. д. Жардецкаго, сказанныя въ партійномъ совѣщаніи и не имѣвшія никакого отношенія къ Директоріи. Жардецкій указывалъ, что, быть можетъ, будетъ разумнѣе избавится на время отъ Урала, отдавъ его большевикамъ.

мина, предостерегавшихъ отъ поѣздки въ Омскъ. Не откладывая рѣшенной поѣздки, бюро съѣзда вызвало для обмѣна мнѣній въ Челябинскъ указанныхъ лицъ и Брушвита изъ Екатеринбурга.

Майскій, бывшій среди членовъ У. С., въ минорныхъ тонахъ описываетъ настроенія учредиловцевъ въ дни продвиженія отъ Уфы въ Челябинскъ. Три дня длилось это путешествіе. „Поѣздъ У. С. подолгу стоялъ на попутныхъ станціяхъ, но теперь вокругъ него уже не кипѣла жизнь, которую онъ вызывалъ лишь семь недѣль тому назадъ. Точно вмѣстѣ съ осенью увядала притягательная сила къ Учр. Собр... Въ самомъ поѣздѣ тоже господствовали уныніе и апатія. Не было почти никакихъ засѣданій, старались избѣгать говорить о томъ, что висѣло угрозой надъ всѣми... Чувствовалось, что всѣ очень довольны затяжкой путешествія, такъ какъ это отстрачиваетъ наступленіе того страшнаго момента, когда надо будетъ опять вернуться къ политикѣ, что то рѣшать, что то дѣлать, въ чемъ то проявлять свою волю“ (288—9).

15 октября прибыли въ Челябинскъ. Пріѣхавшіе изъ Омска депутаты нарисовали самую мрачную картину. Въ Омскѣ слова: „соціалистъ-революціонеръ“, Учредительное Собраніе“ — слова одіозныя для большинства интеллигенціи и буржуазіи... Ненависть къ отдѣльнымъ болѣе популярнымъ депутатамъ такова, что ихъ могутъ убить. Переѣзжать въ Омскъ Съѣзду нельзя. „Сообщенія Быховскаго и Ѳомина создали — говоритъ Майскій — среди эс-эровъ почти паническое настроеніе“ (291) *). „Къ сожалѣнію, и то, что сообщили пріѣхавшіе изъ Екатеринбурга, было тоже далеко не изъ радостныхъ“. Чехи „любезно согласились“ на пребываніе съѣзда

*) Ср. Святицкій 42, Послѣ ночного засѣданія Майскій и его группа на всякій случай тутъ же въ поѣздѣ постановили „отнынѣ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы эс-эровъ и Учредительнаго Собранія“, Мотивировалось это тѣмъ, что Комитетъ У. С., какъ выяснилось на ночномъ засѣданіи, уже „трупъ“.

въ Екатеринбургѣ, но гражданская власть находится въ рукахъ Сибирскаго Правительства. Коалиціонное областное правительство „никакой власти не имѣетъ“. И въ Екатеринбургѣ можно ожидать недоразумѣній и инцидентовъ (Святицкій 43). И всетаки поѣхали въ Екатеринбургъ — „ничего другого не оставалось“.

3. СЪѢЗДЪ УЧР. СОБРАНІЯ.

Оставимъ на время Директорію и заглянемъ хронологически нѣсколько впередъ для характеристики дѣятельсти учредиловцевъ въ періодъ пребыванія съѣзда въ Екатеринбургѣ... Это одна изъ важнѣйшихъ страницъ въ исторіи эпохи, нами описываемой, ибо она даетъ ключъ къ пониманію всѣхъ послѣдующихъ событій.

Мѣсяцъ пробылъ Съѣздъ въ Екатеринбургѣ. Майскій, преисполненный пессимизмомъ, который не помѣшалъ ему, однако, вести переговоры съ Директоріей, чрезвычайно иронически отзывается о трудахъ и дняхъ Екатеринбургскаго сидѣнія съѣзда. Этотъ высшій „государственно-правовой органъ“ Россіи ничѣмъ не ознаменовалъ себя, кромѣ „добрыхъ намѣреній“ и кипы резолюцій *). Жилъ онъ въ Екатеринбургѣ „въ положеніи бѣднаго родственника“. Раздираемый непрекращающимся внутреннимъ разногласіемъ между „правыми“ и „лѣвыми“, онъ прожилъ въ Екатеринбургѣ на бивуакахъ, „не зная, что дѣлать и на что рѣшиться“. „Какое жалкое положеніе занималъ съѣздъ, можно судить по тому, что ему такъ-таки и не удалось получить въ Екатеринбургѣ хоть сколько нибудь подходящаго зданія для своихъ занятій“ (339—40). Послѣднее не совсѣмъ вѣрно,

*) Содержаніе Съѣзда У. С. обходилось довольно дорого государству, такъ какъ по „положенію“, принятому съѣздомъ, депутатъ получалъ жалованья 1500 руб. и по 250 руб. добавочно на каждаго члена семьи. „Многимъ казалось это жалованье слишкомъ высокимъ“, — пишетъ Святицкій. Однако, имѣлось въ виду не оставлять на произволъ судьбы семьи тѣхъ депутатовъ, которые, перебравшись черезъ фронтъ и понадѣявшись на быструю ликвидацію большевизма, большею частью оставили близкихъ безъ достаточныхъ денежныхъ средствъ“ (30—31).

ибо Съѣздъ обзавелся въ концѣ концовъ собственнымъ помѣщеніемъ въ условіяхъ, достаточно ярко характеризующихъ умонастроеніе членовъ того „правового-государственнаго органа“, функціи котораго, по соглашенію на Уфимскомъ Совѣщаніи, были ограничены лишь подготовкой созыва У. Собр. Къ „реквизиціямъ“ Съѣздъ сознательно ни разу не прибѣгалъ — съ нѣкоторымъ какъ бы сожалѣніемъ говоритъ Святицкій: „Увы! эс-эры дѣйствовать по большевицки не умѣли“ (45). Для обезпеченія себя помѣщеніемъ учредиловцы рѣшили, игнорируя мѣстную гражданскую и военную русскую власть, обратиться „непосредственно“ къ чешскому главнокомандующему фронтомъ ген. Гайдѣ, для переговоровъ съ которымъ былъ посланъ Брушвитъ. Гайда на выборъ предложилъ два помѣщенія. Однако соблазнительное для съѣзда помѣщеніе общественнаго клуба было занято лазаретомъ. Опираясь на Гайду, Съѣздъ могъ бы выселить этотъ лазаретъ. Но Съѣздъ вообще былъ уступчивъ, а въ данномъ случаѣ онъ боялся, кромѣ того, возбудить общественное неудовольствіе. Остановились на зданіи стараго епархіальнаго училища. „Все это показываетъ— насколько мѣстныя власти и учрежденія пренебрежительно относились къ съѣзду членовъ У. С... Въ сущности вопросъ о размѣщеніи могъ быть разрѣшенъ очень просто и легко, стоило цѣликомъ реквизировать одну какую либо гостиницу, выселивъ оттуда спекулянтовъ и военныхъ. Военныя власти, не задумываясь, производили такія реквизиціи. Намъ же въ этомъ отказывали (46). Совершенно естественно, что обращеніе учредиловцевъ къ авторитету Гайды вызвало нѣкоторый саботажъ со стороны мѣстной власти. Изъ позднѣйшихъ показаній адм. Колчака на судѣ мы знаемъ, какое неудовольствіе у русскихъ вызывали дѣйствія иностранцевъ съ реквизиціями помѣщеній (Допросъ 144). Повидимому, не всѣ возмущались тѣмъ, чѣмъ возмущался адм. Колчакъ. Но самое характерное то, что достаточно, очевидно, наив-

ному Святицкому и въ мысль не приходило сомнѣніе о правѣ Съѣзда У. С. производить какія либо реквизиціи. Мысль эта не приходитъ потому, что „черновцы“ (наименованіе Святицкаго) по своему начинаютъ толковать уфимскія резолюціи и выдвигаютъ Съѣздъ У. С. на первый планъ: Съѣздъ это правительственный органъ, которому должна быть фактически подчинена Директорія.

Тенденція эта определенно сказалась въ работахъ съѣзда, весьма оживившихся съ пріѣздомъ 2 ноября въ Екатеринбургъ Чернова. Дѣло не въ самомъ Черновѣ въ какой либо его иниціативѣ и энергіи*), а въ томъ, что къ этому времени на съѣздѣ опредѣленно образовалось „лѣвое большинство“. У Съѣзда намѣчались два плана работы, разработанные представителями разныхъ крыльевъ съѣзда — праваго и лѣваго. Авторомъ одного изъ нихъ былъ Святицкій, другого Д. С. Розенблюмъ. По плану „лѣвыхъ“ Съѣздъ долженъ быть противопоставленъ реакціи и явится центромъ, собирающимъ вокругъ себя активныя силы демократіи. Прежде всего особая Комиссія должна заняться завершеніемъ выборовъ въ тѣхъ избирательныхъ округахъ, гдѣ они не были закончены. Съ другой стороны Съѣздъ долженъ принять мѣры, чтобы обезпечить возможность созыва У. С. „Разумѣется задача можетъ быть осуществлена только вмѣшательствомъ Съѣзда въ его цѣломъ во внутреннюю политическую жизнь страны, выражающимся въ непосредственномъ воздѣйствіи на политику Вс. Пр. и въ строжайшемъ наблюденіи за выполненіемъ правительствомъ всѣхъ обязательствъ, возложенныхъ на него Уф. Соглашеніемъ“ (Святицкій 48—49). Планъ Святицкаго намѣчалъ разработку ряда законодательныхъ вопросовъ въ видѣ подготовки ихъ для Уч. Собр. и завершалъ все организаціей боевыхъ отрядовъ и дружинъ

*) „Хроника“ опредѣленно заноситъ въ свою лѣтопись: „Черновъ повелъ кампанію противъ Директоріи“ (93). Конечно, совѣтскіе историки правы.

для защиты У. С. Этотъ планъ отчетливъ и ясенъ, если мы примемъ во вниманіе утвержденіе alter ego Чернова, что они отлично понимали, что „новые выборы въ Уч. Соб.“ станутъ возможны „только тогда, когда мы будемъ имѣть единую Россію“, т. е. новымъ выборамъ долженъ предшествовать „довольно большой періодъ времени собиранія Россіи“. Планъ Святицкаго сводилъ на нѣтъ уфимское соглашеніе и пытался передать всю полноту власти „охвостью“ стараго У. Собр. на длительный періодъ времени — какъ разъ изъ-за этого ломались копья въ Уфѣ, какъ разъ это было непріемлемо для самыхъ разнообразныхъ круговъ русской общественности.

Представитель праваго крыла Съѣзда Розенблюмъ честно, хотя съ большими оговорками и большой осторожностью, съ экивоками въ сторону помѣщичьей реакціи, исходилъ изъ status quo установленнаго Уфимскимъ Совѣщаніемъ. Учредительное Собраніе „по всей вѣроятности“ вынуждено будетъ ограничиться организаціей всероссійской властн, выработкою новаго избирательнаго закона и назначеніемъ новыхъ выборовъ. Поэтому задача Съѣзда заниматься не столько подготовкой законопроектовъ, сколько обезпеченіемъ самаго созыва У. С. Съ этой цѣлью надо всячески содѣйствовать „великой работѣ“ Всер. Пр. по освобожденіи Россіи отъ большевицкаго и нѣмецкаго ига... Любопытные комментаріи къ такимъ тенденціямъ дѣлаетъ Святицкій: „правое крыло съѣзда робко и нерѣшительно встаетъ... на новый путь... отрицанія У. С.“ (53). За отсутствіемъ кворума на собраніяхъ оба плана обсуждались лишь въ частныхъ совѣщаніяхъ, причемъ оказался принятымъ планъ Святицкаго. 2 ноября съ Черновымъ и Вольскимъ прибыли изъ Самары болѣе десяти депутатовъ лѣваго направленія. Всѣ они, какъ оказывается, пріѣхали въ „боевомъ настроеніи“. Небезинтересно то описаніе совѣщаній лѣвой группы, которое даетъ Святицкій. Совѣ-

щанія происходили въ номерѣ Чернова. У многихъ возникалъ вопросъ: „не насталъ ли уже моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Нѣкоторые товарищи предлагали уже сейчасъ выступить противъ Директоріи *). Съѣздъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ бросить перчатку реакціи, заявивъ о разрывѣ Уфимскаго соглашенія. Члены Директоріи эс-эры при такомъ положеніи не останутся въ Директоріи... Послѣдняя расколется и исчезнетъ съ лица земли сама собой. Съѣздъ останется лицомъ къ лицу съ сибиряками и долженъ употребить все свое вліяніе, чтобы привлечь на свою сторону чеховъ и опереться на ихъ военную помощь. Большинство товарищей заняло, однако, болѣе осторожную позицію... Пусть реакція сама дастъ поводъ къ возникновенію гражданской войны. Мы же, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, должны заняться не медля ни одного дня напряженной работой по подготовкѣ своего контръ-наступленія... Въ особенности, намъ не слѣдуетъ упускать изъ своего вниманія Екатеринбургъ, гдѣ мы должны произвести революціонный переворотъ въ первую голову, изгнавъ сибирское командованіе и водрузивъ на его мѣстѣ свою собственную власть" (68).

Правые имѣли свои совѣщанія. На нихъ было принято рѣшеніе выступить печатно противъ Ц. К. съ особымъ воззваніемъ „такъ сказать съ контръ-революціей".

6 ноября, наконецъ, состоялось пленарное публичное засѣданіе съѣзда — присутствовала, правда, только „своя публика", работавшая при Съѣздѣ. На пленумѣ былъ окончательно принятъ планъ Святицкаго, т. е. планъ вступленія на самостоятельный политическій путь**).

---

*) Основаніемъ служило соглашеніе Директоріи съ Сибирскимъ Правительствомъ. Объ этомъ ниже.

**) Характеренъ эпизодъ. Съѣздъ рѣшилъ издавать газету. В. А. Алексѣевскій пытался доказывать, что этотъ органъ не можетъ быть органомъ какого либо одного направленія. Резолюція Алексѣевскаго, конечно, провалилась. Отмѣчу, что этотъ Алексѣевскій не имѣлъ отношенія къ лицу, участвовавшему въ судѣ надъ адм. Колчакомъ.

Правые послѣ этого не ушли со съѣзда и приняли участіе въ общей посылкѣ делегаціи въ Америку для выясненія вопроса: помогутъ ли союзники россійской демократіи или нѣтъ? *) Оставаясь на съѣздѣ, въ сущности „правые" принимали на себя формально какъ бы отвѣтственность за то, что дѣлалось отъ имени съѣзда **).

Такова была внѣшняя оболочка. Гораздо важнѣе было реальное осуществленіе принятаго плана. Въ сущности его основной чертой было признаніе, что съ большевиками возможно бороться только при помощи союзниковъ, а съ внутренней реакціей (подразумѣвалось сибирское правительство) только при содѣйствіи военной силы чеховъ. И въ отношеніи надеждъ на вмѣшательство чеховъ во внутреннія россійскія дѣла, и въ отношеніи разсчетовъ на иностранную интервенцію описанныя Екатеринбургскія настроенія дѣйствительно чрезвычайно рѣзко расходились съ настроеніями значительной части Сибирской общественности и въ особенности адм. Колчака, появившагося къ тому времени на политическомъ горизонтѣ. Конкретно задача новаго бюро Съѣзда формулировалась, какъ подготовка „къ активному дѣйствію, къ защитѣ не словомъ, а дѣломъ Учредительнаго Собранія": „Предстояла схватка съ реакціей— надо было къ ней готовиться". Въ первую очередь рѣшено было заняться агитаціей. Ея лозунгъ — „защита У-С. и образованіе для этой цѣли рабоче-крестьянскихъ добровольческихъ отрядовъ, а также русско-чешскихъ батальоновъ" (75) ***). Бюро озаботилось посылкой депу-

*) Иниціаторы этой делегаціи, по словамъ Святицкаго, были чехи. См. то же „Сибирь" № 87.

**) Голоса на съѣздѣ распредѣлились такъ: лѣвое теченіе (Черновъ, Вольскій) собрало 22 голоса; центръ (Миноръ, Гендельманъ, Архангельскій) — 10. Правые — 10. Три члена воздержались („Новая Сибирь" № 22). „Центръ" Святицкій характеризуетъ такъ: эти депутаты колебались, идя то съ лѣвыми, то съ правыми (70).

***) На организаціи батальоновъ Святицкій настаивалъ на сентябрьскомъ засѣданіи Съѣзда, на которомъ присутствовали и члены Директоріи, „рѣзко" протестовавшіе противъ этого и заявившіе, что воинскія части могутъ состоять въ непосредств. распоряж. только самого правительства (17).

татовъ въ крупные заводскіе поселки Урала въ цѣляхъ мобилизаціи отрядовъ противъ реакціи. Далѣе бюро вошло въ сношенія съ чехами относительно образованія въ Екатеринбургѣ „русско-чешскихъ полковъ" на подобіе уфимскихъ. Командный составъ должны были поставлять чехи, а добровольцевъ набирать учредиловцы. „Мы же, — повѣствуетъ Святицкій, — имѣли и право распоряженія этими частями, а также право надзора за офицерскимъ составомъ, отстраняя отъ командованія малонадежныхъ для насъ (въ демократическрмъ смыслѣ) офицеровъ" (76). Другими словами и здѣсь организаторы пытались такимъ путемъ обойти русскія военныя власти и за ихъ спиной создать какую то самостоятельную военную силу *). „Мы имѣемъ основанія надѣяться— пишетъ Святицкій —что... въ той борьбѣ, которая вскорѣ и неизбѣжно завяжется между нами и этимъ (т. е. сибирскимъ) правительствомъ, чехи будутъ дѣйствовать либо открыто съ нами вмѣстѣ, либо соблюдая въ отношеніи насъ дружественный нейтралитетъ. Нашей цѣлью было обезпечить сотрудничество чеховъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали въ разговорахъ съ чешскими представителями и руководители съѣзда: В. М. Черновъ, В. К. Вольскій, И. М. Брушвинъ и др. Надо признать, что всѣ подобные разговоры оставляли желать большаго: чехи какъ будто избѣгали откровенно говорить на откровенныя темы. Все ограничивалось изъявленіями чувствъ симпатіи, дружеской поддержки и т. п. Встрѣчая такое отношеніе, и мы избѣгали пока ставить вопросъ прямо, надѣясь, что самое развитіе событій поставитъ чеховъ въ рѣшительный моментъ по одну сторону баррикадъ, вмѣстѣ съ нами" (83).

„Для обороняющейся демократіи — продолжаетъ Святицкій, разсказавшій очень много закулиснаго изъ партійной дѣятельности въ порывѣ откровенности, ко-

*) Весьма ошибочно эс-эры расчитывали на войска рабоче-крестьянскаго района Прикамья.

торая часто появляется у оппозиціонеровъ — огромнымъ препятствіемъ, тормозомъ служила политика безформенной и нерѣшительной „коалиціонной“ Директоріи. Становилось нужнымъ въ первую очередь „расчленить“ это препятствіе. Либо Директорія будетъ съ нами и вполнѣ наша, либо пусть не будетъ ея самой! Таково было наше настроеніе... Мы, конечно, не предполагали, что съѣздъ сейчасъ же, въ первомъ же своемъ закрытомъ политическомъ пленарномъ засѣданіи долженъ объявить Уфимское соглашеніе нарушеннымъ и вообще объявить войну Директоріи. Наша цѣль была воздѣйствовать на Директорію. До сихъ поръ мы не упускали случая пытаться и устно, и письменно влять на с-р-ую часть Директоріи... Только что... предсѣдатель съѣзда Вольскій довольно рѣзко предостерегалъ товарищей. Старался воздѣйствовать... и Цент. Ком. партіи, пославъ въ этихъ цѣляхъ въ Омскъ творца Уфимскаго соглашенія— М. Я. Гендельмана, къ этому времени уже настроеннаго противъ политики Директоріи“ (88). Выжидая „удобнаго“ момента, Съѣздъ на практикѣ весьма мало считался съ распоряженіями, которыя шли изъ Омска отъ имени Директоріи.

На прямое запрещеніе Болдырева формировать добровольческія части помимо военнаго министерства, Съѣздъ отвѣтилъ отказомъ, ибо добровольческія части, организуемыя въ защиту У. С., не могли быть распускаемы правительствомъ. Приказъ Болдырева направлялся не къ Съѣзду, а къ Совѣту Управл. Вѣдомствами бывшаго Самарскаго правительства, который въ Уфѣ какъ бы отправлялъ функціи областного правительства и формировалъ добровольческія части согласно директивамъ Совѣта. Совѣтъ Упр.-Вѣд. не подчинился распоряженію Болдырева съ „вѣдома и одобренія Съѣзда...“ „И что было весьма характерно — добавляетъ эс-эровскій лѣтописецъ — ему предложило помогать въ этой работѣ и высшее чешское командованіе“ (86).

Въ октябрѣ размѣры территоріи Совѣта Упр. Вѣд.— власть осуществлялась здѣсь 4 эс-эрами: Филипповскимъ, Веденяпинымъ, Климушкинымъ и Нестеровымъ, — ограничивались Уфой и окружающимъ райономъ. Нѣсколько неожиданно самоликвидирующееся правительство ожило и признало въ качествѣ высшаго политическаго органа Съѣздъ У. С. Между Совѣтомъ и Бюро Съѣзда установились самыя оживленныя сношенія путемъ посылокъ курьеровъ, корреспонденціи и переговоровъ „по прямому проводу". Съ Бюро Съѣзда Совѣтъ сносился почти по всѣмъ главнымъ вопросамъ. Дѣйствительно получалось самостоятельное правительство, обладавшее и собственной арміей и собственными деньгами (изъ парижскаго доклада Ключникова) и подрывавшее авторитетъ Всероссійской Власти. По истинѣ вся дѣятельность Съѣзда носила характеръ антигосударственный и по тѣмъ временамъ антинаціональный. Никакая демократическая прикрышка не могла оправдать партійнаго политиканства. Это было только политиканство, ибо у Съѣзда какъ мы увидимъ, не было никакой реальной силы. Болѣе чѣмъ естественно, что при такихъ условіяхъ направленіе дѣятельности Съѣзда вызывало къ себѣ рѣзкое отрицательное отношеніе даже со стороны элементовъ далеко не реакціонныхъ. Въ кругахъ же дѣйствительно реставраціонно настроенныхъ и враждебныхъ по существу всякимъ проявленіямъ со стороны такъ называемой „революціонной демократіи", видѣвшихъ въ проявленіи коллективной воли лишь выраженіе мнѣній толпы, росло чувство прямой ненависти къ тѣмъ, которые разрушали своей работой противобольшевицкій фронтъ. Широкая публика не могла разбираться въ партійныхъ нюансахъ — да и не было матеріала для этого.

Въ однихъ тонахъ обрисовывалась дѣятельность партіи эс-эровъ, и отношеніе къ партіи рикошетомъ переносилось къ лѣвой части коалиціонной Директоріи, не всегда умѣвшей, какъ мнѣ кажется, выбрать правильную тактику въ сложной обстановкѣ.

4. ВЪ ОМСКѢ.

Директорія начинала дѣйствовать въ совершенно исключительно трудныхъ условіяхъ. Въ значительной степени правъ былъ б. управляющій вѣд. ин. дѣлъ правительства адм. Колчака Ключниковъ, прибывшій въ Парижъ и дѣлавшій въ іюнѣ 19 года докладъ въ средѣ Политическаго Совѣщанія: „Несмотря на видимое единодушіе въ моментъ избранія Директоріи, она покоилась на весьма непрочномъ основаніи". Прежде всего считали, что Директорія сама по себѣ не долговѣчна. Черезъ двa-три мѣсяца ее смѣнитъ У. С., которому „никто не вѣритъ". Это замѣчаніе принадлежитъ уже Болдыреву (66). „Ея существованіемъ въ сущности мало кто интересовался" — добавляетъ с.-р. Колосовъ („Былое" XXI, 250). Общее мнѣніе о Директоріи было „хуже, чѣмъ отрицательное" долженъ признать, говоря объ екатеринбургскихъ настроеніяхъ, горячій сторонникъ Директоріи Л. А. Кроль (140). Пріѣхавшій въ Омскъ адм. Колчакъ также слышитъ лишь отрицательные отзывы: казаки говорили, что „это есть представители партій, которые войдутъ въ соглашеніе съ большевиками и погубятъ Россію" (Допросъ 155). Такъ отливались въ примитивномъ сознаніи просачивающіеся въ Омскъ слухи. „Мнѣ совершенно ясно — замѣчаетъ въ Харбинѣ 1 октября вѣчно будирующій Будбергъ — что изъ смѣси эсеровщины, думскихъ пустобреховъ и естественно настроенныхъ очень реакціонно офицерскихъ организацій ничего, кромѣ вони и взрывовъ, не выйдетъ; изъ такихъ продуктовъ даже самые первоклассные спеціалисты по соглашательству ничего не сварятъ" (XIII, 255). Не вѣритъ Будбергъ правительству, рожденному „торгомъ," и предсказываетъ, что „недовольные начнутъ подпольную работу".

При такихъ предзнаменованіяхъ Директорія прибыла въ Омскъ 9 октября. Здѣсь она была встрѣчена „безъ особыхъ торжествъ и помпы" (Серебренниковъ

16). И все-таки въ черновикѣ своего дневника Болдыревъ записалъ: „встрѣча царская“. Вокзалъ былъ убранъ національными флагами. „Въ вагонъ вошли командующій Сибирской арміей ген. Ивановъ-Риновъ, предсѣдатель областной думы Якушевъ*), членъ Сибирскаго правительства Серебренниковъ. Его „добро пожаловать“ звучало какъ-то не особенно радостно. Привѣтствовалъ чешскій уполномоченный Рихтеръ и многіе другіе. На перронѣ былъ выстроенъ чешскій почетный караулъ — станція находилась въ вѣдѣніи ихъ коменданта. Затѣмъ поѣхали по вѣткѣ въ городъ. Станція „Вѣтка“ декорирована національными и сибирскими флагами. Площадка усыпана пескомъ. Нѣсколько арокъ; одна съ надписью „добро пожаловать“. Почетный караулъ отъ сибирскихъ стрѣлковъ. Въ Штабѣ арміи былъ приготовленъ чай и закуски. Отсюда поѣхали на парадъ, которому предшествовалъ торжественный молебенъ... Огромная толпа народа. Картина грандіозная. Давно не слышанные звуки „Коль славенъ“, при шествіи послѣ молебна духовной процессіи... Гремѣло ура... Затѣмъ правительству были представлены высшіе чиновники, представители городскихъ и общественныхъ организацій. Все шло чудесно. Оффиціальная сторона безупречна“ (65—66).

Я подробно остановился на описаніи встрѣчи потому, что противъ Сибирскаго правительства выдвигалось обвиненіе въ демонстративномъ игнорированіи Директоріи съ момента ея переѣзда. Дѣло въ томъ, что

---

*) Я не знаю, естественно или случайно произошло соединеніе делегацій. Гинсъ говоритъ, что Якушевъ, приглашенный въ засѣданіе блока „поддавшись впечатлѣнію горячихъ филиппикъ противъ него и Думы, публично покаялся“ (I, 248), Это „покаяніе“ какъ то не вяжется съ послѣдующей дѣятельностью Якушева. Гинсъ довольно рѣзко отзывается о предсѣдателѣ Сиболдумы, — отмѣчаетъ, между прочимъ, его слабохарактерность. Можетъ быть, этой именно чертой и объясняются не всегда какъ будто послѣдовательные поступки лидера сиболдумскихъ эс-эровъ. Во всякомъ случаѣ въ день 9 октября появленіе на перронѣ встрѣчающихъ членовъ Директоріи Иванова-Ринова, Якушева и Серебренникова, было только благопріятнымъ симптомомъ, что вызывало негодованіе у нѣкоторыхъ эс-эровъ.

„квартирьеры“ Директоріи не нашли подходящаго помѣщенія, и пришлось оставаться въ вагонахъ на вѣткѣ. Это былъ „явный вызовъ“, по мнѣнію Болдырева, (скорѣе нераспорядительность въ омской сутолокѣ). Много анекдотовъ, нервирующихъ слухъ членовъ Директоріи, распространялось по Омску, — довольно типичному провинціальному городу. Очевидно, имъ придавали значеніе, если они попали на страницы мемуаровъ. „Дерзко ведутъ себя и отряды атамановъ“ — записываетъ Болдыревъ 15 октября — Авксентьевъ разсказывалъ, будто Красильниковъ, стоя подбоченясь передъ поѣздомъ Директоріи, кому-то говорилъ: „Вотъ оно воробьиное правительство — дунешь и улетитъ“ (74) *).

Въ первые же дни Директорію посѣтилъ рядъ общественныхъ делегацій — въ томъ числѣ отъ омскаго отдѣла „Союза Возрожденія Россіи“, мѣстной группы тр-эн-эсовской партіи, эс-эровъ, „воленародцевъ“ и союза кооперативовъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Болдыревъ излагаетъ деклараціи, сдѣланныя представителями общественныхъ группъ, посѣтившихъ директорію, и post factum ихъ комментируетъ. Болдыревъ считаетъ эти деклараціи весьма характерными для настроеній, господствовавшихъ тогда въ Омскѣ. Характерны и комментаріи Болдырева. „Возрожденцы“ подчеркивали, что только въ сибирской окраинѣ заложены прочныя основанія государственнаго строительства, здѣсь власть сумѣла возвыситься надъ всякими партійными и иными соображеніями. Выражая пожеланіе сохранить Админсовѣтъ, возрожденцы характеризовали Сиболдуму, какъ учрежденіе, не отвѣчающее ни принципамъ народоправства, ни реальному соотношенію общественныхъ силъ. Соціалисты-революціонеры такъ же рѣшительно отметали старое Уч. Соб. и Обл. Думу, называя ихъ суррогатами представительныхъ учрежденій. Кооператоры подчеркивали заслуги сибирскаго

---

*) У Кроля разговоръ съ „кѣмъ-то“ пріобрѣтаетъ уже вполнѣ реальныя очертанія (143).

правительства, завоевавшаго симпатіи широкихъ массъ, и выражали надежду, что въ борьбѣ Админсовѣта съ Обл. Думой Всер. Пр. не станетъ на сторону послѣдней.

Членамъ Директоріи пе понравилась лестная оцѣнка Сибирскаго правительства, данная голосами демократической общественности Омска. „Административный Совѣтъ велъ игру тонко“ — замѣчаетъ Болдыревъ: „Директорія собиралась поглотить Вр. Сиб. Пр. представлявшееся такимъ совершеннымъ въ оцѣнкѣ этой общественности“. „Замыселъ“ ихъ „мы узнали весьма скоро“ (67—69).

Къ сожалѣнію, Директорія не отнеслась серьезно къ предостерегающему голосу извѣстной части демократическихъ круговъ сибирскихъ, именно тѣхъ, которые одни и недвусмысленно могли бы поддержать Директорію. Съ предвзятостью подошла Директорія къ этому голосу, — недаромъ Авксентьевъ съ ироніей называлъ представителей блока „9 музами“. Допустимъ, что Админсовѣтъ „велъ игру тонко“. Но, если не тонко, то весьма послѣдовательно вели свою игру тѣ, которые шли подъ знаменемъ Сиболдумы и Комитета У. С. И ими была примѣнена ошибочная тактика дискредитированія тѣхъ слоевъ сибирской демократіи, которые не поддерживали оффиціальной линіи партіи с-р-овъ. Дезавуируя демократичность блока, они лили воду лишь на мельницу подлинныхъ противниковъ коалиціонной работы буржуазныхъ, демократическихъ и соціалистическихъ элементовъ страны. Они доказывали тѣмъ самымъ, что Директорія дѣйствительно является какимъ-то „досаднымъ недоразумѣніемъ“, препятствующимъ естественной эволюціи общественныхъ отношеній. Эту тактику дезавуированія проводили сибирскіе эс-эры съ момента, когда потеряли прежнее, быть можетъ, нѣсколько внѣшнее вліяніе въ значительной части мѣстной коопераціи. Видные дѣятели коопераціи, какъ мы уже отмѣтили, пошли по линіи, установленной блокомъ. Въ этомъ союзѣ были

представители подлинной сибирской демократіи. Между тѣмъ окруженіе Директоріи видѣло въ поступкахъ блока лишь стремленіе какимъ бы то ни было путемъ изжить Директорію (Кроль 152), а въ статьяхъ неоффиціальнаго омскаго органа „Союза Возрожденія" открывало какую то систематическую кампанію противъ Директоріи (Аргуновъ 32). Кто возьметъ на себя трудъ посмотрѣть „Зарю", тотъ легко убѣдится, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. „Заря" не была оффиціозомъ Сибирскаго Правительства, что впослѣдствіи утверждалъ Аргуновъ, и не фальсифицировала общественное мнѣніе, прикрывая свою антидемократичность соціалистической этикеткой (Зензиновъ).

„Въ обстановкѣ Омска намъ приходилось быть скромными" — замѣчаетъ Болдыревъ. Въ дѣйствительности же вы чувствуете излишнюю нервность въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, но отнюдь не скромность. Обвиняя Югъ въ чрезмѣрныхъ претензіяхъ за то, что тамъ не желаютъ считаться съ организаціей „всероссійской" власти, Директорія подчасъ сама была не въ мѣру претенціозна и самомнительна во внѣшнихъ сношеніяхъ. Производитъ впечатлѣніе, что этой внѣшностью она какъ бы пытается замѣнить отсутствіе подлинной власти и подлиннаго авторитета. Въ результатѣ получилась какая-то голая формула, которая мало кого могла обмануть и свидѣтельствовала о какой-то „заносчивости", какъ выразился впослѣдствіи въ газетномъ интервью Вологодскій.

Еще изъ Уфы, 2 октября, циркулярной телеграммой на имя россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ за подписью предсѣдателя Авксентьева и секретаря Кругликова новое „Всероссійское Правительство" объявляло себя urbi et orbi избраннымъ „всенароднымъ собраніемъ" *) и преемникомъ власти Временнаго Прави-

*) Этотъ терминъ часто употреблялся потомъ (см., напр., статьи Маевскаго послѣ Омскаго переворота). Конечно, въ значительной степени правъ А. И. Деникинъ, отмѣчающій, что Уфим. Совѣщ. не могло претендовать „на демократичные способы своего избранія".

тельства 17 г. Русскій народъ, объединившись вокругъ Вр. Пр., борется для освобожденія страны отъ большевицкой власти, существованіе которой покоится на германскихъ и венгерскихъ войскахъ. Всенародное собраніе передало „верховную власть" на всей территоріи Государства Россійскаго Директоріи. „Вслѣдствіе чего— гласило циркулярное посланіе — вамъ поручается Вр. Рос. Пр-омъ освѣдомиться у Правительства, при коемъ Вы аккредитованы, признаетъ ли оно насъ единственной законной русской власью и готово ли аккредитовать своего дипломатическаго представителя при Вр. Рос. Пр.". Такое заявленіе, пожалуй, было смѣшно въ омской обстановкѣ. Разговаривая съ Авксентьевымъ по прямому проводу изъ Владивостока (до переѣзда Директоріи въ Омскъ), Вологодскій предупреждалъ его: „На Дальнемъ Востокѣ международное положеніе въ общихъ чертахъ рисуется такъ. Союзники желаютъ имѣть передъ собой опредѣлившееся правительство, поэтому отношеніе къ всероссійской власти пока очень сдержанное. Они съ появленіемъ этой власти видятъ очередныя фигуры въ нашемъ многовластіи и поэтому очень осторожны. Сиб. правительство съ большими усиліями достигло положенія болѣе или менѣе сноснаго, и, не признавая его, какъ суверенное, считались съ нимъ, какъ съ фактически завоевавшимъ себѣ международное положеніе. Поэтому въ переговорахъ съ ними мнѣ приходится всѣми силами сохранять позиціи Сибирскаго Правительства, какъ величины, съ которой такъ или иначе считаются. Долженъ сознаться, что таинственная исторія въ Омскѣ*) нѣсколько поколебала основы, положенныя нами". „Поэтому я и впредь буду исходить изъ этого соображенія значенія Сибправительства и Всероссійской власти" — съ откровенностью говорилъ Вологодскій, рисуя наличную обстановку. На это Авксентьевъ отвѣчалъ: „Иностранцы могутъ видѣть какую угодно фигуру во все-

*) Имѣется въ виду сентябрьскій конфликтъ.

россійскомъ правительствѣ, ибо это ихъ дѣло, но мы добьемся признанія, такъ какъ отъ России и ея областей съ иностранцами должно говорить только Всерос. Правительство. Правительство поручило мнѣ просить васъ представлять именно Россійское Правительство и до конца уяснить нашу точку зрѣнія" *). Все это красиво, но и только, въ моментъ, когда, по признанію самого Авксентьева, земля горѣла подъ ногами.

Демократическая коллегія, желавшая представлять изъ себя „коллективнаго монарха", вообще склонна была къ авторитарнымъ пріемамъ, забывая, что истинная авторитетность не опредѣляется внѣшней показной стороной. Въ этомъ грѣхѣ обвиняетъ Директорію никто иной, какъ одинъ изъ ея членовъ, Вологодскій (интервью въ „Зарѣ" № 6) **). Авторитарность подчасъ проявлялась дѣйствительно не къ мѣсту. Вотъ, напримѣръ, бесѣда Зензинова съ журналистомъ. Представитель Директоріи— „Его однопятое величество", говоритъ, что никакого насажденія частно-земельной собственности не будетъ допущено — „пусть это зарубятъ у себя на носу реставраторы старыхъ порядковъ". Можно было бы не повѣрить этому интервью, если бы оно не было напечатано въ „Вѣст. Рос. Пр." отъ 13 ноября. Это безаппеляціонное заявленіе дѣлается тогда, когда Директорія доживала уже послѣдніе дни, когда весь Омскъ говорилъ о необходимости диктатуры, какъ единственнаго выхода изъ создавшагося положенія, а представитель Англіи, сэръ Элліотъ, посѣтивъ Мин. Ин. Дѣлъ, больше всего интересовался вопросомъ: можетъ ли власть гарантировать владѣніе земельной собственностью (изъ оф-

*) Надо сравнить эту бесѣду съ рѣчью Авксентьева, правда, въ изложеніи Святицкаго, на упомянутомъ выше эс-эровскомъ совѣщаніи.

**) Мемуаристы утверждаютъ, что Директорія ввела титулованіе: „Ваше Высокопревосходительство". Для демократіи у власти это вообще характерная черта. Гинсъ разсказываетъ совершенно юмористическіе вещи о претензіяхъ тов. мин. вн. дѣл. эс-эра Михайлова. Майскій то-же разсказываетъ про Роговскаго и т. д.

фиціальной переписки). Отсюда, очевидно, и вытекли наблюденія Болдырева, которому Зензиновъ представлялся всегда пишущимъ передовую статью въ партійной газетѣ! Его особенно ненавидѣли омскіе общественные круги — добавляетъ Болдыревъ: „платился за грѣхи партіи“ (69).

„Всѣ мы желали добра странѣ“... Никто не будетъ оспаривать этихъ словъ Болдырева (54). Здѣсь нѣтъ сомнѣній. И житейски можно понять тяжелыя переживанія временнаго предсѣдателя Вр. Всер. Правительства Н. Д. Авксентьева, писавшаго своимъ товарищамъ на югъ: „Вы чувствуете, что васъ здѣсь используютъ. Вы говорите противъ большевиковъ и оказываетесь въ липкихъ рукахъ людей, которые хотятъ задушить не только большевиковъ, но и соціализмъ. Вы скажете о реакціонности антибольшевицкихъ образованій — ликуютъ господа, называющіе Ленина и Троцкаго товарищами. И самое ужасное, что до Россіи, до ея горя, стремленій дѣла никому нѣтъ. На спинѣ Россіи ведутъ свою домашнюю борьбу одинаково и правые и лѣвые“. Справа не оцѣнили стойкости Авксентьева — говоритъ Кроль (156). Такъ, вѣроятно, это и было. Но бѣда Директоріи въ томъ, что она не сумѣла или не смогла взять опредѣленнаго и твердаго курса. Ея „лѣвая“ часть боялась порвать со своимъ партійнымъ прошлымъ, которое въ настоящемъ становилось тяжелымъ придаткомъ. Какъ мудры были тѣ, которые на Уфимскомъ Совѣщаніи рекомендовали членамъ Директоріи выйти на время изъ состава партіи. При устраненіи формальной связи само собой устранились бы многія изъ позднѣйшихъ обвиненій. Не могла бы претендовать и партія на нѣкоторое хотя бы преимущественное къ себѣ вниманіе со стороны членовъ правительства изъ своего состава*).

*) Въ Уфѣ ограничились оффиціальнымъ оглашеніемъ представителями партій обязательства, согласно которому онѣ не имѣли права отзывать изъ состава правительства своихъ членовъ, не имѣли права оказывать на нихъ воздѣйствія (!!), не имѣли права

Лѣвая часть Директоріи все же оставалась загипнотизированной демократическими формулами и болѣзненнымъ страхомъ грядущей контръ-революціи. Это лишило Директорію возможности аналитически разобраться въ сибирскихъ дѣлахъ и найти опору и въ сибирскомъ правительствѣ и въ тѣхъ кругахъ мѣстной общественности, которые поддерживали это правительство *). Безъ опоры Директорія должна была носиться по волнамъ стихіи, подчасъ какъ ладья безъ руля.

Попутно уже приходилось отмѣчать штрихи для характеристики сибирской общественности и впредь при-

---

требовать отъ нихъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. „Члены правительства— писалъ Зензиновъ въ своей статьѣ „Правда о неправдѣ“ въ апрѣлѣ 19 г. въ парижскомъ „Общемъ Дѣлѣ“ — по волѣ всѣхъ участниковъ Уфимскаго Совѣщанія должны были быть совершенно свободны и независимы въ своей дѣятельности“. („Гос. Пер.“ 187). Долженствующее не всегда совпадаетъ съ сущимъ. Такъ было въ дни Директоріи съ партіей с.-р. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что указанныя партійныя обязательства были оглашены только въ согласительной Комиссіи — въ той лабораторіи, въ которой протекала вся основная работа Совѣщанія (протоколъ Комиссіи 22 сентября). Къ сожалѣнію, эта работа въ значительной степени оставалась работой закулисной и теряла свое общественное значеніе. По словамъ Святицкаго, на совѣщеніи членовъ У. С. въ Екатеринбургѣ „произвело фуроръ“ оглащеніе выдержекъ изъ протокола засѣданія согласительной Комиссіи, гдѣ Гендельманъ отъ имени партіи давалъ какъ бы обязательство, что „У. С. даннаго состава по своемъ созывѣ ограничитъ свою дѣятельность „національными“ задачами обороны страны, возстановленіемъ государственнаго единства и организаціей новыхъ выборовъ въ новый парламентъ“. „Огромное большинство членовъ съѣзда возмутилось, что именемъ партіи было совершено неправомочное покушеніе на права У. С. Несомнѣнно, если бы вся фракція объ этихъ „оговоркахъ“ въ Уфѣ знала, то никакого соглашенія тамъ не состоялось бы“... „Теперь же мы заявили — добавляетъ Св. — „что отнюдь н е п р и з н а е м ъ заявленій, сдѣланныхъ Гедельманомъ отъ нашего имени, но безъ нашего вѣдома“ (57).

*) По словамъ Майскаго (340) Зензиновъ объяснялъ нерасположеніе сибиряковъ къ Директоріи тѣмъ, что сибиряки почти всѣ сплошь областники, а Директорія является носительницей идеи всероссійской власти. Конечно, дѣло было не въ этомъ. Если позднѣе звучали такіе мотивы, то скорѣе это придуманная аргументація для оправданія постигшей неудачи. Такіе мотивы звучали въ рѣчи А. В. Сазонова въ Приморскомъ Народномъ Собраніи (1921 г.). Успѣхи Сибирской арміи имъ объяснялись энтузіазмомъ освобожденія Сибири. „Но вотъ къ намъ пришла Директорія, а вмѣстѣ съ ней и масса бѣженцевъ изъ Европ. Россіи, она къ намъ принесла мысль о томъ, что надо строить все въ широкомъ всероссійскомъ масштабѣ. Этимъ убили энергію, убили подъемъ духа въ сибирскомъ населеніи и въ сибирской арміи“ („Вольн. Сиб.“ II 177—180).

дется еще много разъ это дѣлать. Я не наблюдалъ ее непосредственно. По документамъ и матеріаламъ симпатіи относишь къ тѣмъ демократическимъ кругамъ, въ центрѣ которыхъ были областники-кооператоры, которые въ періодъ Сиболдумы были на ея какъ бы правомъ флангѣ, которые въ конфликтѣ съ ней поддерживали Админсовѣтъ, въ дни Директоріи быть ея „девятью музами“, а послѣ 18 ноября сочли необходимымъ во имя національныхъ интересовъ Россіи поддержать новую власть. Въ тактикѣ блока были, вѣроятно, ошибки. Но общая его линія не уклонялась отъ средняго пути — она, по моему мнѣнію, была послѣдовательно государственной.

5. ОРГАНИЗАЦІЯ ВЛАСТИ.

17 августа Авксентьевъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Совѣтской Россіи, далъ газетное интервью съ общей оцѣнкой дѣятельности Сибирскаго Правительства („Сиб. Вѣст.“ № 2). Онъ указывалъ, что политическая линія Сибирскаго Правительства, поскольку онъ познакомился съ деклараціями, „государственна, глубоковыдержана и правильно намѣчена“... Такая оцѣнка косвенно осуждала уже тактику Сиболдумы. Возможно, что для Авксентьева это интервью было лишь однимъ изъ первыхъ шаговъ политики „обволакиванія“. Но многіе усматривали въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ выступленіяхъ Авксентьева противорѣчіе и объяснили это вліяніемъ партійныхъ круговъ.

Съ переѣздомъ въ Омскъ основнымъ вопросомъ для Директоріи являлось созданіе правительственнаго аппарата центральной власти. Надлежало, использовавъ существовавшій административный аппаратъ, размежеваться съ нимъ въ сферѣ центральной и областной. Сибирское правительство, которому было подчинено $^3/_4$ территоріи, вызволенной изъ-подъ большевицкой власти, не могло при доброй волѣ такъ легко формально самоупраздниться, какъ это сдѣлало (въ сущности фиктивно)

Самарское правительство, почти лишенное территоріи и не имѣвшее налаженнаго административнаго аппарата (общее признаніе). Сибирское правительство, съ установившимися въ извѣстной степени внѣшними сношеніями, не могло быть такъ легко ликвидировано, какъ вновь образовавшееся уральское правительство — скорѣе характера земской власти, нежели правительство съ государственными функціями. Директорія не сумѣла въ сущности найти цѣлесообразнаго и достойнаго выхода. Мѣсяцъ переговоровъ съ Сибирскимъ правительствомъ — мѣсяцъ нуднаго топтанія на мѣстѣ, раздражающихъ споровъ и компромиссовъ, приводившихъ очень многихъ къ сознанію, что изъ сожительства Директоріи и Сибирскаго Правительства ничего не выйдетъ. Въ своихъ показаніяхъ адм. Колчакъ свидѣтельствуетъ: „Я вынесъ впечатлѣніе, что армія относится отрицательно къ Директоріи, по крайнѣй мѣрѣ въ лицѣ тѣхъ начальниковъ, съ которыми я говорилъ. Всѣ совершенно опредѣленно говорили, что только военная власть можетъ теперь поправить дѣло, что такая комбинація изъ пяти членовъ Директоріи, кромѣ борьбы, интригъ, политической розни, ничего не даетъ и не дастъ, и что въ такомъ положеніи вести войну нельзя". Особенно рѣзко говорилъ ген.-майоръ Пепеляевъ: „Съ моей точки зрѣнія совершенно безразлично, кто будетъ вести дѣло войны, но я считаю, что изъ комбинаціи Директоріи съ Сибирскимъ Правительствомъ ничего не выйдетъ хорошаго" (166).

Вредная атмосфера борьбы разрушала необходимое единство и соглашеніе. Кто въ этомъ виноватъ? Допустимъ, что обѣ стороны. Но, во всякомъ случаѣ, на сторонѣ Сибирскаго Правительства было то, что ему приходилось уступать чему-то неизвѣстному. Въ политическую игру входилъ еще третій партнеръ въ лицѣ представителей фактически несуществующей Сиболдумы: Якушевъ въ бесѣдѣ съ Вологодскимъ по прямому проводу опредѣленно заявлялъ, что передача функцій Сиб.

правительства можетъ быть сдѣлана только актомъ Совѣта Министровъ Вс. Пр. по соглашенію съ Думой.

Въ цитированной выше бесѣдѣ съ Авксентьевымъ Вологодскій изъ Владивостока убѣждалъ своего собесѣдника въ необходимости сохранить въ томъ или иномъ видѣ Сибирское Правительство, по крайней мѣрѣ хоть временно. Вологодскій отчасти мотивировалъ это необходимостью получить заемъ въ 200 мил. руб., который дается союзниками Сибирскому Правительству „на удовлетвореніе неотложныхъ текущихъ нуждъ“ и подъ честное слово его, Вологодскаго, и кн. Г. Е. Львова. Авксентьевъ, какъ мы знаемъ, на это отвѣчалъ: заключайте заемъ отъ имени Вс. Пр. — и говорилъ объ использованіи „аппарата Омска и Самары въ его нужныхъ частяхъ“... Мнѣ кажется естественнымъ, что Вологодскій хотѣлъ закончить переговоры въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они велись уже достаточно долгое время. Видѣть здѣсь особую интригу и проявленіе сепаратизма со стороны Вологодскаго едва ли правильно. Во всякомъ случаѣ Вологодскій, давъ согласіе на участіе въ Директоріи, не продолжалъ вовсе хлопотать о признаніи союзниками сибирскаго правительства, какъ утверждаетъ Аргуновъ (31) *). При общемъ недовѣріи къ Директоріи подсознательно могло возникнуть опасеніе за сохранность Сибирскаго Правительства. Что получится взамѣнъ его? Боялись той „свиты“ изъ членовъ У. С., которая сопровождала Директорію. Боялись не только того, что „дѣловой аппаратъ будетъ составленъ изъ людей, не обладающихъ надлежащими техническими знаніями и административнымъ опытомъ“, — но и того, что эс-эры, фактически придя къ власти, „разрушатъ достигнутые Сибирью результаты въ государственномъ строитель-

---

*) Это было, пожалуй, мнѣніе большинства членовъ Директоріи. По крайней мѣрѣ Болдыровъ счелъ необходимымъ предостеречь Иванова-Ринова отъ дачи подписи подъ сепаратнымъ соглашеніемъ Сибири съ союзниками (67).

ствѣ“. Призракъ Сиболдумы выступалъ передъ дѣятелями Адм. Совѣта. Сообщая Вологодскому эти опасенія, Михайловъ заклинаетъ предсовмина всемѣрно воздѣйствовать на Всерос. Правительство. Со своей стороны Гинсъ телеграфируетъ въ Админсовѣтъ: „Добиться положительныхъ результатовъ возможно только при условіи устойчивости Сибирской власти. Малѣйшія колебанія вызываютъ здѣсь пересуды, раздуваются событія, порождаются невѣроятные слухи. Союзники не вѣрятъ во всероссійскую власть. Во избѣжаніе неорганизованности необходимо пріостановить реконструкцію хотя бы на недѣлю, пока разрѣшится вопросъ о займѣ двухсотъ милліоновъ, затѣмъ судьба желѣзныхъ дорогъ, которыя отстаиваемъ отъ покушеній американцевъ, доставка снабженія для стотысячной арміи, что обѣщаютъ англичане, отправка во Владивостокъ невыкупленныхъ военныхъ грузовъ, охраняемыхъ иностранцами. Все это, болѣе или менѣе налаженное, погибнетъ. Утверждаю, что въ интересахъ общегосударственныхъ необходимо сохранить неприкосновеннымъ сибирскій аппаратъ... Дождаться пріѣзда Совмина для проведенія реконструкціи“...

Такъ ли были необоснованы всѣ эти сужденія? Директорія своими первыми шагами во всякомъ случаѣ не давала основанія для опасеній Админсовѣта въ смыслѣ какой либо партійности правительственнаго аппарата. Еще въ Уфѣ Директорія пригласила Старынкевича на постъ министра юстиціи, проф. Сапожникова на постъ министра народнаго просвѣщенія и Устругова на постъ министра сообщеній въ Центральномъ Правительствѣ. Бывшій с.-р. Старынкевичъ уже былъ въ составѣ Админсовѣта, равно и Сапожниковъ, Уструговъ входилъ въ хорватское правительство. Слѣдовательно здѣсь соблюдено было какъ будто бы полное политическое безпристрастіе *). Но атмосфера взаимнаго недовѣрія

*) Велись переговоры и съ сибирскимъ министромъ проф. Гудковымъ.

и недоброжелательства была слишкомъ насыщена *).

Лѣвые члены Директоріи не были склонны сотрудничать съ Админсовѣтомъ въ цѣломъ въ виду его репутаціи въ партійныхъ кругахъ. Конечно, въ установленіи этого факта Гинсъ правъ (I, 263) **). Но такъ или иначе по неизбѣжности приходилось использовать единственный дѣловой аппаратъ Сибирскаго Правительства: у насъ нѣтъ кандидатовъ, которыхъ мы можемъ противопоставить омскимъ министрамъ — откровенно сказалъ Авксентьевъ Кролю. („Три года" 145) ***).

12 октября, т. е. черезъ три дня послѣ пріѣзда Директоріи въ Омскъ въ отсутствіе еще Вологодскаго (и это ставили въ вину Вологодскому — видѣли здѣсь сознательное уклоненіе, проявленіе выжидательной политики) состоялось совмѣстное засѣданіе Директоріи и Админсовѣта. Слѣды этого, повидимому, достаточно бурнаго засѣданія, имѣются въ воспоминаніяхъ различныхъ его участниковъ. Серебренниковъ пишетъ:

„На этомъ совѣщаніи членамъ Директоріи, Авксентьеву и Зензинову, пришлось выслушать немало непріятныхъ словъ со стороны сибиряковъ, опасавшихся гроз-

---

*) Уколы самолюбія возникали по всякому поводу. Члены Всероссійской Директоріи не считали нужнымъ по прибытіи сдѣлать визиты мѣстнымъ министрамъ. Тѣ обижались. Въ результатѣ подчеркнутое какъ бы игнорированіе Директоріи, члены которой не приглашаются 22 октября на оффиціальный завтракъ въ Мин. Ин. Дѣл., гдѣ присутствуютъ представители иностранныхъ миссій (Болдыревъ 81).

**) Этимъ, вѣроятно, отчасти объясняется противодѣйствіе, которое оказываетъ Сиб. правительство переходу своихъ членовъ въ составъ Центр. правительства. Это „политическая ошибка" телеграфируетъ Гинсъ изъ Владивостока. Этимъ ослабляется вліяніе Сибири. Возможно только принятіе членами Сиб. правительства исполненіе обязанностей всер. министровъ.

***) Нужныхъ людей не было и въ Сибири. Кроль, самъ сознающійся, что его считали слишкомъ пристрастнымъ въ отношеніи сибирскаго правительства, говоритъ, что сибиряки умѣли пускать пыль въ глаза своей „помпой" (135) и этимъ производили впечатлѣніе на Авксентьева и Болдырева. Но другого выхода просто не было. Потому нѣсколько непонятны слова Болдырева, который признаетъ пагубной мысль объ использованіи Сибирскаго совѣта министровъ, выдвинутую впервые въ Уфѣ проф. Сапожниковымъ.

ныхъ послѣдствій партійной гегемоніи эс-эровъ. Авксентьевъ, въ свою очередь, дѣлалъ какія то глухія предостереженія сибирякамъ, указывая на то, что за Директоріей стоятъ силы, которыя сумѣютъ за нее постоять, это были, очевидно, намеки на чехословаковъ. Послѣ бурныхъ преній, проходившихъ въ недружелюбной атмосферѣ*), совѣщаніе пришло все же къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Эти рѣшенія состояли въ томъ, что Сибирское правительство прекращаетъ свое существованіе, избирается Совѣтъ министровъ Всероссійскаго Правительства, но формированіе Совѣта министровъ опредѣляется совмѣстно Всероссійскимъ и Сибирскимъ правительствами по обоюдному соглашенію.

„Сибиряки этимъ какъ бы говорили Директоріи: Да! Мы готовы въ силу рѣшенія Уфимскаго Совѣщанія, упразднить Сибир. правительство, передать вамъ весь налаженный съ такимъ трудомъ правительственный аппаратъ этого правительства, но мы должны быть увѣрены, что все, созданное нами, не погибнетъ, и аппаратъ получитъ надлежащее руководство. Гарантію этой увѣренности мы можемъ имѣть только тогда, когда мы примемъ участіе въ дѣлѣ сформированія вами новаго всероссійскаго Совѣта министровъ, и когда безъ нашего одобренія, не будетъ назначенъ ни одинъ министръ. Если вы готовы сдѣлать намъ эту небольшую уступку, то мы готовы на весьма большое самопожертвованіе — упраздненіе Сибирскаго правительства“ (С. Ар. I, 16—17).

Въ „дневникѣ“ Зензинова, записи котораго цитируетъ Гинсъ, добавляется: „отъ насъ потребовалось много выдержки и хладнокровія. Въ результатѣ мы пришли къ такому соглашенію всѣ противъ Н. Д. Авксентьева,

---

*) Болдыревъ добавляетъ: „Заявленіе Авк. вызвало крайне рѣзкіе нападки министровъ Петрова (земледѣлія) и Михайлова. Я принужденъ былъ выступить и нѣсколько охладить эти горячія головы заявленіемъ, что меня удивляетъ тонъ нотацій и непрошенной критики по адресу Всероссійской власти. Настроеніе сразу понизилось, боевой задоръ исчезъ, были сдѣланы конкретныя предложенія“ (69).

который настаивалъ на ожесточенной борьбѣ съ Административнымъ Совѣтомъ... Административный Совѣтъ устами Михайлова выразилъ свое „глубокое удовлетвореніе“ рѣшеніемъ Вс. Пр. Посмотримъ, гдѣ здѣсь политическій задній планъ, гдѣ искреннее желаніе сохранить результаты своихъ работъ“ (I, 265—66).

Послѣ совѣщанія съ Админсовѣтомъ происходило засѣданіе Директоріи. О немъ Болдыревъ говоритъ: „Авксентьевъ неимовѣрно волновался, говорилъ, что предложенія эти — капитуляція для насъ, что надо рвать. Ему резонно возразили: а потомъ что? Что выиграетъ отъ этого дѣло возрожденія Россіи. Спорили долго и горячо. Въ концѣ концовъ согласились признать пріемлемыми предложенія сибиряковъ“ (70)*).

18 октября пріѣхалъ въ Омскъ Вологодскій. При обостренныхъ отношеніяхъ каждый шагъ, каждая мелочь ставится на учетъ. Вотъ какъ описываетъ Болдыревъ первую встрѣчу: „Утромъ прибылъ П. В. Вологодскій. Встрѣчала исключительно Сибирь. Намъ оффиціально не сообщили о часѣ пріѣзда, а потому никого отъ насъ не было. Конечно, это произвело непріятное впечатлѣніе и пошло намъ на минусъ. Авксентьевъ поѣхалъ было, но Вологодскаго уже не засталъ на вокзалѣ. Къ Вологодскому поѣхалъ Кругликовъ, — былъ принятъ сдержанно. Вологодскій обѣщалъ пріѣхать въ правительство къ 2-мъ часамъ, но потомъ позвонилъ, что ему предварительно надо сходить въ баню — явная отплата за наше отсутствіе при встрѣчѣ. Пріемъ — не лишенный чисто мѣстнаго колорита. Мнѣ это даже понравилось, но Авксентьевъ очень взволновался. Онъ временами близокъ къ истерикѣ“ (76)...

Слѣдить за всѣми перипетіями переговоровъ и борьбы мы не будемъ. Дѣйствительно она была тосклива и давала печальную картину русской общественности въ отвѣтственный моментъ жизни страны. Всѣ эти

*) Подробно эти „тезисы-условія“ изложены у Гинса I, 269—270.

засѣданія самъ Болдыревъ характеризуетъ такъ: „обычное безплодіе“ (78); „начинаю тяготиться этой болтовней и взаимобоязнью“ (80). Директоріи казалось, что Сибирское правительство склонно поставить новую всероссійскую власть „на положеніе англійскаго короля“, а между тѣмъ Директорія, стремясь быть „коллективнымъ монархомъ“, желала быть „монархомъ самодержавнымъ, а не конституціоннымъ“ (слова Вологодскаго въ интервью „Св. Кр.“ № 158, 1919, 22 янв.). Нервничалъ въ этой обстановкѣ не одинъ Авксентьевъ. „Всѣ эти переговоры и тренія, — пишетъ Серебренниковъ, — настолько утомили и нервно измотали и безъ того слабаго здоровьемъ Вологодскаго, что онъ сталъ походить болѣе на мертвеца, чѣмъ на живого человѣка“ (20) *).

Споры шли теперь не въ области принциповъ, а лишь въ сферѣ практическаго разрѣшенія принятаго соглашенія. Надо было распредѣлить министерскіе портфели и рѣшить вопросъ объ Оболдумѣ, роспускъ которой, вполнѣ логично, являлся условіемъ самороспуска правительства. Лѣвая часть Директоріи была въ этомъ отношеніи нѣсколько затруднена, ибо, по словамъ Якушева (бесѣда съ Вологодскимъ по прямому проводу) дала гарантію возобновленія дѣятельности Оболдумы. Очевидно, по соглашенію съ Якушевымъ была выдвинута комбинація самороспуска Думы, для чего ее надо было собрать, а это вызывало рѣшительный протестъ со стороны какъ Админсовѣта, такъ и значительной части сибирской общественности. 24 октября Болдыревъ записываетъ: „Засѣданіе правительства началось довольно бурно по вопросу о самороспускѣ Думы. Я былъ опредѣленно противъ этого новаго осложненія. Вологодскій сначала угрожалъ было ультиматумомъ, т. е. если мы

*) Между тѣмъ Гинсъ (I, 267) даетъ такой образъ Вологодскаго: „Здоровая уравновѣшенность его натуры выражалась въ поразительномъ спокойствіи. Онъ никогда не проявлялъ ни торопливости, ни раздраженія, ни страха. Своимъ спокойствіемъ и выдержкой онъ иногда обезоруживалъ, а иногда обезкураживалъ горячія головы“.

Думу соберемъ даже для самороспуска, то они разгонятъ ее своимъ указомъ... Однако, ультиматумъ былъ очень рѣзко встрѣченъ съ нашей стороны, и Вологодскій уступилъ“ (83—84). 26 октября... „Въ 7 час. Я былъ приглашенъ на засѣданіе Адм. Совѣта... Авксентьевъ состязался съ сибирскими министрами по вопросу объ открытіи Обл. Думы. Я оставался на своей старой позиціи— роспуска ея однимъ актомъ, одновременно съ упраздненіемъ Сибир. Пр., но предлагалъ сибирякамъ подумать, отвергая предложеніе Авксентьева о созывѣ Думы для самороспуска, особенно въ виду выявившейся симпатіи чеховъ къ этому „политическому трупу“, какъ называли Думу ея враги“ (85).

Оффиціальный документъ Сибирскаго правительства — шифрованная телеграмма представителю правительства на Д. Востокѣ Гревсу — нѣсколько по иному освѣщаетъ картину засѣданія: Сибправительство, возражая на проектъ созыва Облдумы на одинъ день въ цѣляхъ самороспуска, указывало на невозможность созыва Думы, объявленной Сибправительствомъ „низложенной“, находило созывъ Думы „безцѣльнымъ, опаснымъ, подрывающимъ авторитетъ правительства“. Всеросправительство большинствомъ трехъ противъ двухъ (Авксентьева и Зензинова) согласилось съ Сибправительствомъ. Авксентьевъ и Зензиновъ заявили о выходѣ изъ состава Директоріи. Вмѣшался Чехосовѣтъ въ лицѣ уполномоченнаго Рихтера, потребовавъ созыва Думы и грозя въ противномъ случаѣ уходомъ изъ Сибири чеховойскъ. Тогда Сибправительство уступило.

Одновременно шли и острыя разногласія о составѣ будущаго Совѣта министровъ. Вся омская общественность такъ или иначе реагировала на споры, которые шли въ правительственныхъ сферахъ. „Горячо обсуждалъ каждую кандидатуру „блокъ“. „Днемъ и вечеромъ — разсказываетъ Гинсъ — происходили совѣщанія, на которыя приглашались и представители Сибирскаго

Правительства. На одномъ изъ засѣданій былъ даже Вологодскій. Блокъ насѣдалъ на него, добиваясь его настойчивости и рѣшительности въ отстаиваніи кандидатуръ“ (273). Происходили засѣданія „Нац. Союза“ или „Священнаго Союза“, какъ называли бѣлоруссовскую организацію между собой члены Директоріи. Собирались отдѣльно кадеты *).

„Не обширенъ былъ кругъ лицъ, среди которыхъ можно было вербовать кандидатовъ въ министры“ — замѣчаетъ Гинсъ. „Промелькнули случайныя лица, какъ, напримѣръ, Савинковъ, пробравшійся въ это время въ Сибирь и показавшійся подходящимъ человѣкомъ для завѣдыванья иностранной политикою, но сейчасъ же устраненный изъ числа кандидатовъ энергичными возраженіями Авксентьева...

„Въ большинствѣ случаевъ выбирать приходилось, однако, либо „сибирскихъ, либо „самарскихъ“ министровъ...

„Со стороны Директоріи были предложены въ министры: Колчакъ (военный и морской), Ключниковъ (по иностраннымъ дѣламъ), Сапожниковъ (народное просвѣщеніе), Старынкевичъ (юстиція), Уструговъ (пути сообщенія), Роговскій (внутреннія дѣла), Майскій (вѣд. труда) **).

„Сибирское правительство возражало противъ Роговскаго и Майскаго, выдвигая вмѣсто перваго Михайлова, вмѣсто второго Шумиловскаго“... (274).

Какъ видимъ, Гинсъ утверждаетъ, что кандидатура

---

*) Въ обывательскихъ же кругахъ создавалась вредная атмосфера пересудовъ на тему: „кто кого съѣстъ“. Эти разговоры въ „коммерческомъ клубѣ“ отмѣчаетъ Кроль, при чемъ въ общемъ отзывы о Директоріи были „мало-лестные“ (144).

**) Между Майскимъ и Зензиновымъ по поводу кандидатуры перваго произошла нѣкая полемика. Зензиновъ („Дни“ 23 г. № 86) отрицалъ свои переговоры съ Майскимъ о занятіи поста министра труда, на чемъ настаивалъ Майскій. Полемика эта представляетъ, конечно, мало интереса. Интересно лишь то, что, по словамъ Зензинова, кандидатура Майскаго, предложенная имъ и Авксентьевымъ, была отвергнута остальными членами Директоріи (Майскій 313).

адм. Колчака, приведшая въ особенное негодованіе екатеринбургскихъ эс-эровъ, была выдвинута Директоріей. Кандидатура эта имѣетъ уже свою маленькую исторію. Колчакъ на допросѣ показалъ, что переговоры съ нимъ велъ Болдыревъ, вызвавшій его по собственной инициативѣ, узнавъ о его пріѣздѣ въ Омскъ. Болдыревъ убѣждалъ Колчака на Югъ не ѣхать и войти въ составъ правительства. Колчакъ сначала отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что онъ спеціалистъ по морскому вѣдомству. На повторныя убѣжденія, Колчакъ отвѣтилъ: „Я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ только тогда, когда я выясню себѣ, что собственно мнѣ придется дѣлать, какія взаимоотношенія будутъ у меня съ вами — командующимъ арміей и со всѣми тѣми войсками, которыя находятся на территоріи Сибири... Я ставилъ еще одно условіе... Я человѣкъ посторонній и считаю необходимымъ въ ближайшее время поѣхать на фронтъ для того, чтобы лично объѣхать всѣ наши части и убѣдиться въ томъ, что для нихъ требуется“ *). Слѣдовательно совершенно невѣрно утвержденіе Святицкаго въ брошюрѣ „Реакція и народъ“ (стр. 18), что Колчака пригласилъ Вологодскій и что Директорія безуспѣшно пыталась бороться противъ этого назначенія. Серебрениковъ подчеркиваетъ, что кандидатура Колчака „не вызвала не откуда возраженій“: „Мнѣ помнится — добавляетъ онъ - особенно настойчиво выдвигалъ его кандидатуру Авксентьевъ“ (19)**). Отсюда совершенно очевидно, что пред-

*) Надо имѣть маккіавелліевскую хитрость, которая столь несвойственна была характеру Колчака, чтобы такимъ путемъ заранѣе подготовлять себѣ поѣздку на фронтъ, которая должна была привести къ диктатурѣ. Въ этомъ обвиняли будущаго „диктатора“. У Колчака не было предубѣжденности противъ Директоріи. 1 октября онъ писалъ Алексѣеву: „я не имѣю пока собственнаго сужденія объ этой власти но, насколько я могу судить, эта власть является первой, имѣющей всѣ основанія для утвержденія и развитія“ (Деникинъ III, 190). Лицо, одно время близкое къ Колчаку и присутствовавшее почти при всѣхъ переговорахъ, подчеркиваетъ въ письмѣ ко мнѣ, что отношеніе адмирала къ Директоріи, если и не было „восторженнымъ“, то „безусловно лояльнымъ“.

**) То же утверждаетъ Болдыревъ (82). За кулисами были возраженія противъ кандидатуры Колчака. Возражало окруженіе Иванова-

положеніе о какомъ-то давленіи со стороны „одной союзной державы“ на назначеніе Колчака надлежитъ отбросить.

Итакъ, соглашеніе на кандидатурахъ налаживалось. Страстные споры возникли главнымъ образомъ около именъ Михайлова и Роговскаго. Наиболѣе острыми были тѣ засѣданія 27—29 октября, о которыхъ уже упоминалось: Сибирское правительство настаивало на кандидатурѣ Михайлова и отвергало кандидатуру Роговскаго, какъ „партійнаго с.-р.“, на постъ тов. мин. вн. дѣлъ, вѣдающаго милиціей, „не возражая противъ Роговскаго на другомъ посту“. Лѣвая часть Директоріи рѣшительно отвергла какую-либо кандидатуру Михайлова. То, что происходило въ засѣданіи Директоріи, разсказываетъ Болдыревъ. Вологодскій заявилъ, что „вопросъ о кандидатурѣ Михайлова на постъ министра вн. дѣлъ, подъ давленіемъ мѣстной „общественности“ (кавычки Болдырева) считается безусловнымъ. Авксентьевъ заявилъ о выходѣ изъ правительства, послѣ горячей рѣчи его поддержалъ въ этомъ рѣшеніи Зензиновъ. О невозможности оставаться въ Правительствѣ высказался и Виноградовъ. Смущенный Вологодскій заявилъ, что ему остается, видимо, одно — отказаться отъ миссіи составленія Совѣта Министровъ. Авксентьевъ со свойственной ему экспансивностью, рѣшилъ итти въ солдаты, въ армію, которая не занимается политикой“. Такимъ образомъ — заключаетъ Болдыревъ — „распадъ. Вр. Вс. Пр. и распадъ безславный“ (86). Отмѣчаетъ Болдыревъ въ своемъ днев-

---

Ринова — тогдашняго военнаго министра. Кроль говоритъ о возраженіяхъ, которыя были въ средѣ к.-д. Выступилъ противъ Востротинъ, бывшій вмѣстѣ съ Колчакомъ въ Хорватовскомъ правительствѣ. Востротинъ отмѣчалъ личную неуравновѣшенность намѣчаемаго кандидата. Истинная подкладка, по мнѣнію Колосова, заключалась въ томъ, что сибирскіе к.-д. и областники уже съ августа во всероссійскіе правители проводили Хорвата. Чтобы пріобщить Хорвата къ „областничеству“, организовалась даже поѣздка самого Потанина на востокъ, („Был.“ XXI. 251—52). Информація Колосова вызываетъ сомнѣнія. Указанное выше лицо, давшее мнѣ много свѣдѣній о сибирскомъ періодѣ дѣятельности Колчака (оно просило меня пока въ печати имени не упоминать), всецѣло подтверждаетъ слова Серебренникова.

никѣ, между прочимъ, давленіе, которое оказывается на Директорію извнѣ: „Виноградова все время вызывали уполномоченный Чеховойскъ Рихтеръ и члены упомянутаго выше „священнаго союза".

Настроеніе, царившее въ Административномъ Совѣтѣ, передаетъ имѣющійся у насъ оффиціальный документъ — шифрованная информація Гревсу. „Соглашеніе, несомнѣнно, было бы достигнуто — передаетъ она — если бы во время засѣданія Адм. Совѣта не явился членъ Чехосовѣта Кошекъ, требуя именемъ Чехосовѣта исключенія изъ списка мин. финансовъ Михайлова, грозя уходомъ изъ Сибири чеховойскъ". „При такихъ условіяхъ — продолжаетъ сообщеніе — всякое правительство становится игрушкой въ рукахъ чеховъ, а черезъ нихъ с.-ровъ, съ которыми Чехосовѣтъ тѣсно связанъ, давая имъ обѣщанія, окрыляющія ихъ". Гревсу поручалось выяснить отношеніе представителей иностранныхъ державъ къ вмѣшательству чеховъ во внутреннія дѣла — согласуется ли желаніе чеховъ уйти изъ Россіи, придравшись къ любому поводу, (съ) видами союзниковъ". Присутствующій на засѣданіи Колчакъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что вмѣшательство чеховъ опредѣлило его позицію и было императивнымъ въ томъ смыслѣ, чтобы поддержать кандидатуру Михайлова (Допросъ 163).

Можно почти не сомнѣваться, что вмѣшательство чешскихъ представителей, появленіе Рихтера и Кошека у Вологодскаго и членовъ Директоріи, было въ значительной степени инспирировано. Ясно, что дѣйствовавшая за кулисами рука тянулась такъ или иначе къ Екатеринбургу. Что это было именно такъ, подтверждаетъ разсказъ много вообще разболтавшаго Святицкаго. „Изъ разговоровъ по проводу и главнымъ образомъ изъ писемъ... мы узнали слѣдующее" — разсказываетъ онъ. „И Авксентьевъ, и Зензиновъ и слышать не хотѣли объ оставленіи у власти Михайлова... Но Сибирское правительство заявило, что въ вопросѣ о Михайловѣ оно ни

въ коемъ случаѣ не уступитъ. Въ переговорахъ Директоріи съ Сибирскимъ правительствомъ готовился такимъ образомъ разрывъ. Разрывъ этотъ неизбѣжно долженъ былъ закончиться споромъ оружія — другого исхода не было. Директорія знала, что сибиряки приготовились уже къ ея аресту (?!). У самой Директоріи воинской силы не было, но при желаніи она могла получить ее— это былъ отрядъ чехословаковъ... Послѣднихъ было въ Омскѣ до 3-хъ тысячъ человѣкъ. И чехи дали понять, что они къ услугамъ Директоріи и въ два часа расчистятъ Омскъ отъ всей реакціонной сволочи, какъ они выражались... Фактически перевѣсъ силы могъ быть такимъ образомъ у Директоріи. Но для этого она должна была рѣшиться дѣйствовать, не боясь вступленія на путь гражданской войны съ реакціей. Однако, рѣшимости то у нея и не было. Директорія состояла, во-первыхъ, не изъ однихъ Авксентьева и Зензинова, а во-вторыхъ, даже эти послѣдніе не рѣшились приступить къ активнымъ дѣйствіямъ. Разсказываютъ, что когда ихъ спросили, почему они не хотятъ прибѣгнуть къ помощи чеховъ, отъ нихъ полученъ былъ слѣдующій поистинѣ удивительный отвѣтъ: „Невозможно, чтобы Директорія утвердила свою власть помощью „иностранныхъ“ штыковъ“. Когда мы въ Екатеринбургѣ узнали объ этомъ, мы только руками развели“. (63—65).

Изъ изложенія Святицкаго столь опредѣленно явствуетъ, что въ Омскѣ въ эти дни споры могли бы быть разрѣшены силою оружія. Что же это поклепъ „ренегата“? *) Обратимъ вниманіе, что Болдыревъ, по сло-

---

*) „Ренегатомъ“ именуютъ Святицкаго нѣкоторые зарубежные эс-эровскіе публицисты, пытаясь этой терминологіей опорочить свѣдѣнія, которыя я привожу въ своей книгѣ изъ воспоминаній Святицкаго. Подобная кличка не совсѣмъ подходитъ къ Святицкому, ибо онъ все же не пошелъ въ лагерь коммунистовъ. Отмѣчу, что Черновъ, картинная позиція котораго близко подходитъ къ точкамъ зрѣнія, излагаемымъ Святицкимъ, отмѣчая субъективизмъ мемуаровъ Святицкаго, признаетъ, что эта книга „не лжива“, слѣдовательно болѣе или менѣе точно передаетъ, что происходило въ партіи за кулисами. Въ свое

вамъ Колчака, пытавшійся все время быть примиряющимъ началомъ между двумя борющимися группами, усиленно подчеркиваетъ при убѣжденіи противниковъ возможность осложненія у чеховъ, что въ связи съ ростомъ большевизма и въ странѣ и на фронтѣ можетъ погубить дѣло возрожденія Россіи (86). Достаточно освѣдомленный Кроль опредѣленно говоритъ: чешскій гарнизонъ, „какъ извѣстно", предлагалъ арестовать по первому приказу Директоріи Сибирское Правительство (143). Осторожный въ утвержденіи фактовъ Серебрениковъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Какъ я уже потомъ узналъ, въ эти дни дѣйствительно дѣлались предложенія о томъ, чтобы прекратить правительственный торгъ силою вооруженнаго вмѣшательства. Одинъ изъ членовъ партіи с.-р. разсказывалъ впослѣдствіи мнѣ, что онъ участвовалъ въ переговорахъ съ чехословаками относительно возможности съ ихъ стороны устройства переворота въ Омскѣ, сверженія Сибирскаго Правительства и предоставленія всей полноты власти Директоріи. Чехословаки будто бы дали свое согласіе на это, все зависѣло далѣе отъ санкціи Авксентьева, который, однако, не рѣшился прибѣгнуть къ силѣ оружія. Не берусь утверждать, вѣрно ли все это, такъ какъ не имѣю въ своемъ распоряженіи никакихъ документальныхъ доказательствъ" (18). Есть ли сомнѣніе въ подлинности разсказаннаго? Сдѣланныя сопоставленія какъ будто бы достаточно убѣдительны. Можно усумниться только въ нѣкоторой агрессивности чеховъ (или, точнѣе, въ инціативѣ съ ихъ стороны), которая какъ будто бы выступаетъ въ изложеніи нѣкоторыхъ мемуаристовъ. Поэтому важно свидѣтельство Ракитникова, по взглядамъ довольно близкаго Святицкому, что именно чехи, въ концѣ концовъ, совѣтовали эс-эрамъ пойти на компромиссъ ради

время въ Москвѣ мнѣ были переданы для архива „Голоса Минувшаго" письма-донесенія Святицкаго по партійной линіи. Расхожденія между письмами и мемуарами нѣтъ.

сохраненія правительства („Сибирская реакція" 17). Къ чести Авксентьева и Зензинова надо сказать, что они не солидаризировались съ мнѣніями интернаціоналистовъ „черновцевъ" въ Екатеринбургѣ, — ихъ психологія достаточно національная, была дѣйствительно иной. Майскій, пытавшійся, по его словамъ, со своей стороны убѣдить Авксентьева въ необходимости „дѣйствовать" получилъ отвѣтъ: „Во всякомъ случаѣ я не возьму на свою совѣсть разнуздываніе гражданской войны внутри антибольшевицкаго лагеря". „Такъ говорилъ не мальчикъ, не юноша, а умудренный опытомъ политическій дѣятель" — резонерствуетъ бывшій марксистъ (311) *). Отъ Авксентьева Майскій отправился къ Зензинову, котораго считалъ „человѣкомъ болѣе лѣваго уклона" и у котораго надѣялся найти „больше сочувствія" своимъ планамъ. Зензиновъ отвѣтилъ: „Я не считаю возможнымъ нарушить то соглашеніе, которое съ такимъ трудомъ было достигнуто въ Уфѣ и которое мы клялись свято соблюдать. Если Директорія распадется, Россія погибла" (312).

„Дѣйствовать" Авксентьевъ и Зензиновъ „не рѣшились". Не рѣшились и выйти изъ состава Директоріи, какъ они „въ первый моментъ предполагали сдѣлать". „Подумаютъ, что струсили. Придется испить чашу до дна" — будто бы сказалъ Зензиновъ. „Мы — мученики компромисса... Бываютъ и такіе мученики, и, можетъ быть, они особенно нужны Россіи" — такія слова въ уста Авксентьева вкладываетъ Майскій (326). Не знаю, приводили ли они такую аргументацію; болѣе реалистичные мотивы выставилъ Кроль. „Они чувствовали слишкомъ ясно, что весь вопросъ — въ нихъ: стоитъ имъ уйти изъ Директоріи, и омская общественность примирится съ Директоріей изъ Болдырева, Виноградова и Вологодскаго. Вопросъ о своемъ уходѣ, въ цѣляхъ со-

*) Въ противорѣчіе съ этой репликой Майскій одновременно утверждаетъ, что Авксентьевъ ему сказалъ: „Мы съ Зензиновымъ пошли бы на такую комбинацію (опереться на чеховъ). Болдыревъ же категорически возражаетъ противъ втягиванія иностранцевъ въ наши дѣла".

храненія Директоріи, Авксентьевъ и Зензиновъ въ частномъ порядкѣ и поставили. Но тогда о намѣреніи уйти одновременно съ ними заявилъ и Виноградовъ. Мотивомъ такой постановки вопроса Виноградовымъ было совершенно правильное соображеніе: съ уходомъ Авксентьева и Зензинова, защита интересовъ широкихъ демократическихъ круговъ легла бы цѣликомъ на плечи Виноградова. Ему неизбѣжно пришлось бы защищать политическую линію болѣе лѣвую, чѣмъ при Авксентьевѣ и Зензиновѣ, ибо широкіе круги не прощали бы ему того, что прощали бы имъ... Итти „лѣвѣе“ того, чѣмъ при Авксентьевѣ и Зензиновѣ, было бы политической безсмсылицей, да и невозможно практически. Рѣшеніе Виноградова удержало въ послѣдній моментъ Авксентьева и Зензинова“ *).

Члены Директоріи сдѣлали такъ послѣ совѣщанія съ партійными товарищами. „Былъ созванъ совѣтъ изъ депутатовъ“ — передаетъ сообщеніе изъ Омска Святицкій. Авксентьевъ и Зензиновъ совѣщались съ делегаціей бюро съѣзда. Только одинъ изъ трехъ членовъ этой делегаціи — правый депутатъ В. Е. Павловъ (членъ Союза Возрожденія. С. М.) подалъ голосъ за немедленный выходъ эс-эровъ изъ Директоріи. Остальные вмѣстѣ съ членами Директоріи рѣшились уступить. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены Директоріи прислали, по словамъ Ракитникова, въ бюро съѣзда мотивированное сообщеніе, почему они въ данный моментъ не ушли. Упоминается съ нѣкоторыми варіаціями это партійное совѣщаніе, происходившее у Авксентьева и въ „дневникѣ“ Зензинова подъ 29 октября: „Якушевъ, Колосовъ и Павловъ высказались противъ принятія Михайлова и слѣдовательно за нашъ выходъ изъ состава правительства. Аргуновъ, Ра-

*) Вопросъ объ уходѣ Виноградова Кроль относитъ къ періоду болѣе раннему — до пріѣзда Вологодскаго. Но по существу это мало измѣняетъ дѣло. Фактически, повидимому, Кроль просто сдѣлалъ хронологическую ошибку.

ковъ, Роговскій, Кругликовъ, Мазингъ (секретарь Президіума Думы), Лозовой, Пумпянскій, Архангельскій соглашались на вхожденіе Михайлова, лишь бы только не распадалась Всероссійская власть. Н. Д. Авксентьевъ и я согласились съ послѣдними и приготовились сдѣлать объ этомъ заявленіе на засѣданіи Правительства (Гинсъ I, 275)*).

Только что стороны пошли на взаимныя уступки, какъ неожиданно явилось нове осложненіе въ дѣлѣ съ кандидатурой Колчака, отказавшагося входить въ составъ Совѣта Министровъ при наличіи въ немъ Роговскаго. Болдыревъ здѣсь видитъ интригу Админсовѣта: „Придумано ловко. Адм. Совѣтъ хотѣлъ провалить Роговскаго черезъ Колчака, добросовѣстно ломившагося на проломъ въ этомъ вопросѣ“ (88). Едва ли предположенія Болдырева основательны. Вотъ какъ описываетъ Серебрениковъ „рѣшительное совѣщаніе Сибирскаго Правительства и его Административнаго Совѣта“...

„На совѣщаніе былъ приглашенъ и адміралъ Колчакъ. Предсѣдательствовалъ на совѣщаніи П. В. Вологодскій. Въ довольно продолжительной рѣчи онъ тихимъ и усталымъ голосомъ изложилъ Совѣщанію весь ходъ его переговоровъ съ отдѣльными общественными и партійными группами и лицами о формированіи Россійскаго Совѣта Министровъ, указавъ на тяжелую обстановку, въ которой находится страна, и заявилъ, что всѣ его усилія по организаціи новой правительственной власти не дали до сихъ поръ положительныхъ результатовъ, что онъ чувствуетъ себя совершенно измученнымъ физически и нравственно и вести дальнѣйшіе переговоры для выполненія возложенной на него миссіи отказывается.

**) Оказывали вновь на членовъ Директоріи давленіе и со стороны. Непримиримый лѣвый к.-д. Кроль, высказывавшійся въ свое время противъ переговоровъ Директоріи съ Сибирскимъ правительствомъ, явился къ Авксентьеву съ заявленіемъ о необходимости покончить съ кризисомъ, идя „даже на назначеніе Михайлова и отказъ отъ Роговскаго“ (152).

„Рѣчь произвела большое впечатлѣніе на присутствующихъ. Водворилась какая то жуткая тишина: всѣ сознавали отвѣтственность сдѣланнаго заявленія.

„Вологодскій всталъ, передалъ мнѣ предсѣдательствованіе и покинулъ совѣщаніе. Я занялъ предсѣдательское кресло. Взоры всѣхъ какъ-то невольно устремились на адмирала Колчака. Эти взоры говорили: вотъ тотъ единственный, кто еще упорствуетъ, отъ него теперь зависитъ все дальнѣйшее... Я обратился къ адмиралу отъ имени всего совѣщанія съ коротко выраженнымъ предложеніемъ спасти положеніе дѣлъ, войти въ составъ Совѣта Министровъ, примирившись съ присутствіемъ въ этомъ Совѣтѣ нѣкоторыхъ нежелательныхъ лицъ, указавъ, что его положительнаго рѣшенія съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ждутъ, какъ Всероссійское временное, такъ и Сибирское правительство. Адмиралъ уступилъ и далъ свое согласіе“ (20—21).

„Кризисъ былъ разрѣшенъ“...

6. ОМСКАЯ „НЕРАЗБЕРИХА“.

Составленный по соглашенію составъ Совѣта министровъ Всероссійскаго Временнаго Правительства былъ достаточно демократиченъ по своимъ политическимъ взглядамъ. Ни одной реставраціонной фигуры не было въ его средѣ. Но онъ не удовлетворилъ оппозиціонеровъ. „Итогъ былъ неутѣшительный“ — заключаетъ Л. Кроль. „Подъ вывѣской Директоріи фактически исполнительная власть оставалась въ рукахъ... сибирскихъ министровъ“. Конечно, въ негодованіе пришли „черновцы“ въ Екатеринбургѣ. „Такого списка даже лѣвое крыло съѣзда, готовое ко всему, не ожидало“ — констатируетъ Святицкій. „Бросалось въ глаза, что въ составѣ Совѣта министровъ не было ни одного кандидата изъ партіи большинства въ У. С., изъ партіи эс-эръ, передъ которой черезъ два мѣсяца этотъ Совѣтъ Министровъ

долженъ былъ отчитываться... Даже министерство земледѣлія (искони эс-эровское!!) находилось на этотъ разъ въ чужихъ рукахъ". Это замѣчаніе екатеринбургскаго рупора не совсѣмъ понятно: какимъ образомъ въ Совѣтѣ Министровъ коалиціоннаго правительства могли бы оказаться представители большинства, отвергшаго самый принципъ коалиціонности?. „Главное же — продолжаетъ Святицкій — въ составѣ новаго правительства были два „гвоздя", приковывавшіе всеобщее вниманіе и служившіе лучшей характеристикой новаго кабинета. Эти гвозди: адм. Колчакъ и Иванъ Михайловъ. Первый былъ лицомъ съ широкой и притомъ весьма опредѣленной извѣстностью еще во времена Керенскаго (какъ лицо, умѣвшее ладить съ „революціонной демократіей"*). С. М.) Потомъ онъ, „спѣвшись съ японцами (!?) диктаторствовалъ на Дальнемъ Востокѣ, соперничалъ съ Хорватомъ. Нынче онъ получилъ всероссійскую военную власть. Это лицо будетъ распоряжаться военной силой въ моментъ созыва У. С. къ 1 января! Хорошіе перспективы стояли передъ нами!"...

„Перспективы" дѣйствительно, были плохія. Ибо ясно было, что тѣ, кто „проигралъ" бой, постараются взять реваншъ. Въ Омскѣ пытались однако соглашеніе обставить нѣкоторой внѣшней торжественностью. 6-го ноября происходилъ по поводу образованія Совѣта Министровъ спеціальный раутъ, на которомъ Гинсъ сравнивалъ, между прочимъ, Сибирское Правительство съ

---

*) Святицкому слѣдовало бы знать, что какъ разъ эс-эры поддерживали адм. Колчака въ его выступленіяхъ на митингахъ въ черноморскомъ флотѣ. (Н. Кришевскій. Въ Крыму. Ар. Р. Рев. XIII, 36). Политическая благонадежность адмирала была заподозрѣна нѣкоторою частью „революціонной демократіи" съ того момента, когда „Маленькая Газета" Суворова стала выдвигать Колчака въ предсѣдатели Временнаго Правительства (іюнь 1917 г.). По собственнымъ словамъ Черновъ тогда же предупредилъ свой ЦК о появленіи на горизонтѣ опаснаго честолюбца. Черновъ и омской Директоріи изъ Екатеринбурга указывалъ на то, что допущеніе Колчака въ Совѣтъ Министровъ знаменуетъ „начало конца". Пытался воздѣйствовать онъ въ этомъ отношеніи и на чешскихъ соціалистовъ. („Рев. Рос. № 4).

разборчивой невѣстой, — долго раздумывавшей прежде чѣмъ рѣшиться на празднуемый на банкетѣ бракъ „(Вѣст. Вр. Пр.“ № 4)*). Къ сожалѣнію приходится сказать, что бракъ заключенъ былъ уже поздно. У насъ пропало два мѣсяца: Мы занимались „вермишелью“ — говорилъ Вологодскій, открывая первое засѣданіе Совѣта. Эту затяжку не могли простить. Если „ничегонедѣланіе“ Директоріи въ Уфѣ производило тягостное впечатлѣніе на Святицкаго и его единомышленниковъ, то омская обстановка „ничегонедѣланія“, борьба за власть производили угнетающее впечатлѣніе на широкіе круги. „Въ тотъ моментъ, когда нужна напряженнѣйшая работа, когда каждый часъ дорогъ, ни Директорія, ни Сибирское Правительство ничего не дѣлаютъ. Они забросили все, потому что всѣ заняты однимъ: борьбой за власть!“ Такія слова, можетъ быть, и не совсѣмъ умѣстны подъ перомъ мемуариста Л. А. Кроля, но фактъ констатированъ все же правильно (152). Болдыревъ отмѣчаетъ, что „проволочка съ кандидатурами отразилась на финансахъ“: изъ банковъ стали вынимать вклады (87)**).

*) Болдыревъ подчеркиваетъ, что на банкетѣ „большой успѣхъ“ имѣло его заявленіе, что русскіе войска „теперь почти одни держать весь фронтъ“ (92).

**) „Торгъ. съ переторжками“ шедшій въ Омскѣ, раздражалъ всѣ активные элементы. Въ „Кр. Арх“ (кн. XX) опубликованы два письма изъ Омска 20—24 октября с. р. Альтовскаго Ракитникову. Между прочимъ, онъ пишетъ: „Дѣло, для котораго я сюда пріѣхалъ, стоитъ неподвижно. Всѣ заняты совершенно другимъ. „Идетъ торгъ, съ переторжками о министерскихъ мѣстахъ“. Пріѣхалъ Альтовскій въ цѣляхъ полученія денегъ, въ суммѣ 2—2 ½ мил. руб. ежемѣсячно для помощи ес-эровскимъ организаціямъ, ведущимъ дезорганизаторскую „работу въ тылу большевицкихъ и нѣмецкихъ войскъ“ — уничтоженіе запасовъ военнаго снаряженія посредствомъ поджоговъ и взрывовъ порчи, орудій и пр. проникновеніе въ штабы сторонниковъ Вр. Пр. организація развѣдочной службы и т. д. Соотвѣтсвенную докладную записку Альтовскій представилъ верховному главнок., при которомъ и долженъ бы состоять „особый отдѣлъ“ изъ трехъ лицъ, руководящій этой работой. Зензиновъ вначалѣ отнесся сочувственно, но потомъ на него напала „раздумчивость“, ибо находившійся въ Омскѣ представитель Ц. К. партіи, Раковъ, ознакомившись съ положеніемъ въ Омскѣ, всталъ на позицію: „ждать выясненія обстоятельствъ для опредѣленія нашего отношенія къ правительству“, а до тѣхъ поръ „не ангажировать партію“. У Ракова, впрочемъ, было и другое соображеніе — въ состояніи

Идея всероссійской власти въ сознаніи широкихъ круговъ была уже дискредитирована. Это съ такой очевидностью выступаетъ изъ записей Болдырева въ дни омской „неразберихи“. Записи эти характерны и для царившихъ настроеній. Болдыревъ записываетъ:

15 октября ...„Въ городѣ опредѣленно ведется агитація противъ Врем. прав., въ этомъ косвенно участвуютъ отряды типа Красильникова и другіе представители монархизма“ (73).

18 октября: ...„Слухи со всѣхъ сторонъ, явный саботажъ и агитація противъ Вс. Правительства. Слухи о переворотахъ въ чисто мексиканскомъ стилѣ. Вынужденное бездѣйствіе правительства, конечно, нервируетъ всѣхъ безконечно. Страхъ передъ переворотомъ и угроза диктатуры, видимо, сбили съ толка и Виноградова. Онъ также во власти тревожныхъ слуховъ (76).

19 октября: ...„Розановъ сообщилъ мнѣ, что въ городѣ ходитъ слухъ, что въ меня бросили бомбу. Конечно, онъ такой же вздоръ, какъ и всѣ другіе слухи. У Розанова цѣлый вечеръ просидѣли вожди здѣшнихъ кадетовъ. Они считаютъ авторитетъ Вс. Пр. безнадежно погибшимъ изъ-за слабости и бездѣйствія... Старынкевичъ тоже боленъ страхомъ переворота... Вечеромъ два раза прибѣгалъ ротмистръ С. изъ к.-р. Ставки предупредить, что мы въ сѣтяхъ интриги и заговоровъ, предлагалъ усилить охрану и тоже явно намекалъ на измѣну Бѣлова“ (78).

ли эс-эровскія организаціи въ Совѣтской Россіи, „полуфиктивныя и номинальныя“, выполнить обязательства, которыя сопряжены съ полученіемъ денегъ. Чрезвычайно характерны взгляды самого Альтовскаго члены Ц. К. „Оно, конечно, — пишетъ онъ — можно съ большимъ глубокомысліемъ сидѣть на рѣкахъ Вавилонскихъ и плакать о международной коньюктурѣ, но мнѣ то казалось бы, что уже довольно мы проворонили. Вѣдь Комит. Член. Уф. Сов. былъ вполнѣ въ нашихъ рукахъ и, конечно, могъ снабдить партію въ Сов. Рос. нѣсколькими милліонами рублей, которые очень бы пригодились на черный день. Теперь, когда этотъ черный день, можетъ быть, совсѣмъ на носу, не слѣдуетъ упускать ни малѣйшей возможности получить для партіи денегъ“ (165—174).

23 октября: ...„Во время преній (въ засѣданіи Правительства) прибылъ казачій взводъ для охраны Вологодскаго... Командиръ взвода доложилъ, что распоряженіе... (сдѣлано) по требованію мин. Михайлова, ввиду, будто бы, ожидаемаго ареста Вологодскаго. Это походило на фарсъ. Я вернулъ конвой домой. Что это — трусость или провокація? Я успокоилъ Вологодскаго и отвезъ его на квартиру въ моемъ автомобилѣ. У дома Вологодскаго оказалась охрана изъ сербовъ, „здѣсь, видимо, уже не стѣснялись имѣть „своихъ латышей" ...Чего они такъ боятся? Вѣдь мы все еще безоружны. Мексика среди снѣга и морозовъ" (83)*).

26 октября: ...„Въ городѣ убійство. Безъ вѣсти пропалъ Б. Н. Моисеенко. Тяжело ранены кажется адъютантъ Бѣлова — поручикъ Костендій и г. Сафо. Въ помѣщеніи, гдѣ происходятъ засѣданія Директоріи, былъ какой-то офицеръ, посланный будто бы Розановымъ собирать адреса членовъ У. С. Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что офицеръ этотъ — членъ какой то военной организаціи, руководимой кап. Головинымъ, имѣющей связь съ штабомъ Сибирской арміи. Розановъ заявилъ, что это провокація (85) **).

28 октябя: ...„Настроеніе отвратительное, вся работа стоитъ... Въ общественныхъ и военныхъ кругахъ все больше и больше крѣпнетъ мысль о диктатурѣ. Я имѣю намеки съ разныхъ сторонъ. Теперь эта идея, вѣроятно, будетъ связана съ Колчакомъ".

---

*) Болдыревъ доволно односторонне записываетъ этотъ случай съ „непрошенной охраной". Надо выслушать и другую сторону, которую какъ бы представляетъ Гинсъ. Послѣдній разсказываетъ, что ночью, передъ засѣданіемъ, Вологодскаго разбудила присланная къ нему казачья охрана, ввиду будто бы готовящагося покушенія со стороны Директоріи. Передъ засѣданіемъ изъ штаба второго корпуса позвонили Гинсу съ сообщеніемъ, что Сиб. Пр. будетъ арестовано и предлагали прислать охрану. Не смотря на отказъ, охрана появилась. Гинсъ добавляетъ, что „до той поры Сиб. Пр. не знало охраны"... (1,273).

**) Изъ мухи сдѣлали слона. Этотъ пустяшный случай въ изображеніи Майскаго и др. превратился въ цѣлую террористическую организацію военныхъ противъ членовъ У. С.

29 октября: ...„Настроеніе служащихъ подавленное“... (87).

Картину, которая вырисовывается изъ записокъ Болдырева, легко можно пополнить. „Помню — разсказываетъ Майскій — какъ однажды Зензиновъ мнѣ сказалъ: „Когда поздно вечеромъ, послѣ засѣданія Директоріи я возвращаюсь домой и на крыльцѣ ожидаю, пока мнѣ отворятъ дверь, я стою съ взведеннымъ револьверомъ въ рукахъ и глазами стараюсь пронзить ночную темноту. Каждый моментъ я ожидаю выстрѣла или удара“ (306). Въ „дневникѣ“, который цитируетъ Гинсъ (1,305) — также отмѣчается „тревожное безпокойство“ автора дневника: при каждомъ шумѣ и стукѣ ему кажется, что идуть „арестовывать“... Но и Михайловъ, со своей стороны, не ночуетъ дома изъ-за боязни быть арестованнымъ*). Его примѣру слѣдуетъ ген. Бѣловъ и т. д. (Болдыревъ 97) „Страхи“ были взаимные.

Кто создалъ всю эту обстановку въ Омскѣ? Только ли „маленькіе атаманы“ — „современные ландкнехты“, по не совсѣмъ справедливой характеристикѣ Болдырева (55). Очевидно нѣтъ? Я имѣю въ виду, конечно, политическую обстановку того времени. Въ ней повинны въ значительной степени сами „политики“, какъ старался я, иллюстрируя фактами, показать на предшествующихъ страницахъ. Въ слухахъ и всеобщей тревогѣ много было преувеличеній. Настроенія эти рождались по поговоркѣ: у страха глаза велики. Своего рода истерикой было настроеніе с.-р. Ракова, который встрѣтилъ Майскаго такой тирадой: „Что вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ вы не уѣзжаете изъ Омска? Бѣгите возможно скорѣе изъ этого проклятаго мѣста! Здѣсь каждый мигъ вы можете быть убиты или зарѣзаны. Къ чему безполезная растрата силъ? Пусть въ городѣ остаются только тѣ, кому это абсолютно необходимо, а прочіе должны себя поберечь

*) У министра цѣлыхъ три нелегальныхъ квартиръ, что вызываетъ лишь удивленіе у непривыкшаго къ „конспираціи“ Колчака.

для дальнѣйшей борьбы“ (307). Я отнюдь не склоненъ смягчать условій бытовой обстановки въ Омскѣ*), которыя содѣйствовали внѣдренію въ политику того, что Болдыревъ назвалъ „мексиканскими нравами“. Но тѣ, которые претендуютъ на исключительное званіе представителей демократіи, каждое темное пятно въ омской повседневной жизни безоговорочно пытаются поставить на счетъ „черносотенной военщины“ и сибирскаго правительства. Такъ дѣлаютъ большевицкіе историки, такъ дѣлаетъ Майскій, такъ дѣлаютъ и эс-эровскіе публицисты.

9-го марта, какъ уже упоминалось, погибъ с.-р. Моисеенко — одинъ изъ активныхъ дѣятелей „Союза Возрожденія“ и борцовъ съ большевиками. Среди версій, которыя такъ легко создавались въ Омскѣ и которыя такъ охотно распространяла стоустая молва, была и та, что Моисеенко — жертва организаціи, поставившей себѣ цѣлью уничтожать членовъ У. С., дабы оно не могло собраться въ прежнемъ составѣ*). Болдыревъ записываетъ 1-го ноября: „Были эс-эры Павловъ и Архангельскій по поводу исчезновенія Моисеенко. Пытались было указать, что эс-эры найдутъ средства для отвѣта военщинѣ. Я рекомендовалъ не касаться арміи“ (89). Но откуда же слѣдуетъ, что Моисеенко былъ захваченъ офицерами отряда атамана Красильникова, какъ бездоказа-

*) Вотъ какъ описываетъ англичанинъ Уордъ, сгущая очень краски, эту бытовую обстановку. Онъ называетъ ее „неописуемой“. „Каждую ночь, какъ только темнѣло, начинали раздаваться... выстрѣлы На утро санаторныя двуколки поднимали отъ 5—20 мертвыхъ офицеровъ... Въ отчаяніи офицеры... безъ разбора мстили населенію“... (стр. 79). Объ отдѣльныхъ убійствахъ, организованныхъ большевиками, можно найти указанія въ большевицкой литературѣ о партизанской борьбѣ. Аргуновъ, подтверждая фактъ ночныхъ убійствъ офицеровъ на улицахъ Омска, довольно искусственно объясняетъ ихъ местью за пѣніе офицерами въ кабачкахъ царскаго гимна (33).

*) С. П. Рудневъ. При вечернихъ огняхъ. Воспоминанія. Харбинъ, 1923. Слухи эти могли имѣть подъ собой почву въ томъ ожесточеніи, которое наблюдалось въ нѣкоторыхъ военныхъ кругахъ— это была реакція противъ „лѣвыхъ“; реакція легко, по выраженію Гинса (II, 110), впадавшая въ крайность.

тельно утверждаетъ Парфеновъ? (21). Скорѣе всего это было уголовное преступленіе на почвѣ, конечно, грабежа— Моисеенко былъ казначеемъ Съѣзда У. С. и было извѣстно, что онъ привезъ съ собой $2^1/_2$ мил. руб.*) Во всякомъ случаѣ исторія гибели Моисеенко ни кѣмъ не выяснена. Это не помѣшало, однако, бывшимъ членамъ Директоріи публично возложить на „совѣсть“ уже колчаковскаго правительства отвѣтственность за убійство Б. Н. Моисеенко**).

7. ЭПИТАФІЯ СИБПРАВИТЕЛЬСТВУ.

„Сибирское Правительство превратилось въ пустую игрушку въ рукахъ черносотенной военщины“ — утверждаетъ Майскій (306). Въ дѣйствительности этого не было. Во всякомъ случаѣ въ такой характеристикѣ много тенденціознаго преувеличенія. При такой концепціи надлежитъ вспомнить то, что пришлось отмѣчать при обозрѣніи дѣятельности самарскаго правительства на территоріи Комуча: правительство демократическое внѣ сомнѣній оказалось безсильнымъ въ борьбѣ съ эксцессами военной власти въ періодъ гражданской войны. Совершенно неизбѣжно не только на фронтахъ, но и въ тылу

---

*) Трупъ, брошенный въ Иртышъ, носилъ слѣды истязаній. Это лишь подтверждаетъ версію о грабежѣ. Денегъ при Моисеенко не оказалось, ибо онъ оставилъ ихъ въ поѣздѣ Роговскаго. Убійство Моисеенко, какъ исключительно уголовное дѣло, охарактеризовалъ Колосову и бесѣдовавшій съ нимъ конспиративно нач. штаба Красильникова кап. Шемякинъ. Между тѣмъ это убійство въ Сибири всемѣрно пытались представить, какъ политическій актъ. Негодуя на „Зарю“, иркутская „Новая Сибирь“ (№ 6) писала: „всѣ (?) знаютъ, что убійство Моисеенко актъ политическаго террора“... Малоосвѣдомленный о сибирскихъ дѣлахъ органъ парижскихъ членовъ „Союза Возрожденія“ „La Russis Democratique“) повторялъ лишь чужую на вѣру принятую версію, когда въ апрѣлѣ 19 г. (№ 1) писалъ; что Моисеенко убитъ „нѣсколькими царистами, для которыхъ всякій не монархистъ большевикъ“.

**) „По поводу деклараціи Омскаго Правительства“ — отвѣтъ Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговскаго въ газетѣ „Русское Слово“ 4 марта 19 г. (Зензиновъ 175). Самъ Зензиновъ, однако, въ предшествовавшемъ своемъ печатномъ заявленіи 15 декабря назвалъ убійство Моисеенко „загадочнымъ“.

подчасъ первенствуетъ власть военная. То невмѣшательство арміи въ гражданскія взаимоотношенія, которое пыталось теоретически установить Уфимское Совѣщаніе, — фикція въ жизни. Многіе эксцессы психологически объяснимы; многіе эксцессы житейски почти неизбѣжны. Гражданская война куда ужаснѣе войны внѣшней—долженъ повторить Болдыревъ. Это труизмъ. Во всякомъ случаѣ не отъ реакціонности того или иного правительства зависѣло большинство тѣхъ эксцессовъ, которые отмѣчала жизнь. Не одни рыцари великой идеи, не одни герои дѣйствуютъ на полѣ брани.

Обстановка въ Сибири была гораздо сложнѣе обстановки самарской. „Атаманщина“ здѣсь, какъ уже отмѣчалось, съ самаго начала получила нѣкоторыя специфическія черты. Разсѣянная на огромной территоріи, почти самостоятельная въ своихъ дѣйствіяхъ *), она съ трудомъ подчинилась той законодательной нормировкѣ, которую пытались установить изъ центра. „Трудность объединенія всей этой вооруженной силы... при самомъ разнообразномъ пониманіи событій, дѣлала задачу управленія чрезвычайно сложной“ — замѣчаетъ главковерхъ Директоріи. Весьма мрачно рисуя сибирскую атаманщину въ своей брошюрѣ, предсѣдатель слѣдственной комиссіи Аргуновъ добавляетъ: „Сибирское Правительство не пыталось бороться съ этимъ зломъ, ибо даже при желаніи ничего не могло бы съ нимъ сдѣлать, и зло росло“... Это уже фатализмъ. Но онъ знаменателенъ подъ перомъ автора, въ брошюрѣ своей выступающаго крайне враждебно въ отношеніи Сибирскаго Правительства: „Смертная казнь, военно-полевые суда, репрессіи противъ печати, собраній и пр. — вся эта система государственнаго творчества быстро расцвѣла на сибирской

*) Калмыковъ прямо заявлялъ, что никакого правительства не признаетъ (Болдыревъ 26 октября). Самъ членъ Директоріи впослѣдствіи такъ охарактеризовалъ власть омскаго правительства: „омское градоначальство и не болѣе, авторитетъ котораго идетъ не дальше города Омска и его слободъ“ (Будбергъ XIII, 271).

почвѣ“ (24). Думается, что кое-какія поправки къ изложенію Аргунова внесетъ самъ читатель на основаніи фактовъ, которые были уже приведены. Другихъ явленій, отмѣченныхъ авторомъ, мы коснемся дальше, характеризуя дѣятельность Колчаковскаго Правительства, ибо аналогичныя обвиненія будутъ предъявлены и этой власти*) И слѣдуетъ запомнить ту характеристику административнаго произвола, которую даютъ будущіе противники Верховнаго Правителя первому періоду существованія освобожденной отъ большевиковъ Сибири, ибо они слишкомъ часто потомъ были склонны этотъ произволъ разсматривать, какъ проявленіе именно „диктаторской“ власти.

И все-таки при всемъ произволѣ на мѣстахъ, при всѣхъ эксцессахъ „реакціонно настроенныхъ“ офицеровъ, которые въ должностяхъ начальниковъ горнизоновъ, командующихъ отрядами законодательствовали, не оставляя мѣста гражданскимъ властямъ, сибирская печать — главное орудіе общественнаго мнѣнія, оставалась свободной и разнородной въ своихъ политическихъ направленіяхъ. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ просмотрѣть эту печать безъ предвзятой заранѣе точки зрѣнія, долженъ будетъ признать правильность такого утвержденія. Онъ будетъ, можетъ быть, нѣсколько удивленъ, что наибольшее число регистрируемыхъ печатью эксцессовъ падаетъ на октябрь и даже на ноябрь мѣсяцъ **), когда уже фактически существовала всероссійская власть, правда царствовавшая, но не властвовавшая, не имѣвшая ни своего правительственнаго, ни своего карательнаго аппарата. Эти эксцессы падутъ на время, когда Сибирское Правительство, или точнѣе Админсовѣтъ, какъ бы реакціонно оно ни было, должно было

---

*) Напр. „реакціонный“ законъ о выборахъ въ городскія и земскія самоуправленія, утѣсненіе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, изъ которыхъ, по словамъ большевиковъ, къ концу октября было „болѣе $^2/_3$ нашихъ“.

**) Напр. въ иркутской с.-р. газетѣ „Сибирь“.

усиленно сдерживать своихъ агентовъ на мѣстахъ — къ этому побуждала простая тактика Правительства, которому приписывали „тонко“ проводимую „интригу“.

Зарегистрируемъ нѣсколько фактовъ. 11 октября закрыто омское эс-эровское „Дѣло Сибири“ („От. Вѣд.“); 19 октября закрыто эс-эровское „Дѣло народа“ — органъ Акмолинскаго Комитета („Сибирь“ № 79). Закрыта иркутская „Сибирь“ постановленіемъ командующаго 4 Сиб. корпуса. Всѣ эти газеты немедленно вышли подъ другимъ наименованіемъ. Въ началѣ ноября запрещено командующимъ юго-западнаго фронта оренбургское „Рабочее утро“ („Вл. Нар.“ № 127). 24 октября шадринскому кооперативному съѣзду, собравшемуся съ санкціи мѣстныхъ властей, не разрѣшено привѣтствовать Областную Думу и Съѣздъ членовъ У. С. („В. Нар.“ № 126) 1 ноября происходитъ обыскъ въ барнаульской земской управѣ по распоряженію начальника гарнизона („Вл. Нар.“ № 126) и т. д. и т. д. Я взялъ, можетъ быть, нѣсколько случайныхъ фактовъ. Дабы оцѣнить ихъ, надо произвести по отношенію каждаго изъ нихъ своего рода разслѣдованіе. Вотъ примѣръ. Ген. Елецъ-Усовъ, одинъ изъ активныхъ борцовъ за освобожденіе Сибири, входившій въ тайныя военныя организаціи 17/18 г. г., 2 ноября издалъ приказъ въ Иркутскѣ по своему 4-му сибирскому корпусу. „Во второмъ Забайкальскомъ казачьемъ полку имѣла мѣсто преступная агитація вахмистромъ... Чечулиньемъ и казаками Григорьевымъ, Угловскимъ, Тодоровымъ и... Зайцевымъ, направленная на сверженіе власти Сибирскаго Временнаго Правительства и неповиновеніе начальникамъ. Означенные предатели родины по приговору военно-полевого суда были разстрѣлены, а Угловскій — приговоренъ къ отдачѣ на три года въ дисциплинарный батальонъ. Объявляя о семъ... подтверждаю, что всякая преступная агитація, какъ измѣна родинѣ, будетъ неумолимо караться по всей строгости закона“ (Парфеновъ 53). Я при всемъ желаніи не могу по-

вѣрить голословному заявленію большевицкаго историка, что „всѣмъ было извѣстно, что разстрѣленные казаки были соціалистами-революціонерами и вели агитацію за скорѣйшій созывъ Сибирскимъ Правительствомъ Учредительнаго Собранія". Думаю, что это были большевики.

Когда дѣло идетъ о шадринскомъ кооперативномъ съѣздѣ, надо учесть обстановку этого съѣзда, созваннаго, по словамъ „Заур. Края" (6 ноября № 81) „лжекооператорами слѣва". Можно принципіально съ точки зрѣнія послѣдовательнаго „демократизма" возмущаться приказомъ ген. Бѣлова по сибирской арміи отъ 18 октября: „Въ настоящій моментъ, когда большевики, взявшіе Самару, продолжаютъ свое наступленіе, когда по желѣзнымъ дорогамъ перебрасываются наши войска, въ этотъ моментъ всякія забастовки на желѣзной дорогѣ являются измѣной родинѣ и арміи... поэтому... приказываю: „принять самыя рѣшительныя мѣры къ ликвидаціи забастовокъ, включительно до разстрѣла на мѣстѣ агитаторовъ и лицъ, активно мѣшающихъ возобновленію работъ"... („Хроника". Прил. 123). Но не будетъ ли подобная принципіальность слишкомъ отрѣшенной отъ жизни? Можно вообще не соглашаться съ подобной тактикой, считать ее практически нецѣлесообразной, но можно ли огуломъ записать ее выполнителей въ ряды реакціонеровъ, которые пытаются набросить „мертвую петлю на рабочія организаціи" *). Я тѣмъ болѣе легко ставлю подобные вопросы, что въ свое время въ 1917 г. печатно протестовалъ противъ административнаго закрытія газетъ — практика, введенная Временнымъ Правительствомъ — и противъ смертной казни по суду. Но если Сибирское Правительство пошло на возстановленіе смертной казни, неужели это само по себѣ было при-

*) См., напр., протестъ противъ разрушенія профессіональныхъ организацій со стороны томскаго „Желѣзнодорожника" въ № 19 отъ 6 ноября.

знакомъ реакціоннаго курса? Многіе ли скажутъ это теперь на тринадцатый годъ властвованія коммунистическаго большевизма? Впрочемъ, въ работѣ исторической, а не публицистической, не приходится убѣждать кого-либо. Надо только констатировать факты. И когда с.-р. фракція Сиболдумы выносила теоретическіе протесты и резолюціи противъ военнаго положенія и всѣхъ послѣдствій, связанныхъ съ нимъ,—выносили протесты тѣ, кто въ тотъ моментъ не несли тяготъ власти. Ясно, что коллизіи между принципомъ и жизнью не разрѣшало простое декларированіе принциповъ. (Это декларированіе имѣетъ значеніе своего рода memento mori, если не является средствомъ простого дискредитированіяв ласти). Сдѣлайся властью, эти „теоретики", очевидно, пошли бы по пути Комуча, непререкаемый авторитетъ котораго они пытались поддержать въ Сибири. На практикѣ этотъ путь, въ смыслѣ репрессій, ничѣмъ не отличался отъ пути, по которому шло и Сибирское Правительство. Что сдѣлало бы правительство Сиболдумы съ органомъ, отказавшимся подчиниться правительственному распоряженію о предварительной цензурѣ, какъ это имѣло мѣсто съ упомянутымъ выше оренбургскимъ „Рабочимъ Утромъ"?... *)

Эксцессы учащались, ибо осложнилась жизнь и раздражающе дѣйствовала вся политическая обстановка. Эксцессы на мѣстахъ росли неизбѣжно въ моментъ, когда двѣ центральныя власти конкурировали между собой и все свое вниманіе сосредоточивали вольно или невольно на этой борьбѣ. Не бездѣйствовали и большевики, ведшіе не только агитацію. Пользуясь наступив-

*) Вотъ примѣръ. „Кровавая государственная власть" въ Приморской области, т. е. эс-эры, въ сентябрѣ 18 г. безъ всякихъ реальныхъ поводовъ запретила „въ виду антигосударственнаго направленія" неугодныя ей органы печати, желая тѣмъ самимъ „прекратить смуту, сѣянную газетами". Повидимому, изъ этой радикальной попытки ничего не вышло, такъ какъ типографія указанныхъ газетъ „оказалась охраняемой японскими солдатами". (Матеріалы Бр. Пр. Авт. Сибири. „Кр. Арх." XXXVI, 43).

шимъ „безвластіемъ“, они организовали свои силы и провоцировали возстанія: „теперь почти при каждомъ партійномъ комитетѣ — констатируетъ письмо партійнаго работника въ Москву отъ 29 октября — имѣется военная организація, какъ для работы въ войскахъ, такъ и для организаціи рабочихъ военныхъ дружинъ“ („Хроника“ 252).

Между первымъ и двѣнадцатымъ ноября произошелъ рядъ бунтовъ въ тюрмахъ: Тобольской, Екатеринбургской, Челябинской, Семипалатинской, Омской, Каннской, Ново-Николаевской, Томской, Маріинской, Красноярской и Иркутской. Парфеновъ не приминулъ сообщить своимъ читателямъ, что это былъ „гигантско-звѣрскій планъ уничтоженія политическихъ заключенныхъ на законномъ основаніи“ (65). Парфеновъ разсказываетъ довольно фантастическую исторію, неизвѣстно откуда почерпнутую, о томъ, какъ Ивановъ-Риновъ поручаетъ Волкову, Красильникову и Катанаеву выработать соотвѣтствующіе законные способы ликвидаціи политическихъ заключенныхъ; какъ „секретнымъ распоряженіемъ соотвѣтствующимъ начальникамъ гарнизона приказывается спровоцировать политическихъ заключенныхъ возможностью возстаній и уничтожить ихъ, какъ бунтовщиковъ; какъ въ „нѣкоторые города посылаются даже спеціальные провокаторы изъ Омска“. Опровергать эти большевицкія легенды, правда, не стоитъ. Намъ придется позже коснуться одного бунта, тоже „спровоцированнаго“ властью — бунта, сопровождавшагося въ Омскѣ трагическими для власти обстоятельствами въ концѣ декабря. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, и здѣсь будетъ видно, съ чьей стороны шла эта провокація. Сами большевики проговорились. Но и про ноябрьскіе бунты можно сказать словами томской „Народной Сибири“ (органъ эс-эрствующаго направленія): это были бунты уголовно-большевицкіе, бунты, организованные комиссародержавцами, „не брезгающими ровно никакими сред-

ствами для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей“ (10 ноября).

Сибирскому Правительству пришлось столкнуться и съ начавшимся крестьянскимъ движеніемъ. Оно прокатывается уже „волной“ съ августа и сентября. Исторія крестьянскаго движенія въ Сибири въ годы 1918/19 сложна, и я коснусь ея въ особой главѣ, пріуроченной къ разгару этого движенія въ періодъ уже колчаковской власти. Важность установленія нормальныхъ отношеній въ деревнѣ прекрасно понимала власть, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы рѣчь Вологодскаго въ первомъ засѣданіи Совѣта Министровъ Всероправительства. Онъ, между прочимъ, отмѣчалъ, что деревня, не имѣвшая еще своего волостного земства, жила обособленно отъ государственной жизни и распоряжалась самочинно. Это не была самодѣятельность, это была анархія — во всякомъ случаѣ въ смыслѣ государственномъ. Быть можетъ, здѣсь и былъ корень зла, а вовсе не въ томъ „реакціонномъ“ законѣ о землѣ, какъ думаетъ Аргуновъ, который издало Сибирское Правительство (кстати тогда, когда Админсовѣтъ не захватилъ еще власти). Мнѣ кажется очень типичнымъ донесеніе Гаттенберга (томскаго губ. комиссара) Мин. Вн. Дѣлъ 26 октября о возстаніи въ Маріинскомъ уѣздѣ — здѣсь уже отмѣчены многія черты, характеризующія послѣдующія повстанческія движенія среди сибирскаго крестьянства:... „Причиной возстанія служили провокаціонные слухи о паденіи власти Сибправительства, захватѣ крупныхъ сибирскихъ городовъ, сообщеніе объ отобраніи у крестьянъ союзниками 95% хлѣбныхъ запасовъ, лошадей, фуража. Элементъ возставшихъ въ большинствѣ красные маріинскаго фронта при іюньскихъ бояхъ, съ наступленіемъ холодовъ вышедшіе изъ таежныхъ пространствъ съ оружіемъ и провоцировавшіе крестьянъ. Установлена причастность къ организаціи возстанія отвѣтственныхъ работниковъ мѣстнаго союза кооперативовъ, пріютившаго

бывшихъ совѣтскихъ дѣятелей; въ помѣщеніи кооператива найдены патроны, свыше тысячи; скомпрометированы члены уѣздземуправы: Фроловъ, Ларинъ при безусловной освѣдомленности остальныхъ членовъ управы; скрывавшійся предсѣдатель земельнаго отдѣла управы Берестонскій, оріентаціи центра партіи с.-р. оставилъ въ своемъ письменномъ столѣ собственноручное воззваніе къ населенію съ призывомъ возстанія и др. компрометирующіе документы... Арестованы въ Маріинскѣ пока 20 человѣкъ, въ томъ числѣ члены Управы и почти все правленіе кооператива" („Хроника". Прил. 134).

* * *

3 ноября (нов. ст.) Сибирское Правительство или Адм. Совѣтъ закончило свое оффиціальное существованіе. Исчезая формально съ исторической сцены, оно опубликовало слѣдующую грамоту:

„Принявъ на себя верховную власть послѣ сверженія большевиковъ въ Западной Сибири, Временное Сибирское Правительство съ величайшимъ напряженіемъ силъ осуществляло свою трудную задачу дальнѣйшаго освобожденія всей Сибири и укрѣпленія въ ней началъ законности и порядка.

„Тяжелое бремя выпало на долю Сибир. Прав.: ему досталось народное достояніе разграбленное, промышленность разрушенная, желѣзнодорожное сообщеніе разстроенное. Заново приходилось строить власть, заново созидать порядокъ въ условіяхъ непрекращающейся борьбы. Славное русское офицерство и казачество и самоотверженные отряды добровольцевъ, опираясь на браткую помощь доблестныхъ чеховъ и словаковъ, героически боролись за освобожденіе страны.

„Нынѣ на всемъ пространствѣ Сибири дѣйствуетъ единая власть. Вновь созданная молодая, но сильная духомъ армія. Учреждено подзаконное управленіе.

„Работы по укрѣпленію новой государственной власти

въ Сибири еще далеко не закончены, но въ помыслахъ о благѣ сибирскаго населенія не могутъ быть забыты интересы истерзанной Россіи.

„Наша родина истекаетъ кровью. Она отдана большевиками на потокъ и разграбленіе нѣмецкимъ плѣннымъ и разнузданнымъ бандамъ русскихъ преступниковъ.

„Приближается конецъ міровой войны. Народы будутъ рѣшать свои судьбы, а великая раньше Россія, въ этотъ исключительно важный моментъ, можетъ остаться разрозненной и заполоненной. Безъ великой Россіи не можетъ существовать Сибирь.

„Въ часъ величайшей опасности всѣ силы и всѣ средства должны быть отданы на служеніе одной самой важной задачѣ — возсозданію единаго и сильнаго государства Россійскаго. Эту отвѣтственную задачу приняло на себя Временное Всероссійское Правительство, на государственномъ совѣщаніи въ Уфѣ избранное и верховной властью облеченное. Единой волѣ этого правительства должны быть подчинены всѣ силы и средства управленія, и дальнѣйшее существованіе нѣсколькихъ областныхъ правительствъ представляется нынѣ недопустимымъ.

„Въ сознаіи священнаго для всѣхъ народовъ и частей Россіи патріотическаго долга, Сибирское Правительство, получивъ гарантіи, что начала автономіи Сибири будутъ возстановлены и укрѣплены, какъ только минуютъ трудности политическаго положенія Россіи, нынѣ во имя интересовъ общегосударственныхъ постановило: въ отмѣну деклараціи 4 іюля 1917 г. „О государственной самостоятельности Сибири", сложить съ себя верховное управленіе и всю полноту власти на территоріи Сибири передать Временному Правительству Всероссійскому". („Хроника". Прил. 120).

Оцѣнка роли и значенія Сибирскаго Правительства будетъ всецѣло зависѣть отъ нашего подхода къ гражданской войнѣ. Взгляды здѣсь столь различны, что

примирить ихъ невозможно. У однихъ та тактика, которой держалось Сибирское Правительство, будетъ вызывать положительное отношеніе; у другихъ всегда рѣзко отрицательное.

Мои политическія симпатіи совершенно неизбѣжно, конечно, выступаютъ въ историческихъ оцѣнкахъ. Если бы въ дни гражданской войны я былъ въ Сибири, мнѣ кажется, что въ общемъ я солидаризировался бы съ линіей кооператоровъ и съ ихъ омской газетой „Заря". Бывшій членъ Директоріи Зензиновъ называетъ этотъ органъ правымъ, по смѣшному недоразумѣнію именовавшій себя соціалистическимъ (въ письмѣ въ „Общее Дѣло"). Но такая „правизна" мнѣ представляется и подлинно государственной и національной въ отвѣтственные дни испытанія зрѣлости русской демократической интеллигенціи. Поэтому мнѣ и кажется наиболѣе правильной позиція той части сибирской демократіи, которая шла нога въ ногу съ А. В. Сазоновымъ и его друзьями — пытавшимися еще въ дни предпарламента въ Петербургѣ создать фракцію „с-р-овъ государственниковъ" *).

И вновь несомнѣннымъ мнѣ кажется одно — Сибирское Правительство не было реакціонно. Кто возьметъ на себя трудъ просмотрѣть „Собраніе узаконеній и распоряженій Вр. Сиб. Пр.", или познакомиться хотя бы съ обзоромъ его дѣятельности, сдѣланнымъ проф. Рязановскимъ въ сибирскомъ „Прав. Вѣстникѣ" (уже колчаковскаго періода) №№ 180—186 **) — тотъ не усмотритъ специфической реакціонности, отмѣчаемой противниками Сибирскаго Правительства изъ лагеря будущихъ нинистовъ („Ни Ленинъ, ни Колчакъ"). Въ эсэрствующей иркутской „Сибири" (№ 52 отъ 4 сентября) я нѣсколько неожиданно встрѣтилъ такую характеристику Сибирскаго Правительства въ его цѣломъ: „Не-

*) Вик. Черновъ: „Записки соц.-рев." Изд. Гржебина. Берлинъ. 49.

**) Въ №№ 191—195 помѣщенъ такой же обзоръ дѣятельности Директоріи.

сомнѣнно Сибирское Временное Правительство показало себя дѣйствительно твердой властью и нельзя не пожелать, чтобы и впредь правительство шло такимъ же твердымъ путемъ"... Статья эта появилась передъ Уфимскимъ Гос. Совѣщаніемъ — въ ней, вѣроятно, сказалась тактика момента. Во всякомъ случаѣ сентябрьскія событія въ Омскѣ, поскольку дѣло касалось конфликта Админсовѣта съ Оболдумой, не провели грани между двумя періодами дѣятельности Сибирскаго Правительства. Недаромъ реалистически мыслящій с.-р. С. С. Масловъ, посланецъ Архангельскаго Правительства, лишь привѣтствовалъ въ письмѣ къ Н. В. Чайковскому роспускъ Областной Думы — этого „разнузданнаго совдепа".

8. УПРАЗДНЕНІЕ ОБЛАСТНЫХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЪ.

На смѣну Сибирскому Правительству пришло новое Всероссійское. Мы, конечно, не знаемъ, какъ фактически сложилась бы власть Директоріи, ибо дни ея были слишкомъ кратковременны, и она не могла себя достаточно проявить въ конкретной дѣятельности. Конечно, при ея разнородномъ составѣ она была бы обвинена со стороны болѣе лѣвыхъ, чѣмъ она, въ реакціонности — обвиненія въ попустительствѣ уже раздавалась. Она бы сдѣлалась очень скоро „игрушкой въ рукахъ реакціоннаго офицерства". Правда, Болдыревъ „былъ спокоенъ и держался увѣренно". Онъ говорилъ, что „мало по малу военныхъ приберетъ къ рукамъ". Производило впечатлѣніе — говорилъ Кроль — что Болдыревъ вѣритъ тому, что онъ намъ говоритъ (147). Самому же Кролю это казалось только страннымъ, ибо „справиться съ нѣкоторыми военными кругами Директорія была совершенно безсильна" (149).

Если бы „слѣва" была иная тактика, можетъ быть, Директорія дѣйствительно справилась бы со своими труд-

ными задачами. Въ создавшейся коньюнктурѣ положеніе ея было безнадежно. Для непосредственныхъ участниковъ Директоріи вполнѣ попятна нѣсколько преувеличенная оцѣнка того, что они успѣли сдѣлать. Въ интервью Авксентьева, данномъ въ декабрѣ американскому журналисту Бернштейну, говорилось:

„Въ теченіе своего краткаго 2-хъ мѣсячнаго существованія ему (т. е. Всер. Пр.) удалось увеличить свой авторитетъ, удалось завоевать довѣріе, какъ со стороны населенія и арміи, такъ и со стороны мѣстныхъ судебныхъ установленій. Архангельское, Уральское, Закавказское и Закаспійское Правительства по собственной иниціативѣ признали власть Вр. Всерос. Пр. Ему подчинились также такіе авантюристы, какъ Семеновъ и Калмыковъ“ (Зензиновъ 183).

Эпитафія Директоріи, написанная Болдыревымъ, еще больше подчеркиваетъ ея заслуги:... „Люди, составлявшіе Директорію, пытались обойтись безъ разстрѣловъ и казней, не хотѣли особенно злоупотреблять и тюрьмой, это было расцѣнено, какъ слабость, и привело къ взрыву извнутри... Изо дня въ день велась и явная и скрытая разрушающая работа, обезвреженіе которой поглощало почти все время членовъ не успѣвшей еще окрѣпнуть Директоріи... И тѣмъ не менѣе за столь короткій срокъ своего существованія Директорія организовала фронтъ, подчинила чеховъ, добилась добровольнаго самороспуска Сибирской Областной Думы, самоупраздненія областныхъ правительствъ, расширила свое вліяніе за предѣлы ея территоріи“... (120).

Можетъ быть, нѣкоторыя заслуги Директоріи въ оцѣнкѣ Болдырева были фиктивны *). Одну „историческую миссію“, какъ говорилъ проф. Рязановскій въ упо-

*) Вегманъ, комментаторъ воспоминаній ген. Болдырева, не безъ основанія указываетъ, что роспускъ областныхъ правительствъ въ сущности былъ требованіемъ Сиб. Правительства. О заслугахъ В. Г. Болдырева по организаціи фронта мы скажемъ во второй части своей работы въ общей оцѣнкѣ стратегическаго положенія.

мянутомъ обзорѣ законодательной дѣятельности государственной власти въ Сибири („Пр. Вѣст.“ № 195), Директорія совершила — она начала собираніе Россіи и ликвидировала областныя правительства. Казалось бы теоретически, что областныя правительства, возникшія въ процессѣ борьбы съ большевизмомъ, должны были только содѣйствовать „собиранію Россіи“, въ дѣйствительности въ ненормальныхъ условіяхъ жизни они создавали лишь тормазъ для центральной власти, плодили недоразумѣнія и конфликты.*).

Грамотой 6-го ноября Директорія ликвидировала правительства. „Подтверждая нынѣ непреклонную волю признать и предоставить отдѣльнымъ частямъ Государства Россійскаго права широкой автономіи, провозглашенныя въ грамотѣ, данной въ городѣ Уфѣ 11/24 сентября 1918 г.“ — гласилъ докуметъ 6 ноября — „и въ полномъ сознаніи великой отвѣтственности передъ народами Россіи, Вр. Вс. Пр. въ историческій моментъ созданія единаго и крѣпкаго государства признало необходимымъ установить: Съ образованіемъ органовъ центральнаго управленія всероссійской власти на ближайшій періодъ времени всѣ безъ исключенія областныя правительства и областныя представительныя учрежденія должны прекратить свое существованіе“... („Хроника“. Прил. 124). Грамота сопровождалась спеціальными указами Правительствамъ Урала, Совѣту Упр. Вѣдомствъ, Алаша-Алашъ-Орды (Прил. 126—128). Несомнѣнно личный составъ Директоріи облегчилъ дѣло упраздненія мѣстныхъ правительствъ: только Директорія могла заставить, напр., владивостокское земство, претендовавшее на роль областной власти, признать центральное правительство **).

---

*) Л. А. Кроль считалъ это величайшей ошибкой, ибо упраздненіе областныхъ правительствъ лишало Директорію всякой опоры (145). Любопытно, что и ген. Акулининъ въ „Общемъ Дѣлѣ“ также позже склоненъ былъ объяснять неудачу Сибирскаго Правительства централистическими устремленіями.

**) Замѣчаніе это принадлежало В. Н. Львову, съ неизданными

Кроль, видѣвшій въ упраздненіи областныхъ правительствъ нарушеніе уфимской конституціи*), конечно, не противодѣйствовалъ тому, чтобы Уральское правительство безпрекословно сложило свои полномочія во имя подчиненія „верховному водительству" Всер. Власти. Не подчинялись или пытались не подчиниться по „мотивамъ политическимъ" лишь остатки Комуча. Это достаточно характерно.

Провелъ Авксентьевъ и „самороспускъ" Областной Думы. Формально все прошло гладко. Дума приняла резолюцію, которая, сохраняя обычную риторику, гласила: ...„Дума, исходя изъ общихъ интересовъ родины и завоеваній революціи, требующихъ полнаго объединенія всѣхъ разрозненныхъ частей страны вокругъ одного государственнаго центра, выноситъ рѣшеніе о прекращеніи своихъ работъ, какъ органа областного управленія автономной Сибири... Дума видитъ... только одинъ выходъ... скорѣйшій созывъ Сибирскаго У. С. на основѣ четырехчленной формулы съ примѣненіемъ пропорціональнаго представительства" (Хр. Прил. 130)**).

На дѣлѣ все прошло вовсе не такъ „гладко", какъ представляли члены Директоріи. „Авксентьевъ, кажется, имѣлъ успѣхъ и оваціи" — записываетъ Болдыревъ 10 ноября. Къ сожалѣнію у меня не было отчета о засѣданіи Думы, о которомъ упоминаетъ въ своемъ добав-

---

воспоминаніями котораго о Сибири я могъ познакомиться въ силу любезности Я. П. Поволоцкаго.

*) Кроль увѣряетъ, что Авксентьевъ соглашался съ тѣмъ, что указъ Директоріи является нарушеніемъ „конституціи", но не видѣлъ другого выхода. У Болдырева имѣется не совсѣмъ понятное указаніе, помѣченное датой 31 октября: „снова рѣшали участь Уральскаго (Екатеринбургскаго) правительства. Авксентьевъ опять предлагалъ больше, чѣмъ у него просили. Я рѣшительно высказался противъ возникшей мысли — о новой областной Думѣ въ Екатеринбургѣ"... (89). Областная Дума тамъ, гдѣ былъ съѣздъ членовъ Учр. Собр.?!

**) Указъ Сибирскаго Правительства 3 ноября одновременно съ самоликвидаціей учреждалъ Комиссію по выработкѣ положенія о выборахъ во всесибирскій представительный органъ. Въ Комиссіи впервые вводился „представитель отъ Совѣта сибирскихъ съѣздовъ представителей торговли и промышленности". („Хр." Пр. 129).

леніи Вегманъ. Онъ отмѣчаетъ, что Авксентьевъ, встрѣченный при появленіи „оваціями“ (оффиціально Авксентьевъ ѣхалъ „привѣтствовать“ Думу отъ правительства), „сходитъ съ трибуны при всеобщемъ молчаніи“. Настроеніе членовъ Сиболдумы не было восторженнымъ. Хорошо освѣдомленный во внутренне партійныхъ дѣлахъ Святицкій совершенно опредѣленно говоритъ, что Дума, или точнѣе главенствующая эс-эровская фракція, „не соглашалась на самозакрытіе“: „благодаря работѣ нашихъ лѣво эс-эровскихъ депутатовъ настроеніе... было весьма боевымъ“. Авксентьеву „пришлось употребить въ дѣло все свое краснорѣчіе, чтобы во фракціи составилось большинство въ нѣсколько голосовъ, одобрившее самороспускъ“ (92).

Гинсъ передаетъ довольно символистическую сцену, заключившую самороспускъ Думы. Членъ ея Гольдбергъ закончилъ свою рѣчь словами: „Не бойтесь, товарищи, мы 1 января опять появимся“. — „Слышу!“ раздался глухой и злобный отвѣтъ.“ (1,292).

Въ общественныхъ кругахъ, какъ утверждали парижскій докладъ Ключникова и омскій „Бюл. Союза Возр.,“ актъ „самороспуска“ Думы былъ воспринятъ лишь, какъ признакъ слабости Директоріи. Евг. Маевскій въ челябинской газетѣ „Власть Народа“ впослѣдствіи (22 ноября) писалъ, что Директорія „самороспускомъ“ Думы сдѣлало безъ всякихъ потрясеній то, что не могло сдѣлать старое Сибирское Правительство „безъ примѣненія грубой физической силы“... Онъ былъ бы правъ, если бы у Сиболдумы была хоть какая-нибудь реальная опора... Сибирское Правительство, очевидно, распустило бы Думу, если и не такъ гладко, какъ это сумѣлъ своимъ краснорѣчіемъ сдѣлать Авксентьевъ, то также безъ примѣненіе физической силы.

9. ЭС-ЭРОВСКАЯ „ПРОКЛАМАЦІЯ“.

Мы вновь должны вернуться къ Екатеринбургу, къ дѣятельности бюро Съѣзда членовъ У. С., готовившаго

въ сущности ударъ въ спину Директоріи. Со словъ Святицкаго мы знаемъ, что резолюцію Ц. К. партіи 11 октября, пытавшуюся аннулировать вредъ, нанесенный демократіи уфимскимъ совѣщаніемъ, бюро съѣзда широко разослало по всѣмъ направленіямъ въ видѣ обращенія Ц. К. къ партійнымъ организаціямъ. Послано было это обращеніе и въ Омскъ. То, что вообще дѣлалось въ это время въ Екатеринбургѣ и Уфѣ, было вовсе не такъ безобидно, какъ пытались впослѣдствіи представить входившіе въ Директорію члены партіи с.-р. въ статьѣ, напечатанной въ нью-іоркскомъ „Русскомъ Словѣ" (4 марта 19 г.) и опровергавшей „фантазіи" въ деклараціи Колчаковскаго правительства*). Въ этой статьѣ они писали: „Утвержденіе о томъ, что Авксентьевъ и Зензиновъ были въ плѣну у центр. ком. своей партіи и проч., все это фантазія составителей деклараціи. Правда же состоитъ въ слѣдующемъ: Центр. Ком. партіи издалъ инструкцію къ партійнымъ организаціямъ, въ которой призвалъ не къ открытой и „вооруженной борьбѣ съ верховной властью (т. е. Директоріей?) и созданію партійныхъ эс-эровскихъ войскъ" (даже не войска, а войскъ!)**), какъ говорится въ деклараціи Омскаго правительства, а наоборотъ къ поддержкѣ Всер. Прав. (несмотря на его уклоненія, по мнѣнію Центр. Ком., отъ настоящей тактики) къ отпору надвигающейся реакціи, которая усматривалась имъ, главнымъ образомъ, въ поведеніи агентовъ Сибирскаго Правительства, и къ созданію военныхъ партійныхъ организацій. Освѣдомившись объ этомъ черезъ представителей правыхъ круговъ (?) омскаго общества, которые постарались всячески распространить инструкцію Центр. Ком., Директорія единодушно (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и члены соціалисты) признала выступленіе Центр. Ком. антигосударственнымъ и несмотря

*) Статья появилась за подписью Авксентьева, Аргунова, Зензинова, Роговскаго. Она перепечатана въ сборникѣ Зензинова стр. 172 и др.

**) Фактически дѣло шло, какъ мы знаемъ, о созданіи особыхъ чешско-русскихъ дружинъ со спецефическимъ назначеніемъ.

на то, что инструкція Центр. Ком. призывала къ поддержкѣ ея, постановила произвести разслѣдованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Болдыреву, уѣзжавшему на фронтъ, какъ члену Директоріи и главнокомандующему, было поручено безпощадно подавлять не только какія либо партійныя организаціи, но и попытки къ созданію таковыхъ".

Резолюцію Ц. К., его декларацію и вообще всю позицію большинства руководящаго партійнаго органа лишь весьма относительно, конечно, можно назвать „поддержкой" Директоріи. „Увы, — комментируетъ Святицкій— правая часть съѣзда (т. е. значительное меньшинство, С. М.) была неисправима. Будто ничего не понимая и совсѣмъ не разбираясь въ происходившемъ, правые... съ пѣной у рта нападали на съѣздъ за его „бунтарскія" и „революціонныя" предложенія". „Покушаться на Директорію (курсивъ мой) въ такой моментъ, когда всѣ наши силы должны быть отданы на ея поддержку", — возмущались они...*)

Большинство частнаго совѣщанія было не на ихъ сторонѣ... Большинство высказалось за назначеніе въ ближайшіе дни закрытаго пленума съѣзда, посвященнаго обсужденію нашего отношенія къ Директоріи" (89). Засѣданіе пленума было назначено на 23 ноября, но оно не состоялось, такъ какъ раньше въ Омскѣ произошелъ „государственный переворотъ".

Буря въ Омскѣ началась именно тогда, когда тамъ появилась эс-эровская декларація. Я долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ важномъ моментѣ, если не опредѣлившемъ переворотъ, то его ускорившемъ, такъ какъ въ возникшей полемикѣ по этому поводу выступаютъ различные контроверсы.

Подъ 7 ноября Болдыревъ записываетъ... „Въ правительствѣ я рѣзко выступалъ по поводу появленія прокламаціи Ц. К. эс-эровъ. Они видимо ничему не научи-

---

*) „Прокламація" эс-эровъ „носила характеръ явной угрозы по адресу самой Директоріи" — замѣчаетъ съ своей стороны Кроль.

лись и начинаютъ снова свою разлагающую работу. Пригрозилъ арестомъ Цека. Авксентьевъ проситъ обождать его возвращенія изъ Томска, куда онъ ѣдетъ продѣлать процедуру самороспуска Областной Думы. Прокламація произвела переполохъ. Ставила подъ ударъ Директорію и страшно озлобила военныхъ. Ноксъ черезъ консула въ Екатеринбургѣ сообщилъ Чехосовѣту*), что въ Англіи за такую проповѣдь разстрѣляли бы авторовъ и что, если Черновъ будетъ продолжать дальше, онъ напишетъ, чтобы сюда не давали ни копѣйки**) (93).

Въ обращеніи Цека къ партійнымъ организаціямъ заявлялось, что „разрѣшеніе задачи организаціи власти на Гос. Совѣщ. въ Уфѣ достигнуто не было“ ***)... „Центромъ тяжести своей практики — гласило обращеніе — партія с. р. должна сдѣлать собраніе собственныхъ и примыкающихъ къ ней демократическихъ силъ вокругъ У. С. и его предверія Съѣзда членовъ У. С... Работа Съѣзда должна быть для массъ трудовой демократіи пропагандой въ пользу будущаго Правительства, отвѣтственнаго передъ У. С., соотвѣтствующаго соціально-политической линіи поведенія его большинства и по своему составу достаточно однороднаго для того, чтобы проводить эту политику не только на словахъ, но и на дѣлѣ“... Еще менѣе осторожнымъ — говоритъ Болдыревъ — было дальнѣйшее заявленіе что „въ предвидѣніи возможности политическихъ кризисовъ, которые могутъ быть вызваны замыслами контръ-революціи, всѣ силы партіи въ настоящее время должны быть мобилизованы, обу-

*) Зензиновъ говоритъ, что заявленіе Нокса было сдѣлано Авксентьеву и получило съ его стороны „должный отпоръ“ за непрошенное вмѣшательство въ нашу внутреннюю политику (191).

**) По правдѣ сказать — добавляетъ Болдыревъ — отъ этого мы мало пострадаемъ: все равно ничего не даютъ.

***) Чрезвычайно характерно: до сихъ поръ никто не далъ полнаго текста этого документа. Нѣтъ его и въ собраніи матеріаловъ, изданныхъ Зензиновымъ. Между тѣмъ именно Зензинову надлежало опубликовать его, такъ какъ онъ считаетъ документъ безобиднымъ и направленнымъ на поддержку Директоріи. Приходится пользоваться пока изложеніемъ Болдырева.

чены военному дѣлу и вооружены съ тѣмъ, чтобы въ любой моментъ быть готовымъ выдержать ударъ контръ-революціонныхъ организаторовъ гражданской войны въ тылу противобольшевицкаго фронта"... „Въ сущности это были пока только слова, клочекъ бумаги *) и не въ нихъ весь вредъ неосторожно появившейся прокламаціи — коментируетъ позднѣе Болдыревъ. „Вредъ въ томъ, что она оказалась козыремъ въ рукахъ Сибирскаго Правительства **)... „Военные, — вновь добавляетъ Болдыревъ — поголовно кипѣли негодованіемъ. Удерживать равновѣсіе между борящимися крыльями стало труднѣе" (94).

Это все, что записано въ дневникѣ у Болдырева, столь подробно останавливавшагося даже на мелочахъ... Изъ его изложенія вытекаетъ, что Правительство о т л о ж и л о обсужденіе вопроса до возвращенія въ Омскъ Авксентьева. Святицкій въ своей книгѣ разсказываетъ о засѣданіи Правительства со словъ пріѣхавшихъ въ Екатеринбургъ депутатовъ, т-е. передаетъ версію омскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. „Извѣстно ли членамъ Директоріи — запросилъ Болдыревъ — что нѣкоторые важные посты въ Государствѣ занимаются членами партіи, ведущей противъ Директоріи подкопы? Напримѣръ, постъ управляющаго дѣлами печати занимается эс-эромъ и членомъ Ц. К. этой партіи Мининымъ". Зензиновъ возразилъ Болдыреву: „Droминъ не членъ Ц. К., но вамъ незачѣмъ такъ далеко ходить: вамъ, должно быть, извѣстно, что члены Директоріи: Авксентьевъ и Зензиновъ — члены той же партіи, а Зензиновъ къ тому же дѣйствительно является членомъ ЦК этой партіи". „Но я думалъ — возразилъ Болдыревъ — что вы вышли уже изъ состава этой организаціи, въ отношеніи которой я хочу возбудить вопросъ о допущеніи ея дальнѣйшаго существованія". — „Что же вы хотите сдѣлать?"—

*) Въ дѣйствительности это было не такъ.
**) Фактически его ужс не было къ этому времени.

„Я, думаю, что послѣ появленія возмутительной декларації ЦК партіи с-р, этотъ комитетъ необходимо арестовать“. Тутъ вмѣшался Авксентьевъ, сказавъ, что онъ находитъ, что этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о самомъ существованіи Директоріи, надлежитъ поднять и всесторонне выяснить, но онъ проситъ Директорію отложить выясненіе вопроса до его обратнаго пріѣзда изъ Томска... Вопросъ такимъ образомъ былъ отсроченъ, но Директорія уже не могла вернуться къ нему“ (92-93).

Въ сущности въ итогѣ этотъ разсказъ совпадаетъ съ изложеніемъ Болдырева. Впослѣдствіи оффиціальное сообщеніе новаго правительства упрекало бывшихъ членовъ Директоріи въ томъ, что они недостаточно реагировали на антигосударственный призывъ эс-эровской партіи. Обвиненіе это больно задѣло членовъ Директоріи изъ партіи с. р. Въ рѣзкой статьѣ, напечатанной 22 октября 19 г. въ „Общемъ Дѣлѣ“ и озаглавленной „Правда о неправдѣ“, Зензиновъ отвѣчалъ:

„Въ послѣднихъ числахъ октября завѣдывавшій всероссійскимъ телеграфнымъ агентствомъ А. А. Мининъ принесъ мнѣ полученную имъ отъ своихъ корреспондентовъ телеграмму изъ Уфы. Въ этой телеграммѣ подробно передавалось „Обращеніе Центр. Ком. партіи с. р. къ партійнымъ организаціямъ“... Ознакомившись съ содержаніемъ этого обращенія, я тутъ же отдалъ распоряженіе А. А. Минину ни въ коемъ случаѣ этого документа не опубликовывать, ибо мнѣ казалось, по меньшей мѣрѣ, безтактнымъ призывать къ поддержкѣ правительства, подвергая его дѣйствія критикѣ, а призывъ къ вооруженію, отъ какой бы партіи онъ не исходилъ, я считалъ недопустимымъ. Затѣмъ я сообщилъ о сдѣланномъ мною распоряженіи Н. Д. Авксентьеву, который его вполнѣ одобрилъ“ (Зензиновъ 190)... „При содѣйствіи правыхъ круговъ дѣло о „прокламаціи ЦК“ — продолжаетъ авторъ — приняло большіе размѣры — оно обратило на себя вниманіе гораздо больше, чѣмъ

вообще того заслуживало. Въ виду этого я, по собственному почину, вызвалъ изъ Екатеринбурга къ прямому проводу членовъ ЦК М. Я. Гендельмана и Ф. Ф. Федоровича и просилъ ихъ передать ЦК мое и Авксентьева мнѣніе о совершенной недопустимости подобнаго рода обращеній. При этомъ самое обращеніе подвергнуто было мною очень рѣзкой критикѣ съ указаніемъ на его печальныя послѣдствія, которыя подобные акты ЦК могутъ имѣть. — Я имѣлъ въ виду визитъ ген. Нокса (!!) къ Н. Д. Авксентьеву" (191). Самое засѣданіе Зензиновъ изображаетъ такъ: „Вологодскій и ген. Болдыревъ высказались за немедленный арестъ Центр. Ком. Кромѣ того, Вологодскій лично мнѣ поставилъ вопросъ объ этомъ „Обращеніи", такъ какъ ему было извѣстно, что до вхожденія моего въ правительство я былъ членомъ Центр. Ком.: „спрашивалъ ли у васъ ЦК разрѣшенія на выпускъ подобнаго рода обращенія, и что вы имѣете въ виду сказать по поводу моего предложенія объ арестѣ Ц. К."?

Я отвѣтилъ на это, что, во-первыхъ, считаю дѣятельность всѣхъ политическихъ партій совершенно независимой отъ дѣятельности правительства и потому мнѣ представляется страннымъ вопросъ о моемъ разрѣшеніи, а, во-вторыхъ, что касается требованія объ арестѣ Ц. К., то полагаю, что въ этомъ должны разобраться судебныя власти. И, если судебныя власти установятъ противогосударственность дѣйствій Ц. К. и членовъ партіи с.-р., то я выскажусь не только за арестъ Ц. К., но и всѣхъ членовъ партіи с.-р., но при одномъ условіи — если одновременно будутъ также арестованны и всѣ виновные въ противогосударственныхъ дѣяніяхъ справа, вродѣ, напр., офицеровъ, пѣвшихъ на дняхъ в Красноярскѣ и Омскѣ „Боже, царя храни" при оффиціальныхъ встрѣчахъ союзниковъ. Къ моей точкѣ зрѣнія вполнѣ присоединились Н. Д. Авксентьевъ и В. А. Виноградовъ. Правительство постановило начать противъ Ц. К. судебное разслѣдова-

ніе, поручивъ это дѣло генералъ-прокурору, т. е. министру юстиціи Старынкевичу. Черезъ нѣсколько дней, когда мы возвращались съ засѣданія, ѣхали въ одномъ автомобилѣ — Авксентьевъ, Старынкевичъ и я — мною былъ заданъ вопросъ Старынкевичу, въ какомъ положеніи находится это дѣло. Онъ мнѣ буквально отвѣтилъ слѣдующее: „все это дѣло раздуто и повидимому никакого состава преступленія въ обращеніи Ц. К. найдено не будетъ". (192—3).

Мы, конечно, не имѣемъ основанія не вѣрить В. М. Зензинову. Но память не всегда точно воспроизводитъ прошлое *) и особенно въ томъ случаѣ, когда мемуаристъ стремится къ тому или иному самооправданію (въ данномъ случаѣ для Зензинова статья не носила даже характера воспоминаній). Въ такихъ случаяхъ память иногда невольно дѣлаетъ соотвѣтствующій скачекъ. Зензиновъ излагалъ недавнія событія въ состояніи еще нѣкоторой запальчивости и раздраженія **). Слишкомъ болѣзненно ударилъ по Директоріи переворотъ 18 ноября. Члены Директоріи пытались честно до конца выполнить свои обязательства — такъ, какъ каждый изъ нихъ ихъ понималъ. Вотъ характерное письмо за подписью Авксентьева и Зензинова, которое приводитъ Святицкій и которое было получено въ Екатеринбургѣ за нѣсколько дней до событій, освободившихъ авторовъ письма отъ принятыхъ на себя обязательствъ: они перестали быть „мучениками

*) Членъ Директоріи, очевидно, не ясно себѣ представляетъ юридическую конструкцію власти: непосредственнаго распоряженія отъ Директоріи Старынкевичъ получать не могъ; дѣло должно было пройти черезъ Совѣтъ Министровъ.

**) Статью свою онъ начиналъ словами: „не мало лжи и глупостей было написано о партійности и негосударственности избраннаго въ Уфѣ Вр. Вс. Правительства... Дѣлаютъ это либо по невѣдѣнію, либо ради опредѣленныхъ политическихъ соображеній... Я не только убѣжденъ, но я знаю навѣрное, что всѣ безпристрастные люди, свидѣтели и участники этихъ событій, независимо отъ ихъ собственныхъ политическихъ взглядовъ, полностью подтвердятъ правильность моихъ показаній, которыя будутъ носить исключительно фактическій характеръ.

компромисса". „Мы живемъ — гласило письмо *) — какъ на вулканѣ, готовомъ ежеминутно начать изверженіе. Каждый вечеръ мы сидимъ и ждемъ, что насъ придутъ арестовать. Но по совѣсти должны сказать, что иного пути, чѣмъ тотъ, на который мы вступили, — мы не видѣли и не видимъ. Мы хорошо понимаемъ упреки, обращенные къ намъ: мы сами отнюдь не удовлетворены тѣмъ составомъ „Всероссійскаго Совѣта Министровъ", который создался въ результатѣ соглашенія, но дѣйствовать по иному, вступить на путь раскола и междуусобной брани мы не хотѣли, да и не могли. Мы ждемъ случая, чтобы поставить ребромъ вопросъ о нашемъ дальнѣйшемъ пребываніи въ составѣ Директоріи, а пока мы хотѣли бы одного: то, что должно случиться, чтобы случилось скорѣе!" (91).

Пожалуй, приходится только пожалѣть, что честность заставляла ихъ оставаться въ Директоріи тогда, когда для нихъ самихъ стало ясно ихъ безсиліе (Post factum они этого безсилія не признавали).

Понять психологію замѣстителя Чайковскаго въ Директоріи не трудно: онъ былъ, по выраженію Ракитникова, принесенъ въ „жертву реакціи" („Распадъ" 33). Но объективно факты не за ту концепцію, которую онъ далъ въ своей статьѣ. Прежде всего правительственное засѣданіе, которое описываетъ Зензиновъ, не могло быть 5 ноября. Вспомнимъ, что это былъ день перваго засѣданія новаго Совѣта Министровъ. Допустимъ что здѣсь или невольная ошибка памяти или, что еще проще, типографская опечатка. Засѣданіе это не могло быть и 7-го, когда, по словамъ Болдырева, онъ пригрозилъ арестомъ Цека. Пѣніе гимна на банкетѣ въ Омскѣ при оффиціаль-

---

*) Святицкій утверждаетъ, что это письмо было адресовано Ц. К партіи. То ли это письмо, о которомъ въ оффиціальномъ правительственномъ сообщеніи говорилось: „30 октября, уже послѣ появленія прокламаціи, З. представилъ Комитету докладъ о дѣятельности Вс. Пр. Самъ Зензиновъ называлъ это „частнымъ письмомъ къ нѣкоторымъ членамъ Ц. К." (188).

ной встрѣчѣ союзниковъ, о чемъ упоминаетъ Зензиновъ, происходило 13 ноября. 15-го утромъ Болдыревъ уѣхалъ на фронтъ. Не могло при такихъ условіяхъ происходить черезъ нѣсколько дней засѣданіе, на которомъ было принято столь опредѣленное рѣшеніе по отношеніи къ эс-эровскому Ц. К. Надо предположить, что рѣшеніе было принято только послѣ отъѣзда Болдыревв. Это мало правдоподобно. Скорѣе всего Зензиновъ излагаетъ частныя бесѣды, споры и предположенія, которые возникали въ то время въ правительственной средѣ. Предположенія Зензинову рисуются уже рѣшеніями. Конечно, это только догадки, основанныя на контекстахъ мемуаристовъ *).

Нѣкоторое недоумѣніе вызываютъ и другія мѣста статьи Зензинова. Трудно какъ то повѣрить, что Авксентьевъ и Зензиновъ — лица, занимающія центральныя мѣста въ партіи с. р. (неважно, что въ тотъ моментъ Авксентьевъ не входилъ въ составъ Цека), лишь случайно узнали объ обращеніи Ц. К. 11 октября. Какъ то невѣроятно, что „правые" члены съѣзда, протестовавшіе противъ резолюціи Ц. К., не освѣдомили своевременно о своихъ шагахъ Омскъ. Они имѣли рядъ совѣщаній передъ пленумомъ Съѣзда 6—7 ноября. Кромѣ того, въ Омскѣ находилась спеціальная делегація отъ бюро Съѣзда, которая должна была воздѣйствовать на членовъ Директоріи.

Можно не сомнѣваться въ томъ, что и Авксентьевъ и Зензиновъ (и особенно первый) отрицательно относились къ позиціи своего Цека**). Но вѣдь вопросъ въ томъ, выявили ли они внѣшне достаточно опредѣленно

*) Разъяснить загадку могли бы протоколы Директоріи, если они велись и сохранились. Парфеновъ не приводитъ того помѣченнаго 13 ноября распоряженія Директоріи Старынкевичу о преданіи суду Цека эс-эровъ, на которое онъ ссылается (68). Повидимому, большевицкій историкъ механически повторяетъ здѣсь версію В. М. Зензинова.

**) Н. Д. Авксентьевъ не былъ выбранъ въ число членовъ Ц.К. партіи, такъ какъ послѣдній съѣздъ партіи, по выраженію эс-эровской „Воли Народа", прошелъ „подъ знакомъ большевизма".

свое отрицательное отношеніе. Въ этомъ внѣшнемъ выявленіи была вся суть дѣла — широкая публика не могла знать, что дѣлается внутри партійныхъ фракцій. На поставленный вопросъ приходится отвѣтить отрицательно: Зензиновъ и позже отнесся весьма легко къ прекарной резолюціи своего Цека.

„Прокламаціи нельзя приписывать рѣшающее значеніе“, — говорилъ Ключниковъ въ парижскомъ докладѣ. „Конечно это такъ. Содѣйствовала вся обстановка. „Прокламація“ была лишь однимъ изъ „звеньевъ“ въ цѣпи фактовъ. „Прокламація“ — правильно отмѣчалъ самъ Авксентьевъ въ цитированномъ письмѣ товарищамъ своимъ на югъ — „была послѣднимъ гвоздемъ въ гробъ Директоріи“. „Лучшаго подарка — по его мнѣнію — реакція ждать не могла“. Не находятся ли однако эти слова Н. Д. Авксентьева въ нѣкоторомъ, по крайней мѣрѣ, противорѣчіи съ коллективнымъ заявленіемъ бывш. членовъ Директоріи, напечатаннымъ въ харбинской газетѣ „Манчжурія“ 15 декабря 18 года:

„Не злоумышленная дѣятельность эс-эровъ, а давнишняя, особенно прочно свившая себѣ гнѣздо въ г. Омскѣ, надежда правыхъ круговъ на осуществленіе единичной военной диктатуры, толкнула на борьбу съ коалиціонной демократической властью, на борьбу съ цѣлью ея сверженія, чтобы затѣмъ начать осуществлять классовую антидемократическую политику расправы за прошлое“ (Зензиновъ 166).

„Нѣтъ ни одного акта въ дѣятельности Директоріи и поведеніи ея членовъ, принадлежащихъ къ партіи соціалъ-революціонеровъ, который давалъ бы право говорить объ антигосударственности, подчиненіи приказамъ Ц. К. партіи, стремленіи „разложить“ молодую русскую армію“, говорили бывшіе члены Вр. Вс. Пр. въ томъ же заявленіи 15 декабря. Они правы. Но въ сущности правительственное сообщеніе, во многомъ неудачное, обвиняло ихъ больше всего въ нерѣшительности

вызвавшей „сильное неудовольствіе“. Въ этомъ правительственное сообщеніе право. Въ правыхъ общественныхъ кругахъ — и не только правыхъ — отношеніе къ эс-эрамъ было такое же, какое у эс-эровъ къ „контръреволюціи“, подчасъ мнимой. Это своего рода „эс-эровская боязнь“, ведущая свое происхожденіе отъ ненависти къ тому „роковому человѣку“ (т. е. къ Чернову), вліяніе котораго на партію боялся и самъ Авксентьевъ, нерѣдко заходила слишкомъ далеко. Надо помнить, что въ Сибири въ руководящихъ органахъ партіи сторонники „рокового человѣка“ оказались въ большинствѣ. У противниковъ „черновцевъ“ не хватало такта, а можетъ быть и мужества, вполнѣ опредѣленно и рѣзко отгородиться отъ бывшихъ своикъ политическихъ единомышленниковъ. Это ихъ вина. Мѣшалъ здѣсь отчасти и контръреволюціонный гипнозъ, боязнь, при нѣкоторой гипертрофической оцѣнкѣ значенія лѣвой общественности или „организованной демократіи“, потерять связь со своимъ политическимъ центромъ. „Третьей силы“, на которую расчитывали творцы эс-эровской тактики въ годы гражданской войны, не оказалось. Отсюда безплодіе ихъ при созданіи новой государственной жизни. „Третья сила“, которую они пытались создавать, фатально шла въ большевицкое русло. Практически, дѣятельность эс-эровскаго Ц. К. въ сибирскій періодъ разрушала то государственное дѣло, которое — плохо или хорошо — пытались дѣлать другіе. Для того, чтобы доказать противоположное, надо прежде всего доказать, что весь текстъ Святицкаго, подтверждаемый и другими источниками, представляетъ изъ себя нѣчто вымышленное. Пока нѣтъ основаній сомнѣваться, что черновскимъ alter ego довольно точно изображены и настроенія и попытки дѣйствовать этихъ лѣвыхъ“ *). Поэтому такъ одіозна становилась въ

*) Черновъ обвинялъ меня за то, что я выуживаю у Святицкаго какъ разъ все „субъ-ективное“ и даже вычитываю нѣчто „противоположное“ тому, что, въ книгѣ имѣется. Такъ какъ книга Святицкаго въ эмиграціи

глазахъ многихъ, очень многихъ, а не только въ нѣсколько примитивномъ сознанiи неискушенныхъ въ нюансахъ партiйной политики казачьихъ офицеровъ изъ атаманскихъ противобольшевицкихъ отрядовъ, формальная связь членовъ Директорiи съ Ц. К. партiи. В. М. Зензиновъ нѣсколько наивно пытается представить партiйную связь, какъ выслушиванiе Директорiей „мнѣнiй, соображенiй и предложенiй", исходившихъ отъ различныхъ организацiй: „правительство не могло жить въ безвоздушномъ пространствѣ, оно обязано было „прислушиваться къ мнѣнiю всѣхъ политическихъ партiй и съ ними считаться". (188). Въ дѣйствительности, какъ было много разъ установлено выше, связь съ екатеринбургскими эс-эрами, съ Цека и бюро Съѣзда, не была только формальной — связь эта была гораздо болѣе тѣсной*). Въ „плѣну" у Ц. К. Директорiя не была, но руки у нея были до извѣстной степени связаны. Это было общее мнѣнiе общественныхъ круговъ, поддерживавшихъ Сибирское Правительство. Объ этомъ въ сущности говорятъ и Кроль и Болдыревъ...**)

Директорiя единодушно осудила антигосударствен-

является большой библiографической рѣдкостью—ея нѣтъ даже въ пражскомъ книжномъ фондѣ при Архивѣ, я вынужденъ дѣлать большiя цитаты. Тутъ уже отпадаютъ обвиненiя въ искаженiи текста. Передъ нами выступаетъ подлинное изображенiе „черновцевъ" въ эпоху Директорiи.

*) У Зензинова былъ даже особый шифръ для сношенiй съ Ц. К. партiи (письмо Альтовскаго Ракитникову 20 окт.—„Кр. Арх." XX, 167).

**) Уордъ и Пишонъ сдѣлали даже Болдырева членомъ эс-эровской партiи. Не совсѣмъ понятнымъ является до сихъ поръ тялеграфное обращенiе члена эс-эровской партiи Чайкина къ Авксентьеву и Зензинову изъ Екатеринбурга 16 ноября. Оно гласило: „Данное Вами 23 сего сентября обязательство остается невыполненнымъ. Создавшееся положенiе вынуждаетъ меня задать Вамъ двонмъ прямой вопросъ о срокѣ реализацiи обязательства. Недача Вами немедленно исчерпывающаго отвѣта общественно обяжетъ меня обратиться къ тремъ членамъ Директорiи съ соотвѣтствующимъ открытымъ письмомъ. Прошу учесть характеръ Вашего обращенiя 23 сентября и смыслъ принятаго мною на себя посредиичества. Въ частности на Васъ, Владимiръ Михайловичъ, я возлагаю личную отвѣтственность за поведенiе въ данномъ вопросѣ третьяго члена Директорiи, предварительное полученiе завѣренiя, котораго Вы мнѣ гарантировали честнымъ словомъ". Очевидно, что напоминанiе было сдѣлано передъ собранiемъ того „пленума" съѣзда, о которомъ говоритъ Святицкiй (см. выше стр. 82).

ный актъ Ц. К. эс-эровской партіи. Мало того — разсказываетъ Зензиновъ — когда ген. Болдыревъ наканунѣ самаго переворота (въ дѣйствительности 15-го) выѣзжалъ на фронтъ, онъ задалъ Н. Д. Авксентьеву вопросъ, вправѣ ли „будетъ онъ принимать на фронтѣ суровыя мѣры, до разстрѣла включительно, противъ лицъ, которыя будутъ уличены въ разложеніи арміи и созданіи внутри ея какихъ либо особыхъ партійныхъ вооруженныхъ организацій? Н. Д. Авксентьевъ отвѣтилъ ему на это утвердительно, и его отвѣтъ затѣмъ единогласно подтвердили всѣ остальные члены правительства“ (193). Но Болдыреву не пришлось примѣнять никакой репрессіи, ибо никакихъ преступнихъ организацій и замысловъ на фронтѣ не оказалось. Такъ говорилъ Болдыревъ при встрѣчѣ съ бывшими членами Директоріи въ Японіи. Но Болдыревъ не разсказалъ, какъ отнесся онъ къ отказу подчиниться его распоряженію о военныхъ формированіяхъ, которыя шли въ Уфѣ и отчасти въ Екатеринбургѣ подъ своеобразнымъ чешско-русскимъ флагомъ.

Омскіе народные соціалисты не безъ основанія усмотрѣли въ „воззваніи 22-го октября“ начало попытки организовать новое „партійное правительство“. Они увидѣли въ этомъ воззваніи призывъ партіи с.-р. къ подготовкѣ „новой вооруженной борьбы“. Соціалисты-революціонеры, по ихъ мнѣнію, совершили „тяжкое преступленіе передъ Россіей“ *). И во всякомъ случаѣ никакъ нельзя сказать, какъ это дѣлаетъ Сухомлинъ — одинъ изъ тѣхъ, кто считалъ уфимскую коалицію „большой ошибкой“, — что „реакціонно бѣлогвардейскія силы сформировались въ тылу у народнаго движенія при активной поддержкѣ Англіи, Франціи и Германіи... и нанесли эс-эрамъ предательскій ударъ въ спину“. (Воля Россіи“, IX, 93).

---

*) Резолюція 13 ноября по докладамъ Н. А. Филашева и И. В. Галецкаго („Заря“ № 123).

ГЛАВА II.

Государственный переворотъ.

1. СИБИРСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Прежде чѣмъ говорить о событіяхъ въ Омскѣ 18 ноября, мнѣ хотѣлось бы еще разъ коснуться въ нѣсколькихъ словахъ сибирской общественности. Мнѣ кажется, читатель могъ составить себѣ о ней представленіе и ввести нѣкоторые необходимые коррективы въ обычное для противниковъ сибирской власти изложеніе. Однотонная, мрачная картина, ими рисуемая, какъ будто бы находитъ подтвержденіе въ отзывахъ наблюдателей изъ иностранцевъ — особенно изъ числа членовъ неудачной миссіи въ Сибирь ген. Жанена. По словамъ этихъ очевидцевъ, вся омская общественность сплошь состояла изъ какихъ то спекулянтовъ и темныхъ дѣльцовъ *). Казалось, всѣ махровые реакціонеры царскаго времени собрались на сибирскихъ поляхъ для возстановленія стараго режима. Напр., въ изображеніи члена французской миссіи проф. Легра — человѣка, который имѣлъ наибольшіе шансы разобраться въ сибирской обстановкѣ и по знанію языка и по долголѣтнему знакомству съ Россіей — всѣ сибирскіе политическіе споры пріобрѣли

*) Ген. Рукероль, авторъ воспоминаній, выпущенныхъ Пайо въ 1929 г. — „L'aventure de l'Amiral Koltchak", увѣряетъ читателей, что министры „безъ исключенія" и чиновники всѣхъ ранговъ претендовали на быстрое обогащеніе, не особенно стѣсняясь въ выборѣ средствъ (54.)

чрезвычайно упрощенную форму. Въ Уфѣ былъ созданъ эмбріонъ соціалистическаго правительства. Между соціалистическимъ правительствомъ и буржуазіей въ Омскѣ не могло быть достигнуто соглашеніе: соціалисты руководились стремленіемъ реализовать свои мечты; омское правительство въ большинствѣ думало только о томъ, какъ бы набить свои карманы („M. Sl.“ 28, II, 163). Швейцарецъ Монтандонъ — глава сибирской миссіи международнаго Краснаго Креста и авторъ большой книги „Dêux ans chez Koltchak et les Bolchéviques — въ доказательство того, что реставраторы въ Сибири держались традицій царскаго режима, разсказываетъ на основаніи будто бы авторитетнаго источника, что Вологодскій — „Спаситель Сибири“ — при отъѣздѣ изъ Владивостока, повезъ въ своемъ поѣздѣ два вагона игральныхъ картъ (67). Можетъ быть, Вологодскій и везъ „игральныя карты“ (отрицать этого не могу за неимѣніемъ данныхъ; правительству всякаго рода финансовыя операціи приходилось, вѣроятно, дѣлать для изысканія денегъ, которыя были нервомъ борьбы), но Монтандонъ не понимаетъ того, что онъ говоритъ о крупномъ общественномъ дѣятелѣ съ безукоризненной въ этомъ отношеніи репутаціей, окончившимъ свои дни въ „большой бѣдности“ *).

Такихъ безотвѣтственныхъ сужденій въ мемуарахъ иностранцевъ можно найти немало. Эти мемауаристы въ большинствѣ стоятъ далеко не на должной высотѣ. Иные наблюдатели, не слишкомъ образованные, съ большимъ, однако, гоноромъ, не соотвѣтствующимъ положенію, которое они занимали, часто безъ критики повторяютъ то, что слышатъ съ разныхъ сторонъ. Сплетня не отдѣляется отъ дѣйствительности. Легенда заносится, какъ фактъ. Въ работѣ, предназначенной для русскаго читателя, мнѣ нѣтъ надобности опровергать измышленія, воль-

---

*) Окуличъ. „П. В. Вологодскій“. („Возр.“ № 282).

ныя и невольныя, иностранныхъ мемуаристовъ *). Ихъ сибирскія показанія часто страдаютъ всѣми недостатками, присущими оправдательнымъ показаніямъ. Для нихъ это — оправданіе передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, плохо информированнымъ и легко становившимся враждебнымъ къ сибирской интервенціонной „авантюрѣ союзниковъ" въ силу ея неудачи: національный гоноръ заставлялъ искать виновниковъ на сторонѣ. Отсюда подчасъ вытекаютъ слишкомъ рѣзкія квалификаціи русской общественности въ Сибири. Имъ тѣмъ болѣе легко было искать виновниковъ, что въ этихъ поискахъ они находили союниковъ — и могли сослаться на авторитетъ демократовъ изъ соціалистическаго лагеря. Только ихъ сужденія безъ критики многіе и повторяютъ.

Эти, уже русскія, сужденія партійнаго происхожденія, сужденія одной изъ боровшихся сторонъ, въ свою очередь чрезвычайно пристрастны. Я никакъ не могу вообще безоговорочно отожествлять монархическія симпатіи съ реставраціонными замыслами классовъ, потерявшихъ свои привиллегіи во время революціонной бури. Это — трафаретъ плохого публицистическаго тона. О монархіи послѣ всѣхъ „революціонныхъ" переживаній и эксцессовъ большевицкой поры могли думать и люди, по существу отнюдь не настроенные реакціонно (я употребляю это слово въ обычномъ принятомъ смыслѣ) **). Я думаю, многіе согласятся со мною,

*) Нѣкоторыхъ „легендъ", впрочемъ, я попутно коснусь, такъ какъ, попавъ въ печать, онѣ получили распространеніе.

**) Понятіе „реакціонности" становится вообще весьма относительнымъ. Напр., иркутская „Новая Сибирь" (№ 15) въ видѣ иллюстраціи реакціонныхъ настроеній офицеровъ приводила описаніе такого инцидента. Три офицера, прибывшіе съ волжскаго фронта (очевидно, изъ состава „Народной Арміи") просили владѣлицу газетнаго кіоска уничтожить висѣвшій тамъ портретъ Чернова. Та не соглашалась. Тогда офицеры предложили купить портретъ съ цѣлью его уничтожить. Почему то и на это владѣлица не согласилась. Проходившій сибирскій офицеръ безуспѣшно просилъ вожскихъ офицеровъ успокоиться. Онъ ушелъ, а волжане продолжали вести „войну" съ портретомъ Чернова. Признакомъ реакціонности стяновилось въ глазахъ нѣкоторыхъ иностранцевъ празднованіе офицерствомъ новаго года по старому стилю

если я напр., приведу выдержку изъ дневника В. Н. Пепеляева, давняго члена партіи к. д., входившаго въ Ц. К., помѣченную 23 сентября 18.: „Ст. Манчжурія. Я разстался съ кн. Львовымъ. Мы расцѣловались. Онъ на прощанье сказалъ мнѣ: „Желаю вамъ успѣха на счетъ монархіи“ *). Наряду съ этимъ пожеланіемъ Пепеляевъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ (28 января): „въ офицерствѣ крѣпнетъ монархія“. И тѣмъ не менѣе выявленія какихъ либо открытыхъ монархическихъ симпатій, за исключеніемъ „монархическихъ дебошей“ (выраженіе Болдырева) на банкетахъ, въ Сибири не было**).

(Кенэ. „L'Arrière sibérien“ M. Sl. 26, VIII, 180). Зато, повидимому, послѣдовательнымъ демократизмомъ считалось печатаніе въ газетахъ соціалистическаго направленія: „Убитъ Ник. Ник. Романовъ“, т. е. бывшій главнокомандующій в. кн. Ник. Ник. Очевидно, это должно было раздражать и не „монархически“ настроенное офицерство.

*) Цитата эта приводится въ работѣ Субботовскаго „Союзники, русскіе реакціонеры и интервенція“ (стр. 19). Работа Субботовскаго носитъ такой характеръ, что нельзя быть гарантированнымъ въ точности цитаты, взятой къ тому же изолированно. Къ сожалѣнію, большевики опубликовали цѣнный дневникъ Пепеляева только частично: за іюль — сентябрь 1919 г. („Развалъ Колчаковщины. Кр. Ар. XXXI.). Могло быть, что въ сумарной записи Пепеляева было неточно передано мнѣніе Львова.

**) Нельзя таковымъ считать, напр., демонстрацію противъ Сиболдумы, о которой передавалъ Гаттенбергъ, или требованіе монархистовъ играть въ іюлѣ гимнъ въ желѣзнодорожномъ собраніи въ Харбинѣ по случаю какой то радіотелеграммы съ манифестомъ о вступленіи на престолъ вел. кн. Михаила. (Будбергъ. XIII, 221.). Насколько „монархическія“ симпатіи скрывались и позже, свидѣтельствуетъ такая запись Будберга отъ 17 іюля 19 г.: „Въ соборѣ состоялась панихида по Царской семьѣ. Демократическій хоръ отказался пѣть. Изъ старшихъ чиновъ на панихидѣ былъ я, Розановъ, Хрещатицкій и уралецъ ген. Хорощкинъ; остальные постарались забыть о панихидѣ, чтобы не скомпрометировать своей демократичности“. (XIV, 325).

Что касается банкетныхъ „дебошей“, то, быть можетъ, и здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Вѣдь другого національнаго гимна, кромѣ „царскаго“, не было создано въ революціонные мѣсяцы. „Образовалась пустота“, правильно замѣтилъ Болдыревъ (88). Неотвратимая потребность гимна существовала, не даромъ англичане не могли понять національной психологіи, обходившейся безъ гимна. Непосредственный Уордъ съ подобной рѣчью выступилъ даже на публичномъ банкетѣ во Владивостокѣ: „если бы у насъ было 20 революцій, то всетаки я не могъ бы представить себѣ, чтобы англичане стали стыдиться англійскаго флага“ (55, 56.). То же было и въ Красноярскѣ. На англійскихъ собраніяхъ, когда полагалось оркестру играть націоальные гимны союзниковъ, исполнялся старый русскій гимнъ (См. Воспоминенія И. А. Ан-

„Монархизмъ скрывался въ омскихъ салонахъ“—утверждаетъ Колосовъ („Былое“. XII, 228). Центромъ его былъ „салонъ“ Гришиной-Алмазовой. Объ этомъ „салонѣ“ намъ придется говорить. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ воздухѣ носилась, однако, не „монархія“, а „идея диктатуры“. Лѣвый к.-д. Кроль, окрещенный въ Сибири, по его словамъ, „бѣлой вороной“, не одобрялъ этихъ „диктаторскихъ“ настроеній. Подъ угломъ своихъ нѣсколько противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія онъ даетъ весьма пристрастную характеристику своихъ товарищей по партіи. „Восточный Отдѣлъ“ партіи к. д. въ Омскѣ онъ не иначе называетъ, какъ „азіатскимъ отдѣломъ“, и усиленно отгораживается отъ тактики „матерыхъ реакціонеровъ“ типа Жардецкаго *) и „обезумѣвшихъ отъ ненависти“ Клафтоновъ. (163) **). Такихъ „обезумѣвшихъ отъ ненависти“ было немалое число — и не только въ „буржуазной“ кадетской партіи и среди торгово-промышленниковъ. Ихъ уже характеризовалъ намъ другой Кроль — иркутскій эс-эръ. Его характеристику можетъ дополнить Утгофъ: „насиліе большевиковъ такъ сильно повліяло на нѣкоторыя интеллигентскія группы, что борьба съ большевизмомъ стала для нихъ самоцѣлью“ (20). Именно такъ смотрѣли на дѣло и Вологодскій, и Сазоновъ и другіе ихъ соратники. Такъ смотрѣли на дѣло и многіе кооператоры. Напр., предсѣдатель Союза Маслодѣловъ политическія расхожденія въ сибир-

---

друшевича „Послѣдняя Россія“ („Бѣлое Дѣло“. IV, 109). На русскихъ собраніяхъ излишняя демократическая щепетильность доходила до такихъ гиперболическихъ размѣровъ, что оркестръ игралъ въ Иркутскѣ „Rull Britania“ („Британія царствуй и на водахъ“) вмѣсто „God Save the King“ („Боже, спаси короля“.). Этой ненормальности не понимаетъ даже Колосовъ.

*) Кроль подчеркиваетъ (67), что Жардецкій стоитъ за монархію и держится германской оріентаціи. Если это было дѣйствительно такъ, то, очевидно, Жардецкій въ Сибири былъ выразителемъ позиціи, которую приблизительно въ это время занималъ предсѣдатель партіи П. Н. Милюковъ. О позиціи Милюкова и партіи к. д. см. мою брошюру „Исторія гр. войны въ освѣщеніи П. Н. Милюкова“.

**) Видный самарскій кадетъ Клафтонъ, разстрѣлянный послѣ Колчака. Погибъ тогда же и Жардецкій.

ской кооперацiи въ письмѣ болѣе поздняго происхожденiя (21 iюля 19.) объяснилъ тѣмъ, что одни „не желали пораженiя большевиковъ, а другiе вели кампанiю противъ большевиковъ“ *). Эти „обезумѣвшiе“, среди по крайней мѣрѣ демократiи, искали путей для объединенiя силъ въ цѣлахъ борьбы. Они, въ лицѣ хотя бы Сазонова, до послѣдняго момента держались той позицiи, которая позже стала весьма не популярной въ нѣкоторыхъ демократическихъ кругахъ. Въ работѣ, посвященной Н. В. Чайковскому мнѣ приходилось уже цитировать письмо Сазонова отъ 6 сентября 21 г. **): „И что обиднѣе всего — сейчасъ на краю пропасти мы все же продолжаемъ вести нашу старую партiйную грызню и этимъ ослабляемъ себя. Сейчасъ должна быть одна партiя — нацiонально русская и одна цѣль — спасенiе и возрожденiи Россiи, все, что сверхъ этого, то отъ лукаваго!“ „Въ такомъ объединенiи нѣтъ мѣста только большевикамъ справа и слѣва“ — пишетъ онъ позже 15 сент. 24 г. ***).

Не всѣ, можетъ быть, знаютъ, кто такой сибирскiй „дѣдъ“ Анатолiй Владимiровичъ Сазоновъ — старый народоволецъ, человѣкъ твердыхъ политическихъ взглядовъ, жизнь котораго прошла „подъ знакомъ неустаннаго служенiя народу“. Слова эти принадлежатъ Якушеву — противнику Сазонова въ годы гражданской войны. Сазоновъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ блока общественныхъ организацiй. Такимъ же горячимъ сторонникомъ послѣдняго былъ с.-р. Куликовскiй, входившiй въ Областную Думу отъ Якутскаго Совѣта Крестьянскихъ депутатовъ.

*) Дѣло касалось ссоры представителя Закупсбыта и Сибирскаго Союза заграницей, когда эс-эрствующiе кооператоры стали выступать противъ интервенцiи, „жалѣя, что союзныя войска убиваютъ русскихъ людей“. А раньше?

**) Я не назвалъ тогда автора, не зная, что А. В. умеръ въ Шанхаѣ 9 марта 27 г.

***) Письмо цитируетъ авторъ некролога въ „Вольной Сибири“ II, 176.

Какъ же могъ „умный“ Кроль назвать блокъ собраніемъ „тринадцати нулей“. Въ союзъ входили „правые с.-р.“, „народные соціалисты“, „кадеты“, с.-д. группа „Единство“; наконецъ, кооператоры и торгово-промышленники. „Партійныя организаціи я взялъ въ ковычки— сообщаетъ политикъ и мемуаристъ — то, что было въ Омскѣ подъ этими названіями, за исключеніемъ, можетъ быть, „атаманской“ группы „Единства“, какъ по ироніи судьбы называлась партійная группа рабочихъ, жившихъ въ предмѣстьѣ Омска „Атаманскій Хуторъ“, не имѣло ничего общаго съ тѣми партіями, названія коихъ эти организаціи себѣ прицѣпили. По крайней мѣрѣ, ни эсэры, ни эн-эсы, прибывшіе изъ центра, „омскихъ“ эсэровъ и эн-эсовъ своими не признавали...“ *)

„Блокъ въ политическомъ смыслѣ былъ блокомъ тринадцати нулей. Но съ ними были связаны казаки и военные круги, и, поскольку они безъ блока были реальной силой, и онъ представлялъ собою реальную величину“ (Кроль 144).

Въ общемъ блокъ, несомнѣнно, пытался осуществлять въ жизни позицію, установленную „Союзомъ Возрожденія“. Такъ какъ блокъ являлся широкимъ объединеніемъ, преслѣдующимъ практическія цѣли, неизбѣжно въ составъ его входили группы, постепенно отходившія отъ основной линіи. Въ концѣ концовъ, на этой почвѣ блокъ раскололся. Его „правымъ крыломъ“ была партія народной свободы, которая, какъ мы видѣли, и въ Сибири постепенно переходила вновь на признаніе преимущества диктатуры въ періодъ гражданской войны... Эво-

---

*) Я хорошо знаю лидера омскихъ нар.-соц. Филашева-Новикова. Видѣлъ и много говорилъ въ 1921—22 г.г. съ вернувшимся въ Москву изъ Сибири Галецкимъ. Назвать ихъ перешедшими въ лагерь консерваторовъ и реакціонеровъ рѣшительно отказываюсь. Ихъ демократизмъ сохранился въ полной мѣрѣ. Какъ мы увидимъ, lapsus'ы у Галецкаго, какъ у редактора „Новой Зари“, были, но и только. Тѣ изъ прибывшихъ изъ центра, на авторитетъ которыхъ ссылается Кроль, судя по ихъ публичнымъ выступленіямъ, какъ разъ уклонились тогда отъ линіи, установленной центромъ.

люцію можно наглядно увидѣть на примѣрѣ екатеринбургскаго комитета партіи, гдѣ лидерствовалъ самъ Кроль: Въ Екатеринбургѣ было назначено собраніе для разсмотрѣнія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на партійномъ съѣздѣ, который созывался въ Омскѣ въ серединѣ ноября. „Придя на это собраніе — разсказываетъ Кроль — я еле узналъ нашу группу. Впервые я услышалъ въ ней прямо и опредѣленно формулированный вопросъ: „директорія или диктатура?“ Я былъ пораженъ даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса въ нашей группѣ, которая одна, изъ очень рѣдкихъ, сумѣла сохраниться (?) съ 1905 г.“ (157).

Откуда это могло взяться? Кроль видитъ здѣсь вліяніе самарцевъ, прибывшихъ въ Екатеринбургъ въ качествѣ бѣженцевъ. Они испытали всѣ прелести управленія Комуча и приписывали „исключительно ему пораженія на фронтѣ“. Директорія — продуктъ Комуча. Она слабовольна; она погубитъ фронтъ; она развалитъ тылъ; выходъ одинъ въ диктатурѣ. За диктатуру стояли и члены пермскаго комитета, жаждавшіе вернуться домой. Для нихъ „Директорія“ — отступленіе; „диктатура“ — наступленіе. Не оставалась безъ вліянія и „работа прибывшаго въ Екатеринбургъ А. С. Бѣлоруссова“. Въ Екатеринбургѣ, по настояніямъ Кроля, все же диктатура „незначительнымъ большинствомъ была отклонена“. На всесибирскомъ партійскомъ съѣздѣ въ Омскѣ 16 ноября она была принята.

Но мнѣ неизвѣстно, чтобы лѣвая часть блока когда либо объявляла себя принципіальной сторонницей диктатуры *).

---

*) Утгофъ ссылается на слова московскихъ эс-эровъ, входившихъ въ „Союзъ В.“ Аргуновъ утверждаетъ, что даже омскій отдѣлъ этого союза, переполненный кадетами, во время Уф. Сов. опубликовалъ заявленіе о необходимости диктатуры (45). Такого заявленія я не нашелъ. Надо скязать, что оно противорѣчило бы послѣдующимъ заявленіямъ сибирскихъ отдѣловъ „С. В.“ и даже блока, позицію котораго очень скоро В. Пепеляевъ будетъ называть „общественной свистопляской“ (Дневпикъ. 16 іюль. „Кр. Арх.“ XXXI, 59).

Кроль, враждебный къ омской общественности и къ блоку, говоритъ, что блокъ велъ себя въ отношенiи Авксентьева и Зензинова „до неприличiя вызывающе" (147). Я не нашелъ ни у Кроля, ни у другихъ повѣствователей того времени какихъ либо реальныхъ фактовъ, но зато у Кроля прочиталъ, что члены Директорiи расцѣнивали блокъ такъ же, какъ и Кроль: „Стоило послушать ихъ разсказы, несмотря на всю грусть момента, въ комическихъ тонахъ, какъ пыжилась депутацiя отъ каждой группы отдѣльно „выявить" передъ Директорiей свою „точку зрѣнiя", чтобы понять, что для членовъ Директорiи весь „блокъ" и по частямъ и въ цѣломъ былъ только смѣшонъ". (144).

Въ сибирской обстановкѣ блокъ всегда до 18 ноября выступалъ въ роли примирителя — это было трудно въ той атмосферѣ взаимнаго недовѣрiя, которая при Директорiи, по словамъ Кроля, „достигла крайней степени накаленности". Въ свое время Сазоновъ, въ качествѣ делегата блока, выступалъ „посредникомъ для мирнаго улаживанiя возникшаго конфликта между Админсовѣтомъ и Оболдумой" (изъ некролога Якушева). Въ перiодъ Директорiи блокъ также занимался уговариванiемъ сторонъ. И не только уговариванiемъ. Очень яркiй фактъ изъ дѣятельности блока сообщаетъ Колосовъ: нѣкiй капитанъ Шемякинъ, по порученiю блока, въ цѣляхъ ослабленiя атаманскихъ насилiй занялъ даже постъ начальника штаба у Красильникова.

Въ накаленной атмосферѣ взаимнаго недовѣрiя и вражды уже безполезно было заниматься общественнымъ воспитанiемъ. Поэтому такъ неудержимо росла идея необходимости диктатуры. При Директорiи она стала принимать отчетливыя, конкретныя формы. Это видно изъ всѣхъ записей ген. Болдырера. Описывая критическое засѣданiе 27 октября, когда члены Директорiи собирались выйти изъ ея состава, Болдыревъ добавляетъ, что по окончанiи засѣданiя Виноградовъ рекомендовалъ

ему, въ случаѣ выхода всѣхъ четырехъ членовъ изъ Директоріи „сохранить власть въ связи съ сохраненіемъ верховнаго главнокомандованія“ (86)*).

2. ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ.

Въ книгѣ, посвященной Н. В. Чайковскому, касаясь попутно событій въ Омскѣ 18 ноября, я писалъ: „переворотъ произошелъ какъ бы самъ собой. Это было полустихійное движеніе военныхъ, которое было санкціонировано затѣмъ и нѣкоторыми общественными кругами — отнюдь не только реакціонными“ (152). И дальше: „Въ атмосферѣ заговоровъ въ „мексиканскомъ стилѣ“ должна была выдвинуться группа людей — людей безотвѣтственныхъ, дѣйствующихъ за свой страхъ и рискъ“ (158). Здѣсь нужны и добавленін и поясненія, но по существу не такъ уже много надо прибавить.

Изъ фактовъ, приведенныхъ на предшествующихъ страницахъ, видно, что переворотъ какъ бы висѣлъ въ воздухѣ. О немъ говорили, всѣ его обсуждзли. Въ подобной обстановкѣ является второстепенной уже сама организація дѣйствія, направленнаго на осуществленіе того, что было desiderata широкихъ круговъ. И всетаки было ли это дѣйствіе организованнымъ? Былъ ли переворотъ 18 ноября осуществленіемъ заранѣе разработаннаго плана? Кто его непосредственные участники и кто стоялъ въ роли вдохновителей и инспираторовъ за кулисами?

Состояніе матеріаловъ не даетъ еще возможности отвѣтить на всѣ эти вопросы съ должной ясностью и полнотой. Я заранѣе готовъ пойти на упрекъ въ томъ, что не сумѣлъ разобраться въ матеріалѣ и критически проанализировать существующіе уже контроверсы. Для отчетливаго сужденія нѣтъ прежде всего документовъ—

*) Еще ранѣе Болдыреву „группой“ кап. Степанова было предложено создать въ распоряженіи главковерха надежную войсковую часть.

они вообще рѣдко встрѣчаются въ подобныхъ актахъ. Но и то, что есть, мы знаемъ преимущественно въ выдержкахъ, опубликованныхъ совѣтскими исторіографами. Мемуаристы же — ихъ немало — слишкомъ подчасъ безотвѣтственны въ своихъ сужденіяхъ о недавнемъ быломъ. Если выбрать какой-нибудь одинъ источникъ и слѣдовать ему — все будетъ необычайно просто и ясно, и легко примешь легенду за фактъ.

* * *

Въ пражскомъ „Русск. Загр. Ист. Архивѣ“ имѣются воспоминанія одного изъ яко-бы непосредственныхъ участниковъ и руководителей переворота подп. Бафталовскаго. Написаны они въ Тунисѣ, 20 апрѣля 1925 г. Въ воспоминаніяхъ этого участника переворота столь опредѣленно чувствуются позднѣйшія наслоенія, что подвергать ихъ детальному критическому анализу не стоитъ. Здѣсь суммированы различныя данныя, слухи, разговоры въ одну общую картину, которая въ силу уже этого получается мало правдоподобной.

Мысль о сверженіи Директоріи, въ изображеніи мемуариста, родилась въ извѣстномъ уже намъ салонѣ Гришиной-Алмазовой, посѣтителями котораго были Михайловъ и ген. Андогскій. Разработку плана съ технической стороны взялъ на себя ген. Андогскій, полк. Сыромятниковъ, полк. Лебедевъ. Ихъ помощникомъ состоялъ кап. Буровъ и авторъ мемуаровъ, кап. Бафталовскій. Финансировалъ все предпріятіе Михайловъ *). Послѣ длинныхъ переговоровъ заговорщики остановились, какъ на выполнителяхъ, на военной группѣ Волкова-Красильникова. Полк. Уордъ далъ согласіе на поддержку пере-

*) Другой мемуаристъ, съ ненапечатанными мемуарами котораго мнѣ пришлось познакомиться съ разрѣшенія г-на Поволоцкаго, мемуаристъ чрезвычайно опасный.—В. Н. Львовъ, говоритъ, что общій планъ дѣйствія противъ Директоріи былъ разработанъ Жардецкимъ, Михайловымъ и Соловейчикомъ.

ворота англійскимъ батальономъ. На роль диктатора былъ намѣченъ адм. Колчакъ, давшій принципіальное согласіе, при условіи, что власть будетъ передана ему Правительствомъ, а не добыта имъ захватнымъ порядкомъ *). Казачья группа Волкова-Красильникова въ ночь съ 17 на 18 произвела арестъ членовъ Директоріи изъ состава партіи с.-р... Командующій войсками Матковскій, узнавъ объ арестѣ, предписалъ нач. штаба Василенко немедленно принять мѣры къ освобожденію арестованныхъ членовъ Правительства, но Бафталовскій раскрылъ Василенко планъ и присоединилъ послѣдняго къ числу заговорщиковъ. Ночью члены Правительства собрались у ген. Розанова на совѣщаніе съ военнымъ командованіемъ. Присутствовало 12 человѣкъ. О происшедшихъ событіяхъ докладывалъ полк. Сыромятниковъ. Совѣщаніе колебалось. Разрѣшила вопросъ настойчивость Розанова, который, стукнувъ кулакомъ, отъ имени арміи потребовалъ диктатуры.

Въ изложенныхъ воспоминаніяхъ имѣются на-лицо почти всѣ элементы тѣхъ заговорщицкихъ силъ, которыя фигурируютъ такъ или иначе въ существующихъ версіяхъ: общественность монархическаго пошиба, командный составъ, члены Правительства, содѣйствующіе англичане, согласіе Колчака. И все это достаточно фантастично.

* * *

Большевицкій историкъ Парфеновъ (Алтайскій), подчасъ неизвѣстно откуда черпающій свой матеріалъ, вводитъ еще новый элементъ въ среду участниковъ заговора — французскую военную миссію.

„16 ноября 1918 года въ Омскъ прибыла французская военная миссія во главѣ съ командующимъ всѣми иностранными вооруженными силами на территоріи Сибири, ген. Жаненъ, и рота французскихъ солдатъ.

*) Для связи съ Колчакомъ, добавляетъ В. Львовъ, дающій аналогичную версію, былъ приглашенъ адъютантъ Колчака кап. Ильинъ.

„По этому случаю омское правительство устроило торжественный парадъ войскамъ и не менѣе торжественный обѣдъ въ честь прибывшихъ иностранныхъ господъ.

„Во время этого торжественнаго обѣда, послѣ исполненія оркестромъ французскаго и другихъ иностранныхъ гимновъ, группа подвыпившихъ казачьихъ офицеровъ потребовала, чтобы былъ исполненъ гимнъ „Боже, царя храни" и категорически настояла на своемъ требованіи.

„Получился нѣкоторый конфузъ. Лидерамъ партіи соц.-рев. Авксентьеву, Зензинову и др., возглавлявшимъ омское всерос. правительство и считавшимъ себя верховной властью, не понравилась эта „монархическая молитва" и они сдѣлали попытку напомнить офицерамъ о ихъ „демократическихъ воззрѣніяхъ" и даже предложили военному и морскому министру Колчаку арестовать нѣкоторыхъ изъ нихъ.

„Вечеромъ въ этотъ же день начальникъ омскаго гарнизона подп. Волковъ и начальники казачьихъ частей, Красильниковъ и Катанаевъ, явились къ Колчаку и заявили, что „долгъ передъ родиной и настроеніе всѣхъ частей вынуждаетъ ихъ арестовать членовъ правительства соц.-рев., ведущихъ преступную соглашательскую политику съ большевиками" и просили „отъ имени всей арміи принять на себя верховное руководство возрождающейся арміей и народомъ"...

„Колчакъ торжественнымъ жестомъ поблагодарилъ за довѣріе офицерскую делегацію и уговорился съ полковникомъ Волковымъ, что завтра утромъ представитъ ему проектъ конкретнаго плана ареста Директоріи.

„На другой день, т. е. 17-го числа, сначала въ поѣздѣ французской военной миссіи, затѣмъ въ зданіи военно-промышленнаго комитета, состоялось объединенное совѣщаніе иностранныхъ генераловъ, представителей партіи ка.-де, омскаго „Союза Возрожденія" и др., которое почти единодушно, исключая американскаго и чехо-словацкаго представителей, высказалось за переходъ власти

къ военному диктатору въ лицѣ адм. Колчака, хотя выставлялись и другіе кандидаты: ат. Семеновъ, ген. Болдыревъ и атам. Дутовъ (послѣдній поддерживался генераломъ Ивановымъ-Риновымъ).

„Чехо-американскіе представители, противившіеся разгону Директоріи, въ крайнемъ случаѣ настаивали на включеніи Авксентьева и Аргунова, какъ „пользующихся широкой симпатіей народа“ въ составъ правительства адм. Колчака и на оставленіи „безъ урѣзокъ демократической программы существующаго правительства“.

„Технически совершить разгонъ Директоріи было поручено полк. Волкову, предсѣдателю омскаго комитета партіи ка-де Жардецкому и министру финансовъ И. Михайлову.

„А черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого совѣщанія офицерская часть отряда атамана Красильникова приступила къ выполненію намѣченнаго плана“ (69-70).

Участники французской миссіи, выступавшіе съ воспоминаніями о данной эпохѣ, незнакомы, конечно, ни съ работой Парфенова, появившейся въ первомъ изданіи въ Харбинѣ (1921 г.), ни съ отдѣльными статьями этого совѣтскаго изслѣдователя гражданской войны въ Сибири. Иначе они поспѣшили бы опровергнуть обвиненіе ихъ хоть въ косвенномъ участіи въ событіяхъ 18 ноября. Для нихъ Колчакъ ни болѣе ни менѣе, какъ „une invention anglaise“. Такъ одинъ изъ нихъ —Дюбарбье *)— и начинаетъ главу, посвященную перевороту. Самъ шефъ

*) „En Siberie après l'Armistice“. (p. 70). Дюбарбье скорѣе сочувствуетъ перевороту: самъ по себѣ онъ былъ правиленъ, ибо соц-революціонеры (такъ навывались „Ces bons bourgovis républicains“), больше болтливые адвокаты и идеологи, чѣмъ правители, теоретики, а не реалисты, проявили свое полное безсиліе. О нихъ никто не сожалѣлъ. Но Колчакъ сдѣлалъ ошибку, игнорируя Семенова и чеховъ, безъ поддержки которыхъ власть правительства была не жизненной. По винѣ Колчака переворотъ 18 ноября сдѣлался авантюрой.

Любопытно, что другой иностранный участникъ сибирскихъ походовъ Люд. Грондисъ, считаетъ государственный переворотъ нѣсколько преждевременнымъ. Ошибка иниціаторовъ въ томъ, что они упустили узнать мнѣніе чеховъ, безъ которыхъ новое правительство не могло существовать. („La guerre en Russie et en Sibérie“.. 115).

миссіи, ген. Жаненъ, съ удивительной легкостью повторяя популярную одно время у иностранцевъ наивную легенду, въ отрывкахъ дневника, которыя печатались въ „Monde Slave“ (1924, XII, 238), говоритъ:

„Дѣйствительно, англичане, поставивъ Колчака у власти, были приблизительно столь же удачливы, какъ и тогда, когда они свергали Николая II. Безъ этого, не знаю, былъ ли бы побѣжденъ большевизмъ въ Россіи, но Сибирь, въ этомъ я убѣжденъ, удалось бы спасти и устроить. Народный порывъ не былъ бы тамъ задушенъ жестокой реакціей, всѣхъ возмущавшей, повышавшей нервность чеховъ и уничтожавшей у нихъ всякое желаніе сотрудничества“.

Извѣстный намъ полк. Пишонъ, въ статьѣ „Le coup d'état de l'amiral Kolčak“ (M. Sl. 25, II, 259.) добавляетъ:

„Совершенно несомнѣнно, что адмиралъ, привезенный англичанами изъ Месопотаміи и изъ Индіи, конвоированный во Владивостокъ и въ Сибирь англійскимъ батальономъ, былъ человѣкомъ генерала Нокса. Но столь же несомнѣнно и то, что не было на немъ ни въ коей мѣрѣ французскаго штемпеля, и что обстоятельства, приведшія его къ власти, произошли между отъѣздомъ изъ Владивостока генерала Париса и пріѣздомъ въ Омскъ верховнаго французскаго комиссара и находились совершенно внѣ нашего вліянія“.

Пишонъ не противъ диктатуры, онъ только противъ переворота. Все можно бы сдѣлать легальнымъ путемъ при нѣкоторомъ терпѣніи. Директорія могла бы эволюціонировать — Колчакъ могъ бы послѣдовать примѣру, который далъ въ дни французской революціи Консулатъ. Такой путь, по мнѣнію французскаго военнаго дѣятеля, является путемъ законнымъ (206).

Печатаніе дневниковъ ген. Жанена (этотъ дневникъ во всякомъ случаѣ очень обработанъ) вызвало тогда же возраженіе со стороны главы англійской миссіи ген. Нокса въ лондонскомъ журналѣ „Slav. Rev.“ (1925. мартъ):

„...Переворотъ, приведшій Колчака къ власти до пріѣзда въ Сибирь генерала Жанена, былъ совершенъ Сибирскимъ Правительствомъ, при чемъ Англія объ этомъ не знала, и не было съ ея стороны ни малѣйшаго попустительства".

Жаненъ отвѣтилъ Ноксу въ „Monde Slave" (22, IV):

„...Да позволитъ мнѣ сказать генералъ Ноксъ, что у него дѣйствительно коротка память, если онъ не помнитъ, что былъ замѣшанъ въ интриги и перевороты, приведшіе къ Колчаковскому перевороту. Рѣчь никоимъ образомъ не идетъ о „попустительствѣ", а исключительно объ иниціативѣ, проявленной нѣкоторыми ея агентами, иниціативѣ, нынѣ въ виду печальныхъ результатовъ ими отрицаемой. Вѣроятно, англійскій генералъ не помнитъ больше смотра, имѣвшаго мѣсто 10 ноября въ Екатеринбургѣ, смотра, на которомъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ Мидльэссекскій англійскіи полкъ, „являвшійся съ Владивостока преторіанской гвардіей адмирала Колчака". Тогда я еще не пріѣхалъ въ Сибирь, но французскіе офицеры, мои предшественники, чехи и русскіе, свидѣтели этихъ незабываемыхъ дней, всѣ помнятъ, какъ тогда держались англійскіе солдаты и ихъ командиръ, подполковникъ Уордъ, членъ Парламента и рабочей партіи. Несомнѣнно послѣднему непріятно, чтобы его англійскіе избиратели узнали, что онъ въ Сибири сдѣлалъ ставку на диктатора, заслуживающаго столь же мало сочувствія, какъ и красные диктаторы, — но исторія есть исторія и не знаетъ тонкостей и увертокъ. Добавлю, что генерала Нокса, навѣрно, держали въ курсѣ заговора, замышляемаго Колчакомъ, хотя бы только черезъ его офицера связи Степеней, который присутствовалъ даже на тайномъ совѣщаніи, гдѣ было рѣшено выступленіе. Впрочемъ, Степеней и не дѣлалъ изъ этого большой тайны, и когда позже, во время отступленія, я задалъ ему, послѣ мно-

тихъ союзниковъ и русскихъ, вопросъ, не сожалѣетъ ли онъ о томъ, что содѣйствовалъ возведенію Колчака, которому мы обязаны этимъ бѣдствіемъ, онъ просто промолчалъ. Мнѣ кажется, что короткая память генерала Нокса ввела въ заблужденіе читателей „Slavonic Review“ (21—22).

Проф. Легра въ позднѣйшемъ комментаріи къ своему сибирскому дневнику (M. Sl. 28, II, 166) подтверждаетъ версію своего прямого начальника:

„Мнѣ говорили, и факты этого не опровергаютъ, что приготовленія къ государственному перевороту производились въ согласіи съ офицерами связи изъ англійской миссіи; кромѣ того, одинъ офицеръ связи изъ французской миссіи, не принимая участія въ подготовкѣ, былъ однако, кажется, очень въ курсѣ дѣла*), и былъ очень счастливъ тѣмъ, что замышлялось. Итакъ, у меня такое впечатлѣніе, что переворотъ 17 ноября по существу — переворотъ военный... Если же это такъ, то для меня, хорошо знающаго направленіе русскихъ офицеровъ, ясно, что это — переворотъ, подготовляющій реставрацію“.

Итакъ, всѣ доказательства ген. Жанена, легко убѣдившія Милюкова, что дѣло не обошлось безъ участія англичанъ, сводятся къ разсказамъ, которые онъ и его подчиненные слышали въ Сибири по поводу екатеринбургскаго смотра 10 ноября и присутствія адъютанта ген. Нокса на какомъ то заговорщицкомъ собраніи. Доказательства не изъ сильныхъ — слухами Сибирь была полна. Къ нимъ мы вернемся по связи съ новой версіей— екатеринбургской—которая передъ нами вырисовывается.

Я, конечно, не знаю, какіе русскіе освѣдомляли Жанена **), но тѣ русскіе мемуаристы, которыхъ мнѣ не разъ

*) Повидимому, имѣется въ виду Зиновій Пѣшковъ.

**) Освѣдомителей у французской военной миссіи было немало. Къ сожалѣнію, Колосовъ не такъ уже неправъ въ своемъ утвержденіи, что „дѣятельность иностранныхъ войскъ сводилась къ тому, чтобы слѣдить другъ за другомъ“. Контръ-развѣдка пускала свои щупальцы довольно далеко. Случай доставилъ мнѣ пачку копій донесеній фран-

приходилось цитировать, всегда передаютъ только циркулировавшіе слухи. Такъ Майскій въ предисловіи къ изданнымъ „Госуд. Изд.“ въ Москвѣ воспоминаніямъ полк. Уорда „Союзная интервенція“, пишетъ: „Я очень хорошо помню, что въ Омскѣ въ тотъ періодъ... открыто говорили о весьма активномъ участіи англійской миссіи, и въ частности ея главы, ген. Нокса, въ переворотѣ 18 ноября. Разсказывали, что наканунѣ переворота, на собраніи офицеровъ-заговорщиковъ, арестовавшихъ членовъ Директоріи, присутствовалъ представитель ген. Нокса, который благословилъ заговорщиковъ на задуманное ими дѣло“ (78). „Злые языки — передаетъ Святицкій въ другой своей книжкѣ „Реакція и народъ“ — говорятъ о непосредственномъ участіи въ переворотѣ Нокса“ (26). Ген. Федоровъ заявилъ Колосову, что переворотъ сдѣланъ съ согласія и при участіи англичанъ („Былое“. XXI, 578). „Въ дѣйствительности заговоръ былъ рѣшенъ англичанами и французами не въ Сибири“ — утверждаетъ уже чешскій коммунистъ Шмераль. Источникъ заговора выше: Шмераль ссылается на рѣчь ген. Штефаника по пріѣздѣ въ Сибирь, въ которой первый чешскій военный министръ убѣждалъ своихъ компатріотовъ: „переворотъ не былъ подготовленъ только въ Омскѣ. Главное рѣшеніе было принято въ Версалѣ“ („Чехо-словаки и с.-р.“. Москва, 22, стр. 21). Я допускаю возможность подобнаго заявленія со стороны Штефаника, выполнявшаго, какъ мы увидимъ ниже, весьма щекотливую миссію въ Сибири среди чеховъ, сильно подвергшихся мѣстной агитаціи. Но вѣдь ясно, что это былъ

цузской контръ-развѣдки—это сводки какого-то „тайнаго агента Джона“, представлявшіяся маіору Марино въ 1919 г. Въ „Голосѣ Минувшаго“ (1926 № I-XIV) мною уже были опубликованы образцы французскихъ агентурныхъ свѣдѣній по наблюденію за русскими генералами. Агенты, „прикомандированные“ даже къ самому Колчаку, проникавшіе въ его окруженіе, подслушивали, „стенографировали“, обрабатывали „сплетни“, выдавали ихъ за непосредственно слышанное (по заявленію ген. Рукероля „агенты“ находились во всѣхъ омскихъ „салонахъ“ (Op. cit. 93). Все это несомнѣнно чрезвычайно характерный матеріалъ. Но гдѣ мѣрило его достовѣрности?

только своего рода демагогическій пріемъ. И можно пройти мимо этихъ коммунистическихъ домысловъ.

Самый солидный аргументъ въ пользу участія Нокса въ переворотѣ можно найти въ дневникѣ Болдырева. Подъ 21 октября у него записано: „Въ 4 часа пріѣзжалъ Ноксъ съ Родзянкой; озабоченъ размѣщеніемъ баталіона прибывающихъ англійскихъ войскъ. Пилъ чай, грозилъ набрать банду и свергнуть насъ, если мы не договоримся съ сибиряками. „Я становлюсь сибирякомъ",— закончилъ онъ свою шутку" *).

*) Усиленно настаивалъ на закулисной роли Англіи въ своихъ письмахъ той эпохи Керенскій. Онъ писалъ объ этомъ въ октябрѣ Маклакову и Авксентьеву, предупреждая послѣдняго о Ноксѣ и настаивая (впрочемъ, съ опозданіемъ — письмо получено 25 октября) на принятіи мѣръ „къ выясненію всѣхъ заговорщиковъ въ Россіи", такъ какъ новое повтореніе корниловской попытки можетъ окончательно разрушить и добить Россію". (Сб. „Издалека" 132). Шумъ дѣлалъ Керенскій главнымъ образомъ изъ-за нѣкоего г. X., который при содѣйствіи лорда Z. организуетъ монархическій заговоръ въ Сибири. Воспоминанія Набокова вскрываютъ намъ эти иниціалы: какъ оказывается этимъ занимался при посредствѣ неизвѣстнаго Завойко лордъ Мильнеръ (230).

Самъ Керенскій разсказываетъ, что Маклаковъ довольно мѣтко ему говорилъ, что онъ стрѣляетъ по воробьямъ. Почему такой „авантюристъ", какъ Завойко, пользовался вліяніемъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ кругахъ и получилъ особыя привилегіи для поѣздки въ Сибирь— мы не знаемъ. Читатель изъ первой главы нашихъ очерковъ знаетъ, какъ подчасъ наивны бывали иностранные политики и дипломаты, какъ легкомысленна бывала порой ихъ конспиративно-заговорческая дѣятельность. Но къ адм. Колчаку это не имѣло никакого непосредственнаго отношенія. Завойко прибылъ въ Сибирь послѣ переворота. Занимался онъ здѣсь только интригами противъ Колчака, дѣлалъ попытку устроить заговоръ и былъ высланъ. Керенскому кажутся очень убѣдительными для подтвержденія версіи объ участіи англичанъ въ переворотѣ 18-го ноября слова, произнесенныя Черчилемъ въ Палатѣ Общинъ 6-го іюня 19 г. Онъ сказалъ о правительствѣ Колчака: „мы вызвали его къ жизни". (Ib. 134). Не слѣдуетъ ли однако понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что Великобританія оказала реальную помощь правительству Колчака? Въ письмѣ ко мнѣ ген. Ноксъ свидѣтельствуетъ, что о готовящемся coup d'etat онъ узналъ за 2—3 дня до 18 ноября отъ ген. Сахарова въ Манджуріи. Въ то же время ген. Ноксъ отнюдь не отрицаетъ возможности, что нѣкоторые члены его миссіи (напр. полк. Нельсонъ) могли быть освѣдомлены о готовящемся выступленіи и принять участіе въ одномъ изъ многочисленныхъ собраній въ Омскѣ, гдѣ обсуждался переворотъ. У меня есть прямое свидѣтельство о такомъ совѣщаніи съ представителями союзниковъ, на которомъ жена кап. Ильина была переводчицей. Но подобное признаніе, конечно очень далеко отъ утвержденія, что ген. Ноксъ оффиціально санкціопировалъ переворотъ,

* * *

Если не самъ Ноксъ устроилъ переворотъ, то орудіемъ его являлся молодой чешскій генералъ — Гайда. Есть и такая версія. Ноксъ соединилъ Колчака съ Гайдой, при чемъ послѣдній не зналъ о подлинныхъ намѣреніяхъ Колчака. Это дополненіе принадлежитъ перу Жанена (M. Sl. 25, III, 340). Самому Гайдѣ только впослѣдствіи открылся злокозненный планъ англичанъ, посадившихъ Колчака, — такъ пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, (97) имѣющихъ правда необычайно малую цѣнность, вопреки мнѣнію Милюкова, такъ какъ Гайда въ нихъ старательно умалчиваетъ о всѣхъ своихъ закулисныхъ выступленіяхъ и разговорахъ, которые часто вскрываютъ подоплеку его сибирской дѣятельности.

Гайда имѣлъ, по версіи Колосова, съ самаго начала „близкое отношеніе“ къ возведенію Колчака на постъ диктатора... Колосовъ многозначительно подчеркиваетъ, что его свѣдѣнія исходятъ изъ „вполнѣ авторитетнаго источника“: „Едва ли на свой рискъ и отвѣтственность Гайда даже и вывезъ Колчака съ Востока“. Колосовъ. посланный вмѣстѣ съ кн. Львовымъ отъ Уфимскаго Совѣщанія привѣтствовать дессантъ союзниковъ, встрѣтился на ст. Манчжурія съ Гайдой*), который ѣхалъ въ Зап. Сибирь. Здѣсь же у Гайды произошла встрѣча съ В. Н, Пепеляевымъ. „Оба они сошлись тогда на томъ, что необходима диктатура и диктаторъ“. „Быть можетъ, онъ (Пепеляевъ) зондировалъ почву для диктатуры ген. Хорвата**), но Гайда предупредилъ его, отвѣтивъ быстро и опредѣленно: „Диктаторъ ѣдетъ со мной въ этомъ поѣздѣ. Это адмиралъ Колчакъ“. Проводя диктатуру Кол-

---

а члены его Миссіи были чуть ли не иниціаторы этого акта. Во всякомъ случаѣ у М. В. Вишняка абсолютно не было никакихъ данныхъ для подобнаго утвержденія на страницахъ „Совр. Записокъ“.

*) О свиданіи съ Колосовымъ Гайда не обмолвился въ своихъ воспоминаніяхъ. Ниже будетъ ясно почему.

**) Пепеляевъ въ это время будто бы являлся сторонникомъ диктатуры Хорвата.

чака, Гайда появился въ Екатеринбургѣ. Естественно, Екатеринбургъ и сталъ центромъ будущаго заговора — здѣсь одна сила непосредственно противопоставлялось другой.

Для того, чтобы понять создавшееся въ Екатеринбургѣ положеніе, надо вернуться нѣсколько назадъ *). Гайда, возвеличенный успѣхомъ въ борьбѣ съ большевиками, фетированный во Владивостокѣ, предложилъ самъ себя Вологодскому на постъ главнокомандующаго вооруженными силами, которыя дѣйствовали на территоріи Сибири. Мотивомъ выставлялась необходимость объединенія командованія. Интересовался Гайда и отношеніемъ къ своей кандидатурѣ со стороны Колчака **), съ которымъ онъ встрѣтился во Владивостокѣ.

Согласно показаніямъ — Колчакъ на допросѣ отвѣтилъ:

„Для меня вопросъ подчиненія той или другой вооруженной силѣ опредѣляется всегда практическимъ путемъ. Я не знаю состава русскихъ силъ, если вы всѣ болѣе организованы и въ стратегическомъ отношеніи имѣете большую цѣнность, то будетъ вполнѣ естественно, что командованіе должно вамъ принадлежать. Если отношеніе измѣняется въ сторону русскихъ, то должно быть русское командованіе, — иначе рѣшить вопросъ никакъ нельзя. Скажите, что такое Директорія и что она изъ себя представляетъ?“ Онъ говоритъ: „Это образованіе несомнѣнно не жизненное“. Я говорю: „Какую власть при этихъ условіяхъ вы считали бы наилучшею?“ — „Я — говоритъ онъ, — считаю, что въ этомъ періодѣ и въ этихъ условіяхъ можетъ быть только военная диктатура“. Я отвѣтилъ: „Военная диктатура прежде всего

*) Общую характеристику Гайды — этой колоритной фигуры гражданской войны, я предполагаю дать ниже, въ моментъ столкновенія его съ Колчакомъ.

**) Не имѣя возможности выбраться изъ Владивостока, Колчакъ обратился въ чешскій штабъ, гдѣ у него и произошло свиданіе съ Гайдой. Конечно, только „тайная причина“ задержала Колчака въ Владивостокѣ. (Кратохвиль 222).

предполагаетъ армію, на которую опирается диктаторъ, и, слѣдовательно, это можетъ быть власть только того лица, въ распоряженіи котораго находится армія. Но такого лица не существуетъ, потому что даже нѣтъ общаго командованія. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армія вѣрила, которое она знала бы, и только въ такихъ условіяхъ это возможно. На это онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Конечно, это вопросъ будущаго времени. Но я лично считаю, что это — единственный выходъ, какой только можетъ быть". На этомъ разговорѣ мы разстались". (147). Такъ начался „романъ", главныя роли въ которомъ играли Гайда и Колчакъ (Кратохвиль).

Ясно, что щупалъ почву скорѣе всего Гайда — „чешскій кандидатъ въ сибирскіе бонапарты", какъ характеризуетъ его въ то время бар. Будбергъ (XIII, 212) *).

Сочувствующій, повидимому, комунистамъ маіоръ Яр. Кратохвиль **), авторъ книги „Cesta revoluce" изображаетъ дѣло такъ, что именно Колчакъ при свиданіи воспламенилъ страстныя желанія Гайды (223).

Гайда не могъ не чувствовать за собой нѣкоторой силы, — недаромъ Гинсъ, по порученію Вологодскаго, такъ опредѣленно телеграфировалъ изъ Владивостока въ Омскъ:

„Помощь союзниковъ обезпечена въ случаѣ назначенія командующимъ генерала Гайды. Американцы заявили, что помогаютъ чехамъ, которыхъ три милліона въ Америкѣ, а не русскимъ. Японцы ведутъ политику захвата, Англія, Франція благожелательны, но лишены здѣсь реальной силы. Назначеніе Гайды свяжетъ Америку, обезпечитъ наши интересы. Положеніе во Владивостокѣ невыразимо: властвуетъ Хорватъ, Лавровъ, кол-

*) Такое же впечатлѣніе выноситъ и Кроль изъ своихъ разговоровъ съ чешскими представителями: они говорили, что завѣтная мечта Гайды сдѣлаться „русскимъ корсиканцемъ" (161).

**) Кратахвиль въ своей книгѣ вѣритъ, что часы прогресса на нашей планетѣ будутъ скоро бить въ Москвѣ". (539)

легія чиновниковъ, земствъ, консульскій корпусъ, всего пять властей.

Весь край деморализованъ анархіей, безпомощно отдается въ руки японцевъ, китайцевъ. Гайда, какъ чехъ, будетъ пользоваться тѣмъ иммунитетомъ, котораго нельзя обезпечить русскому военачальнику при создавшейся обстановкѣ захвата, обнаружившейся продажности (?), поэтому во имя спасенія родины, національной чести, делегація проситъ немедленно назначить Гайду командиромъ, Иванова-Ринова военнымъ морскимъ министромъ. Указъ сообщить намъ — часъ промедленія гибеленъ. Достаточно сообщить — въ Благовѣщенскѣ японцы вывезли всѣ топографическіе матеріалы, китайцы захватили пароходы, здѣсь расхищается военный боевой матеріалъ. Другого выхода нѣтъ; вернемся нравственно убитыми, сознавая безповоротную утрату крупныхъ достояній Востока, предстоящіе безконечные ужасы Запада". („Хроника", прил. № 113).

Повидимому, назначеніе Гайды не вызвало никакихъ возраженій со стороны сиболдумцевъ — по крайней мѣрѣ Якушевъ и былъ арестованъ въ моментъ переговоровъ о назначеніи Гайды съ Ивановымъ-Риновымъ, находившимся въ Уфѣ *). Но назначеніе Гайды вызвало оппозицію въ Совѣтѣ Министровъ — очевидно, со стороны Михайлова. Вологодскій пытается убѣдить Михайлова по телеграфу: „Въ вашемъ отношеніи къ Гайдѣ чувствуется нѣкоторая предвзятость отношенія къ чехословакамъ. Убѣдительно прошу оставить этотъ взглядъ, ибо въ тяжелой обстановкѣ при встрѣчѣ съ иностранцами здѣсь вся наша делегація убѣдилась, что единственными безкорыстными нашими друзьями являются чехи, въ частности Гайда, который пользуется весьма большимъ вниманіемъ иностранцевъ **). Дружественное отно-

*) Не мѣшаетъ отмѣтить, что во Владивостокѣ, по словамъ Гинса, Гайду усиленно рекомендовалъ небезызвѣстный с.-р. Калашниковъ (I. 231).

**) Характерная деталь. По свидѣтельству Гинса провожать Гайду

шеніе къ пам Гайды значительно облегчило общее положеніе. Въ цѣляхъ тактическихъ прошу васъ, чтобы вездѣ Гайдѣ и слѣдующимъ съ нимъ иностраннымъ представителямъ были устроены почетныя встрѣчи войска и гражданской администраціи" *).

Переживъ рядъ тріумфовъ въ Сибири**), Гайда доѣхалъ до Екатеринбурга, въ сущности, въ сравнительно „скромной роли" начальника 4 чешской дивизіи, подчиненной Сыровому. Фактически онъ сдѣлался старшимъ оперативнымъ начальникомъ екатеринбургскаго фронта.

Въ его вѣдѣніи находились чехословацкія части, средне-сибирскій корпусъ, которымъ командовалъ молодой Пепеляевъ. Въ Екатеринбургѣ, по изображенію Кратохвиля, Гайда имѣлъ видъ обойденнаго и обманутаго человѣка. До поры ему приходилось дѣлать „пріятное лицо въ очень плохой игрѣ" (223). Въ дѣйствительности же Гайда держалъ себя чрезвычайно авторитетно. Онъ постоянно „своевольничаетъ", по выраженію Болдырева. Такимъ нарушеніемъ приказа являлся призывъ въ „русско-чешскіе полки добровольцевъ, не исключая и призванныхъ по мобилизаціи". Какъ въ свое время было указано, въ данномъ случаѣ нѣкоторыя нити связывали Гайду съ начинаніями эс-эровъ. Былъ у Гайды и другой мотивъ: „Развалъ, начавшійся въ чешскихъ войскахъ***) — говоритъ Болдыревъ — грозилъ значительно понизить ихъ значеніе въ Сибири и въ глазахъ иностранцевъ. Гайда все учитывалъ. Онъ пытается начать формированіе русско-чешскихъ полковъ, настойчиво

въ Владивостокъ собрался весь дипломатическій Корпусъ. На вагонѣ Гайды быть можетъ „намѣренно" была оставлена надпись: Иркутскъ-Москва. Публика проводила Гайду оваціями (II, 46.). Вологодскаго же нѣкоторые иностранные дипломаты встрѣтили „надменно и иронически".

*) Копіи цитируемыхъ мною во многихъ мѣстахъ переговоровъ съ Вологодскимъ по прямому проводу многихъ лицъ переданы мною въ пражскій Архивъ.

**) Томское купечество поднесло Гайдѣ 1 сент. золотое оружіе съ надписью: „покорителю нѣмецкихъ и мадьярскихъ войскъ въ Сибири 1918 г."

***) Объ этомъ подробно скажемъ особо.

требуетъ присылки на его фронтъ полностью всего средне-сибирскаго корпуса, чтобы за счетъ русскихъ войскъ усилить свой престижъ и сохранить свое вліяніе въ Сибири среди иностранцевъ" (98) *). Въ этихъ требованіяхъ Гайда встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны штаба Сибирской арміи, главнымъ образомъ, со стороны Иванова-Ринова и Бѣлова.

Имя Бѣлова вводитъ насъ сразу въ сферу новыхъ омскихъ группировокъ и „интригъ". Бѣловъ — это тоже „злой геній Сибири", съ его именемъ связаны „германофильскія" тенденціи — такъ утверждаетъ Гинсъ **). (Не было ли здѣсь простой, довольно обычной въ то время игры на фамиліи — настоящая, или прежняя его фамилія была Виттеноффъ). „Слухи и сплетни" ставили Бѣлова въ центръ нѣкоторой омской интриги. „Инстинктивно какъ то многому не вѣрю" — записываетъ Болдырнвъ 20 октября.

Я отнюдь не собираюсь разбираться въ клубкѣ омскихъ оговоровъ. Слишкомъ неблагодарное это занятіе. Имя Бѣлова сейчасъ упоминается только, какъ имя опредѣленнаго антагониста Гайды. 21 октября Ивановъ-Риновъ, бывшій во Владивостокѣ и назначенный командующимъ семирѣченскимъ фронтомъ, прислалъ на имя Михайлова телеграмму, въ значительной степени направленную противъ союзниковъ и чеховъ. Телеграмма, не особенно грамотная, содержала, по мнѣнію Болдырева, много горькой правды. Ивановъ, между прочимъ, писалъ, что догадывается о „намѣреніи Гайды въ Омскѣ съ группой приверженныхъ ему русскихъ офицеровъ объявить диктатуру"... Это была, по выраженію Иванова, какая то „соціалистическая диктатура". Мнѣ кажется, что бывшій „полицейскій" довольно прозорливо проникъ въ потаенные планы чешскаго кандидата въ „сибирскіе бона-

*) Онъ требовалъ, кромѣ того, изъ каждой дивизіи уральскаго корпуса послать по 100 чел. для временнаго прикомандированія къ чешскимъ войскамъ.

**) См. также Пишонъ. M. Sl. 25, II, 254.

парты“ *). Гайдѣ была извѣстна и телеграмма Иванова и связь послѣдняго съ Бѣловымъ. Ясно, что ихъ противодѣйствіе требованіямъ Гайды — проявленіе германофильскихъ противосоюзническихъ тенденцій. 10 ноября Гайда потребовалъ посылки въ его распоряженіе всѣхъ частей средне-сибирскаго корпуса. „Его предпріимчивость — разсказываетъ Болдыревъ — пошла такъ далеко, что онъ нашелъ возможнымъ подкрѣпить свои требованія ультимативной формой, назначивъ 48 часовъ на выступленіе требуемыхъ частей и такой же срокъ на устраненіе отъ должности нач. штаба сибирской арміи г.-м. Бѣлова... При неисполненіи грозитъ двинуть войска въ Омскъ и „сдѣлать такой порядокъ, что долго будутъ помнить“ (101). Дѣло не ограничивалось угрозой, ибо одновременно Гайда приказалъ эшелонамъ 18 чешскаго полка, бывшимъ на пути въ Омскъ, сосредоточиться къ этому пункту и „быть готовымъ къ бою“. Распоряженія Гайды были сдѣланы совершенно самостоятельно — онъ не освѣдомилъ даже своего прямого начальника ген. Сырового, который, получивъ отъ Болдырева соотвѣтственную информацію, остановилъ продвиженіе войскъ и пытался объяснить Гайдовскія беззаконія „потребностями фронта“.

Къ описанному инциденту было примѣшано имя Колчака, который былъ въ эти дни на екатеринбургскомъ фронтѣ и прислалъ телеграмму Болдыреву: „съ своей стороны считаю отстраненіе ген. Бѣлова для пользы русскаго дѣла необходимымъ“. Колчакъ, довѣряя Гайдѣ, расходясь съ Ивановымъ-Риновымъ и Бѣловымъ по военнымъ вопросамъ *), совершенно не былъ освѣдомленъ о закулисной сторонѣ, тѣмъ болѣе о характерѣ гайдовскаго ультиматума и о распоряженіи двигать войска на Омскъ. Нѣтъ абсолютно никакихъ данныхъ для проти-

*) Телеграмма Иванова цѣликомъ приведена у Болдырева (99).

**) Колчакъ, между прочимъ, поставилъ условіемъ своего вхожденія въ министерство уничтоженіе введенной Ивановымъ „территоріальной системы“, которую онъ считалъ „непріемлемой“. (Допросъ. 167).

воположнаго утвержденія. Поэтому такъ легко Колчакъ измѣнилъ свой взглядъ на гайдовскій инцидентъ послѣ разговора съ Болдыревымъ и только настаивалъ на расширеніи своихъ правъ, какъ военнаго министра**).

Нѣкоторые изъ мемуаристовъ, напр.. Пишонъ, ставятъ ультиматумъ Гайды въ непосредственную связь съ упомянутымъ екатеринбургскимъ планомъ правительственнаго переворота, выдвинувшаго диктатуру Колчака на мѣсто Директоріи. Искусственность установленія такой связи очевидна сама по себѣ. Ясно во всякомъ случаѣ, что омская „интрига“ противъ Директоріи, которую ставятъ въ связь съ именемъ Михайлова и др., не могла имѣть отношенія къ екатеринбургской „интригѣ“ Гайды, прямо ей противоположной. Ивановъ-Риновъ, Бѣловъ и др. не были склонны поддерживать кандидатуру Колчака. Въ цитированной телеграммѣ Иванова-Ринова имѣются довольно неодобрительные отзывы о Колчакѣ. Ивановъ-Риновъ выдвигалъ себя на постъ военнаго министра при Директоріи: „Колчакъ весьма нетактично произвелъ разрывъ съ японцами и вообще много напортилъ на Востокѣ своей несдержанностью“. Почти одновременно съ телеграммой Иванова Бѣловъ получилъ телеграмму отъ ближайшаго сотрудника бывшаго упр. военнымъ вѣд. Сибирскаго Правительства, ген. Бобрика, направленную противъ включенія Колчака въ составъ правительства Директоріи: „Когда у ген. Иванова такъ удачно налаживается дѣло на Д. В., является просто безуміемъ замѣнять его Колчакомъ, о которомъ здѣсь общественное мнѣніе, какъ о человѣкѣ, несоотвѣтствующемъ моменту... Японцы оффиціально высказались, что они желали бы видѣть министромъ Иванова. Смѣна министра въ настоящій моментъ загубитъ наше дѣло у союзниковъ“ (Болдыревъ 100). Есть ли сомнѣніе въ томъ, что въ такой моментъ не должно быть рѣчи, во вся-

**) „Онъ или очень впечатлителенъ или хитритъ“—записалъ Болдыревъ (165).

комъ случаѣ у этой группы, о видвиженіи кандидатуры Колчака на постъ Россійскаго диктатора?

Въ моментъ „ультиматума Гайды“ военный министръ Директоріи находился на екатеринбургскомъ фронтѣ. Онъ былъ приглашенъ чешскимъ военнымъ командованіемъ на назначенное на 9 ноября торжественное освященіе знамени „въ честь начала чешской національной жизни“. На екатеринбургское торжество прибылъ съ частью своего болѣе показательнаго батальона полк. Уордъ. Такъ какъ вагонъ военнаго министра оказался прицѣпленнымъ къ этому поѣзду, то, очевидно, все это было сдѣлано не случайно — англичане везли на показъ своего ставленника. Будущій диктаторъ появился съ экскортомъ „преторіанской гвардіи“. (Пишонъ. M. S. 25, П., 212)*). Ноксъ де давно искалъ подходящаго генерала. Поэтому, вывезя въ началѣ октября при содѣйствіи Гайды спеціальнаго „диктатора“ съ Востока, 23-го октября зондировалъ черезъ ген. Степанова почву, не подходитъ ли въ диктаторы Болдыревъ: „По словамъ... Степанова — записываетъ Болдыревъ — рѣшено главнымъ образомъ поддерживать русскаго генерала, которому довѣряютъ союзники. Этому генералу будетъ дана и финансовая и людская помощь. Степановъ далъ понять, кто этотъ генералъ. Это было первымъ серьезнымъ искушеніемъ. Я отнесся къ нему спокойно“ (82).

Выслушаемъ самого Колчака. Изъ его разсказа какъ-то все становится яснымъ.

„Первая моя миссія была присутствовать на этомъ торжествѣ и затѣмъ вечеромъ на банкетѣ, гдѣ я впер-

---

*) Потому ли, что военный министръ не видѣлъ въ военной помпѣ выявленія авторитета власти, потому ли, что министръ Всерос. Прав. былъ въ менѣе привилегированномъ положеніи въ Сибири, чѣмъ знатные иностранцы, но Колчакъ, очевидно, не придавалъ значенія этому факту. Дѣлалъ такъ, какъ было скорѣе и удобнѣе, не считаясь и не предполагая, что позднѣе отсюда родится сплетня.

Уордъ указываетъ, что никакого предварительнаго соглашенія о томъ, что онъ будетъ сопровождать Колчака въ Екатеринбургъ, не было. Совмѣстная поѣздка была рѣшена наканунѣ (76).

вые познакомился съ чешскими офицерами и Сыровымъ. Тамъ присутствовали представители иностранныхъ державъ. Кромѣ того, я тамъ вторично видѣлъ Гайду".

На другой день Колчакъ имѣлъ свиданіе съ Гайдой.

„Здѣсь Гайда меня спрашивалъ о томъ: каково политическое положеніе въ Омскѣ. Я сказалъ, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительнымъ въ виду того, что соглашеніе между Сибирскимъ Правительствомъ и Директоріей есть простой компромиссъ, отъ котораго я не жду ничего хорошаго, что столкновенія въ будущемъ почти неминуемы, потому что Директорія не пользуется престижемъ и вліяніемъ, что Сибир. Прав., которое считаетъ, что оно Сибирь объединило и уже шесть мѣсяцевъ стоитъ у власти, передаетъ эту власть съ извѣстнымъ сопротивленіемъ. Я говорилъ, что столкновенія несомнѣнно будутъ, и во что они выльются, я сказать не могу. Гайда сказалъ на это: Единственное средство, которое еще возможно, это — только диктатура.

Я замѣтилъ ему, что диктатура можетъ быть основана на арміи и то лицо, которое создаетъ армію и опирается на армію, только и можетъ говорить о диктатурѣ. Кто же при настоящемъ положеніи можетъ на себя взять роль диктатора? Только кто-нибудь изъ лицъ, находящихся на фронтѣ. Гайда ничего не отвѣтилъ на это, но сказалъ, что все равно къ этому неизбѣжно придутъ, потому что Директорія несомнѣнно искусственное предпріятіе. Затѣмъ онъ говоритъ по этому поводу: „Мнѣ извѣстна та работа, которая ведется въ казачьихъ кругахъ. Они выдвигаютъ своихъ кандидатовъ, но я думаю, что казачьи круги не въ состояніи справиться съ этой задачей, потому что они слишкомъ узко смотрятъ на этотъ вопросъ" (164—65) *).

---

*) Въ носпоминаніяхъ Гайды передается бесѣда, которую велъ о диктатурѣ съ Гайдой полк. Лебедевъ. Имя Колчака среди другихъ было названо послѣднимъ (98). Въ бесѣдѣ съ Колчакомъ Гайда подчеркнулъ, что, какъ генералъ, онъ соблюдаетъ нейтралитетъ и не допуститъ агитаціи ни за диктатуру, ни противъ (99). Кратохвиль объ-

Разговоры, которые ведутся въ Екатеринбургѣ, слишкомъ напоминаютъ атмосферу въ Омскѣ. Генералъ Дитерихсъ „прежде всего чешскій доброволецъ“, разсуждаетъ спокойно: „Несомнѣнно, — говоритъ онъ Пишону, въ передачѣ мемуариста,—что существуетъ слишкомъ много политиковъ и партій, что центральная власть слаба; возможно и даже вѣроятно, что придется когда-нибудь вернуться къ единоличной власти, подходящей для русскаго характера; но это должно случиться позже, гораздо позже, когда различные элементы въ арміи процементируются, а военное положеніе упрочится. Нашъ единый долгъ — фронтъ, наша единая забота — врагъ; надо тянуть, несмотря на дѣйствительныя несовершенства, и не бросаться въ авантюры въ тотъ моментъ, когда военная работа требуетъ прежде всего спокойствія“. (M. S. 25. П. 254).

Другіе болѣе экспансивны — и особенно молодежь. Разсказывая о присутствіи Колчака на военномъ парадѣ, Пишонъ передаетъ ихъ настроеніи такими словами:

„Энтузіазмъ русскихъ офицеровъ сибиряковъ достигъ предѣла, циркулировали самые смѣлые слухи; очень замкнутый, адмиралъ молчалъ, но его окруженіе ликовало и громко говорило. что онъ человѣкъ будущаго“. (252). Сторонники диктатора, несомнѣнно, могли воспользоваться такимъ настроеніемъ, чтобы лансировать Колчака *). Генералъ Сахаровъ утверждаетъ, что полк. Лебедевъ объѣхалъ всѣ фронты и что Дитерихсъ, Ханжинъ, Голицынъ, Гайда — всѣ говорили ему о необходимости

ясняетъ позицію Гайды уязвленнымъ самолюбіемъ. Каковы бы ни были всѣ эти мотивы, въ сущности, не остается никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, какъ категорически это дѣлаетъ Пишонъ (156), что въ Екатеринбургѣ несомнѣнно Колчакъ—Гайда пришли къ соглашенію, по меньшей мѣрѣ въ принципѣ.

*) Грондижъ съ чужихъ словъ передаетъ, что на екатеринбургскомъ офицерскомъ банкетѣ, подъ предсѣдательствомъ Колчака, однимъ генераломъ было выражено при одобреніи русскихъ и нѣсколькихъ союзныхъ офицеровъ пожеланіе передачи власти военному министру.

единоличной военной власти *). Гинсъ со словъ Пепеляева разсказываетъ о совѣщаніи въ вагонѣ на вѣткѣ омскаго вокзала, когда рѣшено было предварительно показать Колчака на фронтѣ, гдѣ ему заранѣе была подготовлена встрѣча (I,307). Все это называется скорѣе — подготовкой общественнаго мнѣнія. Что такая подготовка шла — и усиленно, отрицать, конечно, не приходится. Но все это не даетъ матеріала для того, чтобы организаціонно связать 10 ноября въ Екатеринбургѣ съ 18 ноября въ Омскѣ**). Слишкомъ подозрительный Кроль, твердо отстаивающій версію участія Екатеринбурга въ подготовкѣ переворота — онъ объ этой военной подготовкѣ, какъ мы знаемъ, на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ уральскаго министра вн. дѣлъ, предупреждалъ Болдырева еще задолго до переворота — усматриваетъ доказательство наличности организованнаго плана въ пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, по порученію министра финансовъ Михайлова, Юргенса для управленія казначействомъ Урала: надо было уральское правительство лишить „на всякій случай возможности распоря-

---

Колчакъ промолчалъ (515). Екатеринбуржецъ Кроль, также по слухамъ, говоритъ уже о банкетѣ, который былъ въ Екатеринбургѣ за нѣсколько дней до переворота, на которомъ присутствовалъ пріѣзжавшій изъ Омска „одинъ изъ видныхъ англійскихъ офицеровъ“ и на которомъ шла опредѣленно уже рѣчь о диктатурѣ Колчака (118)

Достовѣрно лишь одно: „энтузіазмъ“ у офицеровъ вызвалъ „молчавшій“ Колчакъ своею рѣчью на екатеринбургскомъ банкетѣ о задачахъ арміи:... Мы глубоко убѣждены въ томъ, что возродитъ Россію ея армія. Безъ арміи нѣтъ государства... нѣтъ основъ общественной и имущественной безопасности, нѣтъ свободы... Безъ нея не удастся создать дисциплинированной силы, мы не создадимъ госудррства... Вы явились „въ тяжелые дни испытаній. Но я увѣренъ что вы сумѣете выковать крѣпкій мечъ арміи“... (Ан. Ганъ „Россія и большевизмъ“ I 339.

*) „Бѣлая Сибирь“. 19. Надо имѣть въ виду, что авторъ склоненъ къ большимъ обобщеніямъ. Въ его изложеніи обстоятельствъ переворота имѣются большія фактическія погрѣшности хронологическаго свойства: напр., по его словамъ, Совѣтъ Министровъ еще 17 ноября вынесъ постановленіе о передачѣ власти Колчаку.

**) Неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ, Вишнякъ опредѣленно утверждаетъ, что Бѣлоруссовъ былъ близокъ къ дѣлу 18 ноября („Совр. Зап.“ кн. 40, 495). Близость опредѣлялась лишь общимъ сочувствіемъ „диктатурѣ“.

жаться деньгами“ (158). Это было во время сдачи дѣлъ ликвидируемаго областного правительства и, вѣроятно, скорѣе объясняется нѣкоторый предусмотрительностью центральнаго министерства финансовъ, какъ это видно изъ, того что происходило въ послѣдніе дни существованія въ Уфѣ Совѣта Управ. Вѣд. на бывшей территоріи Комуча. Возможно, что по отношенію къ уральскому правительству эта предусмотрительность была излишней. Но уральское правительство, вопреки утвержденіямъ Кроля, фактически не имѣло на своей территоріи достаточнаго авторитета*)...

Идеей переворота была насыщена вся атмосфера. И нѣтъ ничего удивительнаго, если Бойоаръ изъ Екатеринбурга слалъ въ Челябинскъ Пишону рапортъ за рапортомъ о подготовлявшемся военномъ пронунціаменто. Такъ 9-го ноября онъ писалъ:

„Продолжаютъ ходить слухи по поводу намѣренія русскихъ офицеровъ установить военную диктатуру (вѣроятно, адмирала Колчака). Такъ какъ чехи какъ будто не желаютъ способствовать этому движенію или продолжать свое дѣло въ случаѣ, если диктатура эта установится, то среди русскихъ офицеровъ якобы существуетъ большое недовольство противъ чеховъ и особенно противъ національнаго чехословацкаго Совѣта“ (M. S. 25, II, 251).

Главный французскій комиссаръ Реньо успокаивалъ своихъ подчиненныхъ изъ Омска 16 ноября:

„Со стороны офицеровъ нечего бояться чего-либо по отношенію къ правительству: адмиралъ Колчакъ не позволилъ бы ничего въ этомъ направленіи. Офицеры эти возбуждены, нервно неуравновѣшены, и ихъ надо образумить совсѣмъ полегоньку. Но не будемъ ничего ломать и въ особенности не будемъ прибѣгать къ чешскому способу“. (M. S., 25, П., 214).

*) Кролю кажется, что изданные его правительствомъ 81 актъ сами по себѣ должны были установить „устойчивый порядокъ“ (155.165).

Такой макіавелистической хитрости — игры на двѣ стороны, отъ Колчака ожидать просто нельзя. Колчакъ не ѣхалъ на Екатеринбургскій фронтъ съ задней цѣлью договориться о переворотѣ съ команднымъ составомъ. Это одна изъ ходячихъ версій, которая легко была воспринята такимъ спеціалистомъ по переговорамъ въ дни „мятежей“, какимъ былъ бывшій министръ исповѣданій Временнаго правительства Вл. Львовъ. Онъ ее занесъ въ свои воспоминанія.

Колчакъ зналъ о настроеніяхъ въ арміи — онъ этого не скрывалъ, какъ видно изъ его показаній на судѣ. Но онъ самъ не злоумышлялъ противъ Директоріи — такъ, по крайней мѣрѣ рисуется мнѣ, на основаніи всего матеріала, который находится въ нашемъ распоряженіи.

* * *

Если Гинсъ точно передалъ намъ свою бесѣду съ В. Н. Пепеляевымъ, въ которой тотъ разсказывалъ, что будто-бы участники переворота организовали „встрѣчу“ Колчаку въ Екатеринбургѣ „въ разсчетѣ“, что подъ вліяніемъ выслушаннаго тамъ Колчакъ „не уклонится принять на себя роль диктатора“ (307), то эти участники ошиблись. У Колчака созрѣла мысль отойти отъ власти.

Вотъ его собственное показаніе, данное на допросѣ. Изъ Екатеринбурга Колчакъ отправился на фронтъ, гдѣ имѣлъ бесѣды съ Сыровымъ, Дитерихсомъ, Голицинымъ, Пепеляевымъ и др. Настроеніе на фронтѣ нами уже было передано со словъ Колчака. Съ фронта Колчакъ направился южнымъ путемъ на Омскъ: „Мнѣ былъ данъ экстренный поѣздъ. Съ этимъ поѣздомъ поѣхали представители военнаго командованія и полковникъ Уордъ, который присутствовалъ на этомъ парадѣ. Съ Уордомъ мы вмѣстѣ завтракали и бесѣдовали на всякія темы *).

---

*) Главнымъ образомъ, по словамъ Уорда, по вопросамъ объ организаціи военнаго министерства (77).

Между Петропавловскомъ и Курганомъ мы встрѣтились съ поѣздомъ ген. Болдырева, примѣрно за сутки до моего прибытія въ Омскъ. Я явился къ нему и въ общихъ чертахъ изложилъ результаты своей поѣздки*). Болдыревъ ѣхалъ въ Челябинскъ для свиданія съ чешскимъ командованіемъ, такъ какъ, по его словамъ, съ чехами у него были очень натянутыя и затрудненныя отношенія. Чехи оставляютъ фронтъ, намъ грозятъ тяжелыя осложненія на уфимскомъ фронтѣ... Этотъ вопросъ его чрезвычайно тревожилъ, и потому онъ выѣхалъ, не дожидаясь моего прибытія. Я спросилъ его о томъ, что дѣлается въ Омскѣ, такъ какъ я никакихъ свѣдѣній объ Омскѣ не имѣлъ. Онъ говоритъ: „Въ Омскѣ тоже нехорошо, — тамъ, несомнѣнно, идетъ броженіе среди казаковъ; въ особенности говорятъ о какомъ то переворотѣ, выступленіи, но я этому не придаю серьезнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, мнѣ удастся побывать на фронтѣ и уладить тамъ дѣло"...

16 ноября Колчакъ вернулся въ Омскъ.

„По пріѣздѣ моемъ въ Омскъ, ко мнѣ явились многіе офицеры изъ ставки и представители отъ казаковъ, которые говорили опредѣленно, что Директоріи осталось недолго жить, и что необходимо созданіе единой власти. Когда я спрашивалъ о формѣ этой единой власти, и кого предполагаютъ на это мѣсто выдвинуть для того, чтобы была единая власть, мнѣ указали прямо: „Вы должны это сдѣлать". Я сказалъ: „Я не могу взять на себя эту обязанность просто потому, что у меня нѣтъ въ рукахъ вооруженной силы. А то, что вы говорите, можетъ

---

*) Врядъ ли Колчакъ можетъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за безтакность, совершенную Уордомъ. „Во время революціи вы никогда не можете чувствовать себя въ полной безопасности, и поэтому я приказалъ своимъ людямъ зарядить ружья и быть готовыми къ дѣйствію каждую минуту, если это окажется необходимымъ. Отданы были также приказы патрулю на платформѣ не позволять публикѣ, ни военной, ни гражданской, собираться около поѣздовъ; двумъ солдатамъ, приставленнымъ къ адмиралу, было приказано ни въ коемъ случаѣ не выпускать его изъ виду, сопровождая его и давая мнѣ объ этомъ знать".

быть основано только на волѣ и желаніи арміи, которая поддержала бы то лицо, которое хотѣло бы стать во главѣ ея и принять на себя верховную власть и верховное командованіе. У меня арміи нѣтъ, я человѣкъ пріѣзжій, я не считаю для себя возможнымъ принять участіе въ такомъ предпріятіи, которое не имѣетъ подъ собой почвы“ (168)*).

...„Когда я освѣдомился о положеніи вещей, то рѣшительно хотѣлъ отклонить отъ себя должность военнаго министра, и мнѣ кажется, что въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ, я объ этомъ заявилъ въ Совѣтъ министровъ, мотивируя это тѣмъ, что при такихъ условіяхъ я считаю невозможнымъ вести работу военнаго министра. Это рѣшеніе мое было почти категорическое. Но пока я не отказывался остаться на мѣстѣ до прибытія Болдырева. Насколько мнѣ помнится, 17 ноября былъ у меня Авксентьевъ наканунѣ своего ареста. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на квартиру и просилъ, чтобы я взялъ свою просьбу объ отставкѣ назадъ. Я ему совершенно опредѣленно сказалъ: „Я здѣсь уже около мѣсяца военнымъ министромъ, и до сихъ поръ не знаю своего положенія и своихъ правъ. Вмѣсто чисто дѣловой работы, здѣсь идетъ политическая борьба, въ которой я принимать участія не хочу, потому что я считаю ее вредной для веденія войны, и въ силу этого я не считаю возможнымъ въ такой атмосферѣ и обстановкѣ работать даже въ той должности, которую я принялъ“ **). Такъ мы съ нимъ и не договорились... Я продолжалъ упорно наста-

*) На вопросъ допрашивавшаго, кто именно въ эти дни былъ у Колчака, послѣдній назвалъ, между прочимъ, имена Лебедева, Волкова, Катанаева, Андогскаго, Сурина. „Изъ лицъ невоенныхъ, изъ политическихъ дѣятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было“. Какъ я говорилъ, — добавляетъ Колчакъ — никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній и слуховъ мнѣ не сообщалось. Это носило характеръ разговоровъ и обмѣна мнѣній“.

**) Не надо забывать, что ген. Мартьянову и другимъ близкимъ къ Колчаку лицамъ по прежней морской службѣ съ большимъ трудомъ удалось въ свое время уговорить адмирала задержаться хоть на нѣсколько дней въ Омскѣ для „информаціи“.

ивать на томъ, что я не буду больше военнымъ министромъ и жду только прiѣзда Болдырева. Я дѣлаю оговорку: мнѣ кажется, что это было въ то время, о которомъ я говорю, но, можетъ быть, это было наканунѣ моего отъѣзда на фронтъ". (169) *).

При нормальныхъ условiяхъ было бы, конечно, странно, что военный министръ разговариваетъ со своими подчиненными о возможности переворота и о замѣнѣ правительственной власти другой. Но, кажется, въ эти дни всѣ объ этомъ только и говорили. Это какой то странный переворотъ, о которомъ, дѣйствительно, даже не шушукались. 15 ноября въ самомъ правительствѣ Роговскiй дѣлаетъ докладъ. Вотъ по этому поводу запись Болдырева: „Отъѣздъ въ Челябинскъ. Въ вагонъ прибыли Розановъ и Матковскiй. Я имъ сообщилъ сущность доклада Роговскаго о готовящемся переворотѣ, который только что былъ заслушанъ нами въ кабинетѣ Вологодскаго, въ зданiи Совѣта министровъ. Матковскiй говорилъ о полномъ спокойствiи. Я поручилъ имъ обоимъ заѣхать къ Авксентьеву и переговорить по этому вопросу. Меня просили не уѣзжать. Ставка будто-бы имѣла свѣдѣнiя тревожнаго характера. Опасность указывалась и справа и слѣва, включительно до покушенiя на поѣздъ" (105).

Мнѣ кажется, что все это само по себѣ служитъ доказательствомъ, что ночь съ 17-го по 18-ое ноября не была организацiонно подготовлена, или была подготовлена въ узкомъ кругу лицъ, принимавшихъ непосредственное участiе въ переворотѣ. Противники покойнаго Колчака, вѣроятно съ этимъ не согласятся. Но никакихъ конкретныхъ данныхъ никто изъ этихъ противниковъ и мемуаристовъ до сихъ поръ нигдѣ не привелъ.

Иностранцы заносятъ въ свои воспоминанiя и дневники преимущественно слухи, до нихъ доходившiе, заносятъ иногда post factum и выдаютъ ихъ за несомнѣнно

*) Это было, очевидно послѣ возвращенiя.

бывшее. Такъ для упомянутаго мною проф. Легра, пріѣхавшаго въ Омскъ 18 ноября, нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что самъ Колчакъ совершилъ переворотъ *). По его распоряженію были арестованы эс-эры, члены Директоріи.

Далѣе нашъ мемуаристъ разсказываетъ уже нѣчто фантастическое:

„Прежній предсѣдатель Совѣта Вологодскій, бывшій на этомъ посту передъ адмираломъ Колчакомъ, обратился къ представителямъ союзническихъ властей съ заявленіемъ, что ни онъ самъ, ни его товарищи-министры не чувствуютъ себя больше въ безопасности передъ лицомъ произвольныхъ арестовъ, подобныхъ бывшимъ прошлой ночью, и что они были бы счастливы, если бы могли разчитывать на поддержку чехословацкихъ войскъ, находившихся подъ командой ген. Жанена. Въ дѣйствительности это была только комедія; все раскрылось, когда адмиралъ лично явился заявить, что коллеги его ввѣрили ему свою власть съ титуломъ Верховнаго Правителя и неограниченными полномочіями. А впрочемъ, извѣстно, что онъ не любитъ чеховъ.

„Очевидная цѣль переворота — подмѣнить чуть ли не парламентарную власть, которая въ теченіе пяти мѣсяцевъ управляла краемъ, военной диктатурой по-руски, т. е. облеченной такой же властью, какъ власть покойнаго царя". (M. S., II, 162).

Можетъ быть, Легра повторялъ здѣсь отчасти версію, слышанную отъ Пишона, по которой Вологодскій дѣлается основной пружиной переворота.

„Въ то время, какъ въ главной квартирѣ въ Челябинскѣ насъ озабочивали эти исключительно военные вопросы, свѣдѣнія изъ Омска и Екатеринбурга отмѣчали чрезвычайное политическое волненіе. Положеніе Директоріи въ Омскѣ продолжало быть непрочнымъ, ибо одинъ изъ членовъ ея, — Вологодскій, былъ какъ разъ гла-

*) „L'agonie de la Sibérie" M. S. 28, II, 161-62.

вою Сибирскаго Правительства и уѣхалъ во Владивостокъ“...

„Вологодскій велъ самолично на Дальнемъ Востокѣ переговоры съ Хорватомъ; генералъ же Хорватъ, партизанъ, облеченный единоличной властью съ 1918 г., въ согласіи съ крупнымъ металло-промышленникомъ Путиловымъ, покровительствовалъ кандидатурѣ адмирала Колчака: и вотъ мы узнаемъ, что послѣдній прибылъ въ Омскъ п назначенъ тамъ военнымъ министромъ“.

„Разумѣется, у насъ въ это время не было ключа къ этой тайнѣ: но если подумать о томъ, что адмиралъ тотчасъ послѣ переворота взялъ въ предсѣдатели Совѣта министровъ этого самаго Вологодскаго, то тогда уже легко воспроизвести соглашенія, заключенныя на Дальнемъ Востокѣ и понять причину обструкціи, оказанной Директоріи. Роль Вологодскаго, одновременно члена Директоріи, предсѣдателя Омскаго правительства, кандидата въ предсѣдатели совѣта у адмирала Колчака, свидѣтельствуетъ объ особомъ стараніи de miser sur tous les tableaux (ставка на всѣ номера) и о тонкости, которую нѣкоторые сочтутъ чрезмѣрной (M. Sl., 25, II, 251)“ *).

Итакъ, одинъ изъ неоспоримо честныхъ людей — „нѣчто среднее между методистскимъ священникомъ и плимутскимъ монахомъ“ (Уордъ) — былъ чуть ли не творцомъ ночного захвата членовъ Директоріи! Русскіе источники болѣе, конечно, осторожны и менѣе категоричны, чѣмъ эти безотвѣтственныя сужденія. Они, въ сущности, повторяютъ версію, данную Авксентьевымъ въ интервью токійскому корреспонденту „New-Iork-Herold“ — Герм. Бернштейну **). Въ интервью, характеръ котораго, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить естественной

*) Я не исправляю фактическихъ ошибокъ, которыми полны тексты обоихъ мемуаристовъ. Читатель ихъ усмотритъ и самъ безъ труда.

**) Напечатано было въ токійской газетѣ „The Japon Adversaire“. 28 дек.

тогда нервозностью Авксентьева *), было сказано: „Все дѣло сдѣлано съ вѣдома Вологодскаго, Старынкевича, Михайлова, Гинса **), Тельберга и, конечно, Колчака, который спокойно вернулся съ фронта въ день (?) нашего ареста“. „Переворотъ былъ разыгранъ дружно, какъ по нотамъ — повторяетъ уже Святицкій — и, несомнѣнно, что Вологодскій, Колчакъ, И. Михайловъ, Ключниковъ и др. столпы реакціи знали о готовящемся coup d'état и сами готовились къ нему“ (95) ***. Тотъ же перепѣвъ съ нѣкоторыми модуляціями даетъ и бар. Будбергъ, впрочемъ, оговаривающійся, что у него „не было времени для того, чтобы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ причинъ, вызвавшихъ ноябрьскій переворотъ“. „Повидимому — заноситъ онъ въ свой дневникъ послѣ оставленія поста военнаго министра — главной причиной было желаніе извѣстной группы лицъ попасть къ власти свернувъ голову Директоріи; представителями этой группы и явилась затѣмъ Михайловская пятерка, выдвинувшая адмирала на постъ Верх. Правителя и составившая затѣмъ его Верховный Совѣтъ, форменную олигархію, узурпировавшую de facto всю власть. Громкое и чистое отъ грязи имя адмирала было нужно для прикрытія всей этой специфически омской махинаціи; несомнѣнно, что, выдвигая адмирала, пятерка знала, что въ его лицѣ она

---

*) „Авксентьевъ нѣсколько поддался послѣ пережитыхъ тревоненій, остальные мало“ — записываетъ Болдыревъ, при встрѣчѣ съ бывшими членами Директоріи въ Іокогамѣ 1-го января (136). Повидимому, упомянутое интервью было дано въ письменной формѣ. Слѣдовательно, оно отвѣчало мыслямъ Н. Д. Авксентьева.

**) Гинсъ говоритъ, что онъ „догадывался о подготовлявшемся заговорѣ“ (307). Кажется, всѣ догадывались. Правительство Директоріи изъ партіи Вологодскаго — комментируетъ Майскій текстъ Уорда — хорошо знало, какъ о готовящемся переворотѣ, такъ и о его ближайшихъ исполнителяхъ, и тѣмъ не менѣе и оно въ первую минуту не было въ курсѣ всѣхъ деталей ареста министровъ — эс-эсеровъ“ (80). Несомнѣнно Гинсъ по своему положенію и по своимъ связямъ долженъ былъ знать больше другихъ.

***) С.-Сталинскій въ книгѣ „Пути Революціи“ (126) уже болѣе категорично безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ: „правая, несоціалистическая часть Директоріи почти вся непосредственно участвуетъ въ заговорѣ противъ лѣвой ея части“.

получитъ очень мягкое и послушное орудіе для осуществленія своихъ плановъ".

Переворотъ совершился не только съ вѣдома правительства. „Замѣна Директоріи Верховнымъ Правителемъ была несомнѣнно дѣломъ такъ называемаго политическаго блока"—слышится одинъ изъ обывательскихъ голосовъ (Рудневъ. Ор. Cit. 258). „14 болвановъ" причастны къ перевороту — утверждаетъ Майскій (335). Мемуаристы, т. е. слухи — въ данномъ случаѣ можно поставить знакъ тождества — называютъ немало лицъ, игравшихъ видную роль въ организаціи переворота. Среди нихъ Ключниковъ — не только одинъ изъ „идеологовъ" переворота, но и авторъ идеи ночного ареста. Ключниковъ довольно странный заговорщикъ: со словъ эс-эровъ, прибывшихъ изъ Екатеринбурга въ Омскъ, Святицкій передаетъ, что Ключниковъ выступилъ на открытый „реакціонный путь" подачей особаго меморандума, который осмѣлился предложить „самой Директоріи". Онъ предлагалъ принять суровыя мѣры противъ Съѣзда У. С., но ему было отвѣчено, что онъ суется не въ свое дѣло. Тогда Ключниковъ подалъ меморандумъ непосредственно въ Совѣтъ министровъ (93) *). Среди заговорщиковъ и членъ правительства Зефировъ, больше повинный въ рѣзкихъ отзывахъ о Директоріи; среди нихъ и ген. Суринъ и „хитрый маклеръ" ген. Андогскій, къ которому весьма насторожно относилось Сибирское Правительство **) и „фонды" котораго не твердо стояли и у новой власти ***).

---

*) Очевидно, имѣется въ виду тотъ проектъ реконструкціи Директоріи, о которомъ упоминаетъ самъ Ключниковъ. Предложеніе Ключникова сводилось къ предложенію отказаться въ Сибири отъ созыва Учр, Собр. въ внду того, что съ пораженіемъ Германіи освобождалась значительная часть территоріи. Правительство должно сложить свои полномочія при объединеніи главнѣйшихъ существующихъ правительствъ. Ракитниковъ передаетъ, что докладъ Ключникова былъ встрѣченъ въ Совѣтѣ Министровъ сочувственно. (Ор. cit 24).

**) Въ свое время эту настороженность штаба Сибир. арміи къ генштабистамъ изъ Военной Академіи, попавшимъ „въ плѣнъ" въ Казани, Болдыревъ занесетъ на счетъ реакціонности Сибири.

***) Была и еще одна легенда: самъ Болдыревъ арестовалъ Ди-

Я далеко еще не использовалъ всѣхъ имѣющихся въ литературѣ указаній*). Между тѣмъ боюсь, что читатель уже запутался въ этихъ контроверсахъ, сплетняхъ, разговорахъ и предположеніяхъ. На прямой вопросъ одного изъ „судей", соц.-дем. Денике: стало ли Колчаку извѣстнымъ впослѣдствіи, кѣмъ и какъ переворотъ былъ организованъ — Колчакъ отвѣтилъ:

„Я знаю и мнѣ говорилъ Лебедевъ, что въ этомъ принимала участіе почти вся ставка, часть офицеровъ гарнизона, штабъ главнокомандующаго и нѣкоторые члены правительства. Онъ говорилъ, что нѣсколько разъ во время моего отсутствія были засѣданія по этому поводу въ ставкѣ. Я ему на это сказалъ одно: „Вы не должны мнѣ сообщать фамиліи тѣхъ лицъ, которыя въ этомъ участвовали, потому что мое положеніе въ отношеніи этихъ лицъ становится тогда совершенно невозможнымъ, такъ какъ, когда эти лица будутъ мнѣ извѣстны, они станутъ въ отношеніи меня въ чрезвычайно ложное положеніе и будутъ считать возможнымъ тѣмъ или инымъ путемъ вліять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшаго меня, будутъ постоянно оказывать на меня какое нибудь давленіе, между тѣмъ, какъ я считаю для меня совершенно безразличнымъ это, и я не считаю возможнымъ давать или не давать тѣ или иныя преимущества". Фактически это Лебедевъ и выполнилъ. Я могу сказать, что почти вся ставка, по крайней мѣрѣ всѣ начальники отдѣловъ, принимали въ этомъ участіе и часть офицеровъ гарнизона, главнымъ образомъ, казачьи части. Я считалъ неудобнымъ спрашивать о лицахъ. Что касается политическихъ дѣятелей, то тамъ, несомнѣнно, были лица изъ состава Совѣта министровъ" (174-75).

ректорію и бѣжалъ за границу. Болдыревъ слышалъ ее отъ шофера во Владивостокѣ (127).

*) Колосовъ, а за нимъ Гуревичъ, видятъ уже за кулисами японцевъ. Въ цѣляхъ поддержки Омска, какъ оказывается, произведенъ даже былъ японскій десантъ.

„Я никогда къ этому вопросу не возвращался — добавлялъ щепетильный въ моральныхъ вопросахъ Колчакъ — и никогда ни съ кѣмъ изъ министровъ объ этомъ не говорилъ".

Такимъ образомъ, наиболѣе освѣдомленнымъ лицомъ, по словамъ Колчака, былъ какъ будто бы, полк. Лебедевъ:

„Полк. Лебедевъ могъ бы разсказывать всю эту исторію, хотя его имя даже не упоминалось во время coup d'état — дѣлаетъ со своей стороны намекъ Уордъ (78). Повидимому, Лебедевъ игралъ первенствующую роль въ психилогической подготовкѣ сознанія „необходимости новой власти" — и особенно въ военныхъ кругахъ. Но отъ насъ ускользаютъ его участіе въ организаціонной части заговора.

Всеобщій заговоръ перестаетъ быть „заговоромъ" въ узкомъ смыслѣ этого слова. „18 ноября" всѣ ждали, но переворотъ не могъ быть сговоромъ въ сущности, довольно враждебныхъ между собою группъ. Если итти по стопамъ большевицкихъ историковъ, то легко намѣтить и дату, когда между отдѣльными группами произошелъ договоръ о выдвиженіи кандидатуры Колчака на постъ диктатора. Въ „Хроникѣ гражданской войны въ Сибири" подъ 30 октября помѣчено: „В. Пепеляевъ вошелъ въ соглашеніе съ Ив. Михайловымъ относительно плана сверженія Директоріи и установленія единоличной диктатуры Колчака" (95).

Мы не знаемъ, откуда взяты эти свѣдѣнія. Составители „Хроники" часто ссылаются на неопубликованный дневникъ В. Н. Пепеляева. Для большевицкихъ историковъ истиннымъ организаторомъ переворота является восточный отдѣлъ Ц. К. партіи к.-д. въ составѣ Пепеляева, Жардецкаго, Клафтона, Бородина и Соловейчика. Пепеляевъ еще 5 ноября имѣлъ будто бы длительную бесѣду съ Колчакомъ, предлагая ему „отъ имени Нац. Центра (?) выставить свою кандидатуру на постъ Вер-

ховнаго правителя; получивъ согласіе, условился о планѣ дальнѣйшихъ дѣйствій къ подготовкѣ политическаго переворота" (Хр. 96). „Хроника" цитируетъ запись Пепеляева, относящуюся къ 17 ноября: „Я ушелъ съ конференціи (партійной. С. М.) на совѣщаніе. Участвовали всѣ. Рѣшено. Я поѣхалъ къ П.. Полная налаженность. Описать потомъ". Кто этотъ таинственный П.? Нѣтъ ни одного изъ активныхъ „участниковъ переворота" съ такой фамиліей. Что говорилось на этомъ совѣщаніи и кто былъ на немъ—мы не знаемъ.*) И было ли тамъ предусмотрѣно выступленіе 18-го? Или дѣло сводилось къ сговору для будущаго — положеніе дѣйствительно становилось безвыходнымъ... Мнѣ рисуется скорѣе послѣднее. Во всякомъ случаѣ, отсюда пошла версія Парфенова о засѣданіи 17-го (она изложена была выше), послѣ котораго отрядъ Красильникова приступилъ къ выполненію намѣченнаго плана. Отсюда и толкованіе рѣчи Клафтона, отрывшаго 20 ноября засѣданіе съѣзда партіи к.-д. словами: „Съ 18-го ноября мы стали партіей государственнаго переворота. Стоило намъ наканунѣ высказать наше мнѣніе и на завтра то, что должно было совершиться, совершилось". Кроль толковалъ эту рѣчь въ смыслѣ непосредственнаго участія партіи въ переворотѣ.

* * *

Есть еще одна версія, которую я долженъ поставить особо. Она, быть можетъ, наиболѣе серьезна и на первый взглядъ какъ будто бы разъясняетъ всѣ возникающія сомнѣнія. Въ сущности эта версія не такъ уже далека отъ тѣхъ выводовъ, которое сами собой напрашиваются изъ нашего изложенія, но постолько,

*) И. И. Сухинъ передввалъ мнѣ, что на совѣщаніи яко бы были Волковъ, Красильниковъ, Лебедевъ, Андогскій и Михайловъ. Совершенно очевидно, что б. министръ Колчаковскаго переворота передаетъ только одинъ изъ многочисленныхъ слуховъ.

поскольку въ ней уточняется планъ переворота, она возбуждаетъ сомнѣнія и заставляетъ отнестись къ ней съ осторожностью. Новыя данныя сообщены мнѣ Г. В. Щепинымъ, состоявшимъ въ дни переворота помощникомъ полк. Сыромятникова въ ставкѣ, — сообщены уже тогда, когда выдержки изъ моей работы предварительно появились въ „Возрожденіи". По словамъ моего информатора, онъ является непосредственнымъ участникомъ переворота 18 ноября. О подготовкѣ заговора, въ которомъ принимали участіе Андогскій, Сыромятниковъ и Михайловъ и въ который яко бы былъ посвященъ членъ англійской военной миссіи полк. Нельсонъ, полк. Щепинъ (въ то время капитанъ)*) былъ освѣдомленъ Сыромятниковымъ. Послѣдній предложилъ ему взять на себя техническое осуществленіе плана переворота. Съ этой цѣлью Щепинъ былъ назначенъ (безъ вѣдома ген. Розанова) начальникомъ особаго офицерскаго отряда — въ его „послужномъ спискѣ" дѣйствительно значится: принялъ отрядъ 17 ноября, сдалъ его 19. Сыромятниковъ гарантировалъ Щепину вооруженную силу въ видѣ 400 (?!) организованныхъ морскихъ офицеровъ и отрядовъ Волкова и Красильникова. Въ поѣздъ адмирала, направляющагося на фронтъ, былъ устроенъ свой человѣкъ, который долженъ былъ, по условленной изъ центра телеграммѣ, неожиданно измѣнить маршрутъ поѣзда и представить Колчака въ Омскъ къ моменту, когда переворотъ будетъ совершенъ. Такъ все и было сдѣлано. Встрѣтивъ Болдырева въ Челябинскѣ, адмиралъ отправился въ Оренбургъ. Между тѣмъ по соглашеніи указаннаго довѣреннаго лица съ машинистомъ послѣдній взялъ на правленіе на Омскъ, куда поѣздъ и прибылъ 18 рано утромъ. Колчакъ узналъ объ измѣненіи маршрута только передъ самымъ прибытіемъ въ Омскъ. Въ

*) Щепинъ былъ близкимъ ген. Андогскому лицомъ и состоялъ слушателемъ Военной Академіи, пробравшись въ Екатеринбургъ, гдѣ была Академія, съ Кавказа.

вокзалѣ въ Омскѣ ему была организована встрѣча „народомъ“ въ цѣляхъ убѣдить его принять диктаторскія бразды правленія.

Самимъ переворотомъ въ ночь съ 17 на 18 дирижировалъ изъ ставки полк. Щепинъ: отрядъ Волкова обезпечивалъ спокойствіе въ городѣ, отрядъ Красильникова арестовывалъ членовъ Директоріи. Когда ночью въ ставку прибылъ ген. Розановъ, которому заговорщики не довѣряли и который назвалъ „предательствомъ“ это выступленіе, онъ былъ какъ бы „арестованъ“ въ своемъ кабинетѣ *).

Такова новая версія. Что мы можемъ изъ нея принять? Только одно: кап. Щепинъ, бывшій, очевидно, совершенно не въ курсѣ закулисной работы и сочувствовавшій перемѣнѣ власти, долженъ былъ какъ бы гарантировать невмѣшательство ставки въ то, что будетъ совершаться въ городѣ и что было извѣстно Сыромятникову. Все остальное противорѣчитъ извѣстнымъ намъ фактамъ. Колчакъ въ Оренбургъ не собирался, съ Болдыревымъ встрѣтился на обратномъ пути на перегонѣ Петропавловскъ—Курганъ, въ Омскъ прибылъ за день или наканунѣ переворота. А у адмирала были всѣ основаніи въ дни слѣдствія умалчивать о фамиліяхъ, но у него не было никакого повода измышлять тотъ разсказъ, который зафиксированъ на страницахъ допроса. Версія Щепина, суживая кругъ дѣйствующихъ лицъ, въ центръ ставитъ все тѣ же отряды Волкова и Красильникова.

Какой же выводъ можно сдѣлать о подготовкѣ „заговора“ до 18 ноября? Безспорно „заговоръ“ создался не въ одинъ день. Въ этомъ отношеніи Кроль совершгнно правъ (159). Весь періодъ существованія Директорія былъ такъ или иначе временемъ подготовки ея сверженія. Существовавшее никого не удовлетворяло —

*) Любопытно, что Щепинъ отрицаетъ непосредетвенное участіе въ перевотѣ Лебедева. По его словамъ, Лебедеву заговорщики не довѣряли и постарались отправить его на фронтъ.

ни правыхъ, ни лѣвыхъ, ни тотъ центръ, на который Директорія могла бы опереться при нѣсколько иномъ къ нему отношеніи. Директорія не захотѣла этого сдѣлать и повисла въ безвоздушномъ пространствѣ *). Вопросъ о перемѣнѣ власти муссировался во всѣхъ кругахъ — и въ „салонахъ", и въ частныхъ совѣщаніяхъ общественныхъ дѣятелей, и въ военной средѣ, и въ правительственныхъ сферахъ и средѣ иностранцевъ. Ноксъ, враждебный „соціалистической" Директоріи **) и сторонникъ конституціонной монархіи, единственно возможной по его мнѣнію въ окружающей обстановкѣ ***), сочувствовалъ диктатурѣ — и высказывался въ этомъ отношеніи довольно опредѣленно. Онъ сочувствовалъ кандидатурѣ Колчала, считая, что имя Колчака „обезпечиваетъ помощь со стороны Англіи" (Гинсъ 276). Только въ этомъ проявилась его „инициатива" и „содѣйствіе" перевороту.

Агитація, конечно, принимала постепенно болѣе опредѣленныя формы. Идея „переворота" неизбѣжно вылилась бы въ болѣе рѣзкіе контуры, если бы событія ихъ не предупредили. О готовящемся „переворотѣ" Колчакъ зналъ приблизительно въ тѣхъ же чертахъ, какъ знали это и другіе ****). — О переворотѣ по утвержденію В.

*) Къ числу легендъ изъ цикла „развѣсистой клюквы" надо отнести версію Монтондона о томъ, что Директорія погибла потому, что подготовляла серьезную аграрную реформу (68). Представитель Кр. Креста, очевидно, совсѣмъ не представлялъ себѣ земельныхъ отношеній Сибири.

**) Ноксъ, какъ говоритъ Болдыревъ, избѣгалъ сношеній съ Директоріей и не сдѣлалъ визита Авксентьеву, относясь къ нему „скептически" (83).

***) Такъ же высказывался, по словамъ Колосова, „высокій комиссаръ" Англіи въ Сибири Дж. Элліотъ („Б", XXI, 257).

****) Корреспондентъ „Таймса", указавшій въ своей депешѣ, что Колчакъ 17-го зналъ о томъ, что произойдетъ на другой день, передавалъ лишь одну изъ ходившихъ версій въ лагерѣ враждебномъ. Ее повторилъ и профессоръ Легра въ своемъ парижскомъ докладѣ 31 мая 1920 г. (L'Esprit, pnblik eu Siberie pendant le séjour des Mussions Alliés". Séance du Comite National d'etades sociales et politipue". Непонятно, какъ могъ вернувшійся непосредственно изъ Сибири Легра говорить, что Колчакъ былъ предсѣдатель Совѣта Министровъ при Директоріи.

Львова, открыто говорили въ канцеляріяхъ министерствъ.

Самое выступленіе въ ночь съ 17 на 18 ноября мнѣ рисуется въ такомъ приблизительно видѣ:

Приходилось уже упоминать о банкетѣ 13 ноября по поводу прибытія французской миссіи—банкетѣ, который закончился разслѣдованіемъ и приказомъ Болдырева арестовать пѣвшихъ гимнъ. Среди особенно разошедшихся на банкетѣ какъ разъ оказался, по выраженію Зензинова, „напившійся на обѣдѣ до пьяна" войсковой атаманъ Красильниковъ, будто бы заявлявшій, что „мы всегда по первому зову пойдемъ за Михайловымъ и Вологодскимъ" - другими словами, за старымъ Сибирскимъ Правительствомъ... Зензиновъ освѣдомленъ былъ, очевидно, о томъ, что происходило на банкетѣ, черезъ спеціальное лицо, командированное Управляющимъ Дѣлами Вр. Вс. Пр. на обѣдъ — Л. Тренденбаха. Его донесеніе предсѣдателю правительства достаточно характерно. Оно отмѣчаетъ, что послѣ рѣчей оркестръ каждый разъ исполнялъ марсельезу. (Ненормальность, которая установилась съ первыхъ дней революціи, когда, по выраженію французскаго посла Палеолога, марсельеза сдѣлалась „русскимъ гимномъ"). Однако „по требованію большинства офицеровъ, оркестръ заигралъ бывшій русскій гимнъ, „при чемъ часть офицеровъ пѣла его словами" „чувствовалась сильная сконфуженность... Тогда я подошелъ къ сидящему со мной рядомъ казачьему офицеру въ чинѣ полковника и обратился къ нему съ просьбой прекратить гимнъ, такъ какъ представитель Сербіи проситъ слова. Полковникъ вспылилъ и спросилъ меня, кто я такой. Я отвѣтилъ, что... меня командировали, какъ представителя Управленія дѣлами Вр. Вс. Пр. Посматрѣвъ на меня съ нескрываемой злобой, этотъ полковникъ сказалъ: „пошелъ прочь, паршивый эсеръ". Я отошелъ отъ него къ своему мѣсту. Гимнъ повторялся все далѣе и далѣе. Во время исполненія гимна я неоднократно дѣлалъ попытки прекратить пѣніе, но все безрезультатно"...

По окончаніи ужина ген. Матковскій и представители союзныхъ державъ покинули собраніе. „Я остался одинъ — продолжаетъ Тренденбахъ — окруженный офицерами, которые настойчиво требовали сказать имъ, кто я такой. Видя безполезность какихъ-либо разговоровъ, я сказалъ, что былъ личнымъ секретаремъ Сапожникова, а теперь принятъ на службу въ Иностранное Отд. Кред. Канц. Мон. Фонда. Тогда полковникъ, протягивая мнѣ руку, сказалъ: „а, такъ Вы у Михайлова и состояли въ распоряженіи Сапожникова, простите, я не зналъ, что Вы нашъ. Имѣйте въ виду, что мы всегда по первому зову пойдемъ за Михайловымъ и Вологодскимъ, великодушно простите, а я думалъ, что Вы какой-нибудь паршивый эсеръ, терпѣть не могу этихъ эсеровъ“. Зензиновъ говоритъ, что Директоріей былъ отданъ приказъ объ арестѣ Красильникова и объ отправкѣ его на фронтъ*). Было ли дѣло такъ, какъ излагаетъ Зензиновъ, или такъ, какъ передаетъ Болдыревъ**), но не во время проявленная Директоріей власть и, пожалуй, неумѣстно, ибо дѣло касалось все же выступленія на банкетѣ — ускорила надвигавшіеся событія. Поводъ для ареста не могъ не вызвать раздраженія въ отрядѣ Красильникова. Казачьи офицеры были достаточно въ курсѣ происходившихъ разговоровъ и, слѣдовательно, знали, что выступленіе ихъ (оставляя въ сторонѣ вопросъ о формѣ) по существу можетъ вызвать скорѣе лишь сочувствіе. Вотъ почему я считаю, что отряды Волкова и Красильникова въ ночь съ 17 на 18 выступили въ значительной степени самостоятельно, безъ непосредственной связи съ тѣмъ

---

*) „Изъ жизни революціонера“. Парижъ (1919, стр. 114).

**) „Я на другой день узналъ объ этой исторіи — пишетъ Болдыревъ — и по телефону спросилъ Матковскаго — арестовалъ ли онъ виновныхъ“. Матковскій отвѣтилъ, что онъ все еще выясняетъ таковыхъ, а затѣмъ спросилъ: „А если среди виновныхъ окажется самъ Красильниковъ — и его арестовать?“ — „Конечно, арестовать. Вы заставляете меня учить васъ вашимъ обязанностямъ“. (104).

совѣщаніемъ, о которомъ говоритъ Пепеляевъ въ дневникѣ, но, можетъ быть, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ „планомъ", который разрабатывался нѣкоторыми участниками (среди нихъ, вѣроятно, Сыромятниковъ) въ „салонѣ" Гришиной-Алмазовой. Эта группа, пріученная уже къ самовластію и безотвѣтственности и стремилась предупредить событія, получивъ свыше (изъ ставки) инструкціи.

Моя версія и не оригинальна и не нова. Что дѣлать? Событія текутъ подчасъ болѣе упрощенно, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. По свѣжимъ слѣдамъ именно такъ представлялъ себѣ дѣло, очевидно, и Болдыревъ. По крайней мѣрѣ, при свиданіи съ Будбергомъ онъ разсказывалъ, что переворотъ совершилъ мѣстный гарнизонъ, обиженный тѣмъ, что его хотѣли вывести изъ Омска (XIII, 285). И Зензиновъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „попытки Директоріи обуздать... реакціонные круги, отозвавъ отрядъ Красильникова, вѣроятно,... ускорили развязку*). Такую же оцѣнку въ то время далъ и Гер. Бернштейнъ въ депешѣ, отправленной изъ Харбина въ „New-Jork-Herold". Самъ Красильниковъ на судѣ показалъ, что арестъ членовъ Директоріи былъ вызванъ дошедшими до него свѣдѣніями о предполагаемомъ его арестѣ.

3. „18 НОЯБРЯ".

„Это одинъ изъ такихъ министровъ, которые послѣдними узнаютъ о государственномъ переворотѣ" — такъ опредѣляетъ Майскій прозорливость В. М. Зензинова. „Еще наканунѣ вечера (18-го) одинъ изъ членовъ Ц. К. передавалъ мнѣ содержаніе разговора по прямому проводу съ В. М. Зензиновымъ" — какъ бы добавляетъ Святицкій: „Послѣдній сообщалъ, что все обстоитъ благополучно"... (96). Можетъ быть, отсутствіе этой „преду-

*) Прибавлю еще одну версію: по утвержденію В. Львова, офицеры отряда Красильникова, не стѣсняясь, говорили о цѣли ихъ прибытія (?) въ Омскъ.

смотрительности“ лишь хорошо характеризуетъ нравственный обликъ Зензинова. Безспорно, однако, въ боевой обстановкѣ того времени безмятежность не была положительной чертой власти.

Повидимому, Зензиновъ возлагалъ большія надежды на отрядъ Роговскаго — появленіе его въ Омскѣ должно было упрочить положеніе Директоріи (Майскій, 304). Эта сила, уже организованная Роговскимъ, повидимому, и служила причиной того столкновенія, которое на почвѣ кандидатуръ происходило при организаціи Омскаго правительства. „Лѣвая“ часть Директоріи хотѣла обезпечить за своимъ человѣкомъ завѣдываніе государственной полиціей. Едва ли это не было большой ошибкой. Существованіе въ Омскѣ эс-эровскаго отряда — „боевой дружины“, какъ назывался онъ въ общежитіи — могло только раздражать казачьи атаманскіе отряды, которые въ Омскѣ представляли реальную силу. Отрядъ Роговскаго, состоявшій изъ людей „вѣрныхъ и преданныхъ“ Директоріи, вообще оказался пуфомъ — онъ былъ легко разоруженъ одной казачьей частью безъ всякаго сопротивленія *).

Самый переворотъ произошелъ такъ:

„Въ воскресенье, 17 ноября, Зензиновъ и я — разсказывалъ Авксентьевъ въ своемъ интервью Бернштейну — обѣдали у товарища мин. вн. дѣл. Роговскаго. Тамъ мы встрѣтились съ только что прибывшей черезъ большевицкую Россію делегаціей архангельскаго правительства, которая разсказа намъ о своихъ испытаніяхъ и о положеніи дѣлъ въ Архангельскѣ“. Сразу же приходится сдѣлать поправку. Въ этотъ день Авксентьевъ и Зен-

*) Вегманъ, имѣвшій возможность пользоваться многими источниками, намъ недоступными, говоритъ, что на слѣдующій день въ казармы отряда „сине-бѣлыхъ“ Роговскаго явился Красильниковъ и предложилъ: „кто хочетъ служить Колчаку — пусть остается, кто не хочетъ — пусть уйдетъ“. Въ отрядѣ нашелся лишь одинъ „преданный“ Директоріи. Вѣроятно, картина не носила столь идиллическаго характера.

зиновъ обѣдали не у Роговскаго, а у министра юстиціи Старынкевича. На обѣдѣ присутствовалъ и Роговскій, былъ приглашенъ также и Вологодскій, но „по болѣзни“ отсутствовалъ. Старынкевичъ разсказывалъ мнѣ, что этотъ обѣдъ былъ устроенъ имъ (на правахъ, очевидно, бывшаго эс-эра) со спеціальной цѣлью воздѣйствовать на членовъ Директоріи изъ партіи эс-р. въ смыслѣ необходимости рѣзче и опредѣленнѣе реагировать на „прокламацію“ Ц. К.. Надо было, въ виду нароставшихъ угрозъ, реабилитировать себя въ общественномъ мнѣніи, публично отгородившись отъ позиціи, занятой прокламаціей. Вопросъ о прокламаціи обсуждался уже въ Совѣтѣ министровъ. „Воздѣйствіе“ не оказало вліянія. Авксентьевъ лишь негодовалъ, что Совѣтъ министровъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ предначертанія верховной власти. Во время обѣда Старынкевичъ былъ вызванъ однимъ изъ штабныхъ офицеровъ, пришедшимъ предупредить, что ему извѣстно о предположенномъ ночью арестѣ „министровъ-соціалистовъ“. Предупрежденіе было встрѣчено обѣдавшими скорѣе шуткой: министры-соціалисты не означаютъ еще верховной власти. Отъ Старынкевича обѣдавшіе перешли на квартиру Роговскаго въ зданіи вѣдомства государственной охраны, оберегаемой усиленными патрулями „боевой дружины“.

Въ сущности, у Роговскаго происходило частное собраніе эс-эровъ. Присутствовало 10 человѣкъ; среди нихъ Гендельманъ и Раковъ, какъ мы знаемъ, посланные отъ бюро съѣзда въ Омскъ со специфическимъ заданіемъ также „воздѣйствовать“ на Директорію (Святицкій „Реакція и народъ“, 20), три члена архангельской делегаціи эс-эры: Дѣдусенко, Масловъ и Лихачъ. Около полуночи въ помѣщеніе ворвалась группа „пьяныхъ офицеровъ“, арестовала Авксентьева, Зензинова, Роговскаго и Ракова*) и отвезла ихъ въ штабъ Красильникова (зда-

*) Совершенно непонятно, почему Ракову и Гендельману надо

ніе сельско-хозяйственной школы въ Загородной рощѣ), гдѣ уже находился арестованный на дому Аргуновъ.

* * *

Отчетливѣе всѣхъ и полнѣе всѣхъ изобразилъ дальнѣйшее А. В. Колчакъ въ своихъ показаніяхъ:

...„Объ этомъ переворотѣ слухи носились, — частнымъ образомъ мнѣ морскіе офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не могъ. О совершившемся переворотѣ я узналъ въ 4 часа утра на своей квартирѣ. Меня разбудилъ дежурный ординарецъ и сообщилъ, что меня проситъ къ телефону Вологодскій... Отъ Вологодскаго я узналъ по телефону, что арестованы члены Директоріи... что онъ сейчасъ созываетъ немедленно Совѣтъ министровъ и проситъ, чтобы я прибылъ на это экстренное засѣданіе Совѣта министровъ... Тогда я приказалъ соединиться и вызвать сейчасъ же Розанова, который былъ начальникомъ штаба Болдырева.

Онъ въ это время спалъ, но когда я его вызвалъ, онъ сразу подошелъ къ телефону... Онъ отвѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ добиться ни штаба, ни ставки, ни управленія казачьимъ частями, такъ какъ ихъ телефоны, повидимому, не дѣйствуютъ. Я ему сказалъ, что я сейчасъ одѣнусь и передъ тѣмъ, какъ поѣхать въ Совѣтъ министровъ, заѣду къ нему по дорогѣ, чтобы съ нимъ переговорить. Затѣмъ я пытался соединиться со ставкой и спросить, извѣстно ли тамъ, что дѣлается, но со ставкой соединиться мнѣ не удалось... Къ Розанову же пріѣхалъ и Виноградовъ... Виноградовъ сообщилъ... что... въ городѣ все спокойно, разъѣзжаютъ только казачьи патрули, стрѣльбы и вооруженныхъ выступленій не было. Розановъ, повидимому, совершенно не былъ въ курсѣ дѣла...*)

было при арестѣ спѣшно уничтожать записки, росписки и т. д. (Раковъ. „Въ застѣнкахъ Колчака“ 6). Традиціи старой конспираціи?

*) Мы видимъ, какъ расходятся показанія Колчака съ приведеннымъ выше разсказомъ Щепина.

Около шести часовъ Совѣтъ министровъ собрался... и Вологодскій сообщилъ всему составу Совѣта министровъ о событіяхъ, которыя произошли ночью“...(169-170).

На засѣданіи совѣта, послѣ информаціи Вологодскаго прежде всего „поднялся вопросъ о томъ, гдѣ могутъ находиться арестованные члены Директоріи. На это никто опредѣленно указать не могъ. Потомъ уже кто-то изъ прибывшихъ сообщилъ, что они находятся въ зданіи сельско-хозяйственнаго института, за Загородной рощей, гдѣ находилась часть партизанскаго отряда Красильникова. Вологодскій поставилъ вопросъ, какъ относится къ этому аресту Совѣтъ министровъ. Было выскано нѣсколько мнѣній. Первое мнѣніе — фактъ ареста ничего не означаетъ, тѣмъ болѣе, что три члена Директоріи, большинство, остается: Виноградовъ, Вологодскій и Болдыревъ. Второе мнѣніе было таково, что Директорія, послѣ того, что случилось, остаться не можетъ у власти и что власть должна перейти къ Совѣту министровъ Сибирскаго Правительства. Объ арестованныхъ пока никто не говорилъ, участь ихъ была неизвѣстна...

Во время этихъ преній всталъ Виноградовъ и сказалъ, что онъ считаетъ невозможнымъ оставаться болѣе въ составѣ Директоріи, ни при какихъ обстоятельствахъ послѣ того, что произошло и слагаетъ съ себя обязанности и никакого участія больше въ засѣданіи принимать не считаетъ возможнымъ. Уходъ Виноградова поставилъ ту часть голосовъ, которые говорили, что Директорія остается, въ затруднительномъ положеніи. Оставался только одинъ Вологодскій здѣсь и Болдыревъ на фронтѣ. Тогда вопросъ объ оставленіи Директоріи самъ собою отпалъ.

Затѣмъ, часовъ около восьми, поднялся вопросъ о томъ, что надо выработать текстъ обращенія къ населенію, что такое положеніе является совершенно нетерпимымъ, что въ такой переходный моментъ можетъ на-

ступить анархія и во что она выльется, — неизвѣстно. Пока въ городѣ все спокойно, но всѣ казачьи войска находятся подъ ружьемъ. Они посылаютъ въ городъ караулъ; отдѣльныя части ходятъ по городу, хотя это ни въ чемъ не проявляется; другія части находятся тоже подъ ружьемъ, хотя онѣ не выходятъ изъ казармъ, и если такое неопредѣленное положеніе продлится, то можно ожидать какихъ нибудь крупныхъ и серьезныхъ событій. Тогда поднялся вопросъ такой — что слѣдуетъ сдѣлать и какъ на это реагировать? Вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ: необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу, отдать всѣ преимущества въ настоящее время военному командованію и что во главѣ правительства должно стоять лицо военное, которое объединило бы собою военную и гражданскую власть *)... Когда же ко мнѣ обратились, то я тоже сказалъ, что считаю это единственнымъ выходомъ изъ положенія. Я только что вернулся съ фронта и вынесъ убѣжденіе, что тамъ полное несочувствіе Директоріи, и малѣйшее столкновеніе между Директоріей и правительствомъ отозвалось бы сейчасъ въ войскахъ" (171-172)...

„Послѣ обмѣна мнѣній большинство членовъ Совѣта министровъ высказалось въ томъ смыслѣ, что они предлагаютъ мнѣ принять эту должность **). Тогда я считалъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе по этому поводу, — надо прежде всего стараться безъ всякой ломки сохранить то, что уже существуетъ и что оказалось удовлетворительнымъ, что не вызываетъ особен-

---

*) Противъ диктатуры возражалъ Шумиловскій (Гинсъ I, 308). По словамъ И. И. Сукина, первоначально противъ диктатуры высказался и ген. Розановъ,

**) Едва ли не первымъ, назвавшимъ имя адм. Колчака, былъ Гинсъ. Поэтому чрезвычайно непріятное впечатленіе производитъ то, что во второмъ томѣ своихъ воспомнинаній Гинсъ слишкомъ усиленно отгораживается. У него есть даже такая фраза: „Какую отвѣтственность взяли на себя люди, которые въ ночь на 18 ноября рѣшили выдвинуть адмирала" (II, 369). Гинсъ какъ бы забываетъ, что рѣшали государственный вопросъ, во всякомъ случаѣ, не тѣ, которые произвели ночной арестъ.

ныхъ возраженій и сомнѣній, т. е. власть, существующую въ лицѣ верховнаго главнокомандующаго ген. Болдырева со стороны войскъ противъ него особыхъ возраженій не будетъ...

„Тогда Вологодскій обратился ко мнѣ и сказалъ: „Я принимаю во вниманіе все, что вы сказали, но я васъ прошу оставить залъ засѣданія, такъ какъ мы находимъ детально и болѣе подробно обсудить этотъ вопросъ и такъ какъ намъ придется говорить о васъ, то вамъ неудобно здѣсь присутствовать“ (173)...

„Затѣмъ я пришелъ въ залъ засѣданія, гдѣ Вологодскій прочелъ постановленіе Совѣта министровъ, заявившихъ, что Совѣтъ министровъ считаетъ это единственнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія“.

„Тогда я увидалъ, что разговаривать не о чемъ и далъ согласіе, сказавъ, что я принимаю на себя власть и сейчасъ же ѣду въ ставку для того, чтобы сдѣлать распоряженіе по войскамъ и прошу Совѣтъ министровъ уже детально разработать вопросъ о моихъ взаимоотношеніяхъ съ Совѣтомъ министровъ“ (174).

Считая неудобнымъ сохранить должность начальника штаба за Розановымъ (какъ за помощникомъ Болдырева), Колчакъ назначилъ временно исполнять эти обязанности полк. Сыромятникова. Отъ него онъ узналъ, гдѣ находятся арестованные, и отдалъ распоряженіе доставить ихъ на квартиру и ее усиленно охранять *).

Въ тотъ же день, въ 4 часа, происходитъ второе засѣданіе Совѣта министровъ. На немъ — разсказываетъ Колчакъ — „былъ обсужденъ вопросъ относительно выработки краткой конституціи о моихъ взаимоотношеніяхъ съ Совѣтомъ министровъ. Была принята форма, которую я призналъ совершенно отвѣчающей тому, что нужно, указавши на то, что я считаю необходимымъ работать въ полномъ контактѣ и въ полномъ единеніи съ

*) Это фактически не было выполнено, если только Колчакъ не ошибся въ датахъ.

Совѣтомъ министровъ. Затѣмъ тутъ же былъ намѣченъ планъ относительно такого совѣта, который былъ бы при мнѣ для экстренныхъ вопросовъ и, главнымъ образомъ, для рѣшенія вопросовъ иностранной политики, такъ называемаго совѣта верховнаго правителя, состоящаго изъ пяти членовъ, въ который могли вызываться отвѣтственныя лица.

„Затѣмъ поднялся вопросъ о томъ, что же дѣлать сейчасъ. Я сказалъ, что въ городѣ ходитъ масса самыхъ фантастическихъ слуховъ, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считалъ самымъ правильнымъ судебное разбирательство въ открытомъ засѣданіи для того, чтобк, во-первыхъ, снять нареканія на лицъ, совершившихъ этотъ переворотъ, а, во-вторыхъ, потому что это лучшій способъ освѣдомленія. Я сказалъ, что никогда не допущу кары надъ этими лицами, такъ какъ за то, что они это сдѣлали — я принялъ уже всѣ послѣдствія на себя. Но это одинъ изъ способовъ придать гласность самому обстоятельству совершившагося переворота“ (176).

Въ промежутокъ между двумя засѣданіями Вологодскій прислалъ Колчаку письмо, въ которомъ непремѣннымъ условіемъ сохраненія имъ поста предсѣдателя Совѣта министровъ ставилъ личную неприкосновенность членовъ Директоріи *).

„На этомъ же засѣданіи Совѣта — продолжаетъ Колчакъ — былъ рѣшенъ вопросъ о личной судьбѣ членовъ Директоріи. Я сообщилъ, что я приказалъ пе-

*) Съ аналогичнымъ письмомъ къ Колчаку 19-го обратился и Уордъ: „Я уже говорилъ вамъ о моей увѣренности, что моя страна очпувствуетъ серьезное огорченіе, если указанные арестованные подвегнутся какому-нибудь оскорблеiю безъ соотвѣтствующаго суда надъ ними“ (86). „Я хорошо также зналъ страхъ моихъ соотечественниковъ передъ диктатурой — добавляетъ въ воспоминаніяхъ Уордъ— и если бы принятіе адм. Колчакомъ верховной власти было связано или ускорено убійствомъ его противниковъ безъ суда, содѣйствіе и вѣроятное признаніе британскимъ правительствомъ новой власти могло бы сдѣлаться невозможнымъ“.

ревести ихъ на квартиру, что я сдѣлалъ распоряженіе гарантировать имъ полную неприкосновенность, и что единственно разумное рѣшеніе, какое можно сдѣлать въ отношеніи этихъ лицъ — это предоставить имъ выѣхать за границу. Это было общее мнѣніе и Совѣта“ (177).

* * *

Разсказъ Колчака въ деталяхъ нѣсколько расходится съ заявленіемъ бывшихъ членовъ Директоріи, опубликованномъ ими за границей въ отвѣтъ на оффиціальное сообщеніе правительства о событіяхъ 18 ноября. Въ заявленіи слишкомъ много полемическихъ выпадовъ противъ неудачнаго во всѣхъ отношеніяхъ оффиціальнаго сообщенія, которое названо авторами заявленія „явно тенденціознымъ и лживымъ“. Слишкомъ неблагодарная работа взаимно анализировать два акта — легко усмотрѣть, что тенденціозно и противорѣчиво*) и заявленіе арестованныхъ. Неточности, которыя можно легко отмѣтить, особенно въ датахъ, разсказа Колчака при сопоставленіи его съ „заявленіемъ“, не имѣютъ большого значенія и не измѣняютъ общей картины. Тѣмъ не менѣе, для соблюденія извѣстнаго безпристрастія, приведемъ отрывокъ и изъ заявленія арестованныхъ:

„Несмотря на то, что о нашемъ арестѣ Совѣту министровъ, въ томъ числѣ Министру Юстиціи, стало извѣстно утромъ 18 ноября, и не только объ этомъ арестѣ, но и о нашемъ мѣстонахожденіи, — г. Старынкевичъ явился къ намъ лишь только около двухъ часовъ дня 19 ноября, заявивъ, что только часъ тому назадъ ему удалось узнать о нашемъ мѣстонахожденіи, и что онъ прибылъ, по полномочію Совѣта министровъ, объявить намъ, что мы свободны, т. е. освобождаемся отъ стражи, но что вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ нашей еще не разрѣшенъ...

*) Въ особенности при сопоставленіи съ болѣе раннимъ „интервню“ Авксентьева.

„Г. Старынкевичъ... предложилъ намъ впредь до рѣшенія г. Колчакомъ и Совѣтомъ министровъ вопроса о дальнѣйшей судьбѣ остаться „свободными“ въ томъ помѣщеніи, гдѣ мы находились подъ „надежнымъ“, съ его точки зрѣнія, карауломъ, ибо онъ не можетъ гарантировать нашей неприкосновенности въ другомъ мѣстѣ. Мы отвергли это предложеніе, указавъ на полное отсутствіе гарантіи неприкосновенности и предпочли переѣздъ куда-нибудь въ предѣлы города“.

„Указывая на отсутствіе гарантій неприкосновенности, мы имѣли въ виду постоянную опасность со стороны тѣхъ, въ чьихъ рукахъ мы находились; и на это мы имѣли достаточныя основанія... мы находились подъ живымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ картинъ своего ареста, въ теченіе котораго офицеры, частью пьяные, съ револьверами въ рукахъ позволяли себѣ грубыя издѣвательства и недвусмысленныя угрозы немедленной расправы“.

„Итакъ мы предпочли переѣздъ въ городъ и выбрали квартиру Авксентьева, куда насъ и доставилъ г. Старынкевичъ въ своемъ автомобилѣ. Въ квартирѣ была поставлена, по распоряженію г. Старынкевича, стража изъ трехъ офицеровъ, опять-таки изъ отряда Красильникова, при чемъ мин. юстиціи объявилъ, что мы имѣемъ право свободнаго выхода изъ квартиры и вообще свободнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ, съ той, однако, оговоркой, что онъ, г. Старынкевичъ, не можетъ дать намъ гарантіи неприкосновенности, если мы пожелаемъ поселиться свободно по своимъ квартирамъ“ (Зензиновъ. 162-163).

Для психологіи момента имѣло бы значеніе выясненіе одной детали, которую выдѣляютъ пострадавшіе. Они утверждаютъ, что мин. юстиціи уже утромъ 18 ноября зналъ о мѣстонахожденіи арестованныхъ... „Отъ офицеровъ — добавлялъ Авксентьевъ въ интервью — мы узнали, что министръ юстиціи, вмѣстѣ съ ат. Кра-

сильниковымъ, былъ въ казармахъ, гдѣ мы были помѣщены черезъ два часа послѣ нашего ареста". (Зензиновъ 178). Больше того, Аргуновъ прямо уже говоритъ, что мин. юстиціи скрылъ мѣстопребываніе арестованныхъ отъ Совѣта министровъ (37) *).

Вспомнимъ, что, по словамъ Колчака, кто-то на засѣданіи сообщилъ, что арестованные находятся въ штабѣ Красильникова. Слово теперь за самимъ Министромъ Юстиціи. Его воспоминанія могли бы разъяснить многое изъ того, что остается пока неяснымъ **). Въ частной бесѣдѣ со мной Старынкевичъ хронологически излагалъ дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ Колчакъ. Онъ утверждаетъ, что о мѣстѣ ареста онъ узналъ только утромъ 19-го, когда явился къ Колчаку, гдѣ въ передней встрѣтилъ стоявшихъ на вытяжку во фронтъ Красильникова и Катанаева, пришедшихъ съ повинной къ „верховному правителю". Внѣ всякаго сомнѣнія одно: появленіе Старынкевича въ казармахъ черезъ два часа послѣ ареста могло быть только при условіи, если Старынкевичъ принималъ самое непосредственное участіе въ „заговорѣ". Указаній на это нѣтъ никакихъ, и мнѣ это представляется совершенно невѣроятнымъ. И даже если бы Старынкевичъ принялъ то или иное участіе, нельзя предположить такого техническаго lapsus'а со стороны достаточно опытнаго и осторожнаго общественнаго дѣятеля. Я думаю, что въ датѣ засѣданія совѣта ошибся Колчакъ, объединившій въ одно засѣданіе то, что происходило на разныхъ засѣданіяхъ.

Характерно, несомнѣнно, то, что объ арестованныхъ на первомъ засѣданіи говорили мало, какъ-то ими не интересовались и ни у кого не было той мысли, которая

---

*) У Аргунова явное противорѣчіе, т. к. передъ тѣмъ онъ сказалъ: Совѣту мин. было немедленно доложено о нашемъ арестѣ и о мѣстѣ нашего ареста.

**) Въ эмиграціи С. С. Старынкевиаъ предложилъ б. членамъ Директоріи, выступавшимъ публично противъ него, третейскій судъ. Послѣдніе отказались, предлагая ограничиться печатной полемикой.

казалась столь естественной арестованнымъ: „Мы полагали — говорилъ Авксентьевъ въ интервью — что законное правительство, противозаконно подвергнутое аресту, а теперь освобожденное, снова сдѣлается законнымъ правительствомъ“. Но это было не такъ. Съ правовой точки зрѣнія Авксентьевъ правъ. Но фактическое положеніе дѣла было таково, что подобное рѣшеніе могло бы привести лишь къ кровавой развязкѣ: „если бы даже Совѣтъ Министровъ и призналъ необходимымъ возстановленіе Директоріи — говорилъ Ключниковъ въ парижскомъ докладѣ, — то у него не было бы совершенно силъ осуществить свое рѣшеніе. Это могло бы только стоить жизни Авксентьеву и Зензинову, которыхъ легко могли бы убить заговорщики при томъ настроеніи, въ которомъ послѣдніе находились“. Тѣ „пьяные“ офицеры, которые съ револьверомъ въ рукахъ угрожали арестованнымъ, конечно, могли бы и не остановиться передъ новымъ актомъ насилія, тѣмъ болѣе, что измѣненіе характера правительственной власти считалось ими необходимымъ во имя интересовъ родины. Если нѣкоторые члены Совѣта знали или догадывались (что было нетрудно) о мѣстопребываніи арестованныхъ, если объ этомъ было сказано въ Совѣтѣ до 19 ноября, то ихъ молчаніе могло объясняться тѣми же опасеніями. Преждевременное вмѣшательство до выясненія конструкціи власти могло бы вызвать новые и неожиданные эксцессы...

Вернемся, однако, къ „заявленію“ б. членовъ Директоріи:

„Въ квартирѣ Аксентьева мы провели весь вечеръ и ночь на 20 ноября, совмѣстно рѣшая вопросъ о своемъ положеніи и принимая родственниковъ и знакомыхъ. Однако, и этому „свободному“ пребываніы скоро наступилъ конецъ. Уже вечеромъ у дома появилась усиленная стража. Ночью въ квартиру явился капитанъ Герке съ офицерами, которые въ грубой формѣ, съ револьверами въ рукахъ, потребовали сообщить, съ кѣмъ мы

имѣли сношенія и, въ особенности, нѣтъ ли у насъ какого либо сговора съ представителями чехо-словаковъ. А на слѣдующее утро квартира была окружена цѣпью солдатъ и намъ было заявлено, что мы подвергнуты полной изоляціи съ воспрещеніемъ общенія и проч." (163).

Обратимъ вниманіе на то, что кап. Герке допытывался, нѣтъ ли у арестованныхъ „какого-либо сговора съ представителями чехо-словаковъ"... Надо имѣть въ виду, что въ „интервью" Авксентьева, кромѣ „родственниковъ и знакомыхъ", поѣщавшихъ арестованныхъ, упомянуты и „кое кто изъ чеховъ" (179). Теперь отчасти становится понятенъ вопросъ Денике на допросѣ Колчака: „Не приходилось ли вамъ слышать, что въ то время, когда Авксентьевъ и Зензиновъ находились въ заключеніи, имъ черезъ нѣкоторыхъ лицъ предлагалось чехами выступленіе для ликвидаціи переворота". Колчакъ отвѣтилъ: „Такіе разговоры были, но точныхъ данныхъ никакихъ не было, и никакихъ шаговъ въ томъ направленіи не предпринималось" (Допросъ 188). Подобныя свѣдѣнія, какъ оказывается не совсѣмъ фантастическія, не могли не нервировать офицерскій отрядъ, дѣйствовавшій въ эти дни. И распоряженіе Колчака продолжить арестъ было весьма цѣлесообразно, — Старынкевичъ, ссылаясь въ бесѣдѣ съ арестованными на „нервную атмосферу" среди офицеровъ, отнюдь не преувеличивалъ возможную опасность. Въ интервью Авксентьева сказано... „они заявили, что охрана была приставлена къ намъ, чтобы оградить насъ отъ народнаго гнѣва — новая ложь, такъ какъ гнѣвъ народа былъ направленъ противъ узурпаторовъ" (181). Ну, до народа было далеко. Онъ просто отсутствовалъ во всемъ этомъ конфликтѣ и, какъ мы увидимъ, оставался глубоко равнодушнымъ къ судьбѣ Директоріи. „Гнѣвъ" реальный былъ не со стороны нѣкоего отвлеченнаго народа, а со стороны тѣхъ, которые „съ револьверомъ въ рукахъ" угрожали членамъ Директоріи, по собственному признанію послѣднихъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ — говоритъ заявленіе — черезъ г. Старынкевича — мы получили разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшей судьбѣ. Намъ предлагалось на выборъ: или выѣздъ, т. е. высылка за границу, или переводъ въ тюрьму въ какой нибудь отдаленный пунктъ Сибири. Свободное проживаніе гдѣ-либо на территоріи Россіи не считалось допустимымъ, и на этомъ основаніи Аргунову было отказано въ въѣздѣ въ г. Шадринскъ.

Очень сомнительно, чтобы Старынкевичъ ставилъ передъ арестованными такую диллему — повидимому, у Колчака не было никакихъ сомнѣній относительно высылки заграницу *). Что касается Аргунова, то Колчакъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „мы ему сказали, что черезъ нѣсколько времени онъ можетъ вернуться, но на первое время пускай выѣдетъ хоть въ Шанхай (179).

„Взвѣсивъ всѣ обстоятельства — продолжаетъ „заявленіе" — мы выбрали высылку заграницу, при чемъ дали согласіе на то, что во время пути въ предѣлахъ сибирской территоріи не будемъ заниматься агитаціей и что ѣдемъ, какъ частныя лица...

„Уже послѣ того, какъ мы дали согласіе на высылку заграницу съ указанными условіями и назначенъ былъ часъ выѣзда, намъ начали предъявлять отъ имени Колчака и совѣта министровъ уполномоченные ген. Хорошкинъ и министръ ин. дѣлъ Ключниковъ новыя условія, которыя были нами отклонены; среди этихъ условій слѣдуетъ отмѣтить два наиболѣе характерныя по своей беззастѣнчивости: 1) не позвращаться въ Россію впредь до образованія единаго правительства на всей территоріи Россіи и 2) отказаться отъ какихъ либо выступленій за границей противъ вновь образованной въ г. Омскѣ власти. Поздно вечеромъ мы были увезены на вокзалъ" (164)...

---

*) Арестованные въ своемъ „заявленіи" разсказываютъ о посѣщеніи ихъ кап. Герке съ аналогичнымъ предложеніемъ отъ имени какого-то „высокопоставленнаго лица". Возможно, отсюда и проистекало смѣшеніе.

„Нашу охрану — продолжаетъ Авксентьевъ — составляли пятнадцать офицеровъ отряда Красильникова, около 30 солдатъ, отрядъ пулеметной команды и 12 англійскихъ солдатъ съ офицеромъ. Послѣдніе были присоединены къ отряду, такъ какъ мы настаивали на международныхъ гарантіяхъ нашей безопасности. Когда поѣздъ тронулся, офицеръ — начальникъ конвоя — показалъ намъ инструкцію Колчака, въ которой говорилось, что мы должны содержаться подъ строжайшиимъ арестомъ и не имѣть никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Въ случаѣ попытки къ побѣгу, или при попыткѣ освобождать насъ извнѣ, мы должны быть разстрѣлены на мѣстѣ“ (Зензиновъ, 181).

Сопоставимъ эти слова съ разсказомъ Колчака.

„Со Старынкевичемъ я обсуждалъ вопросъ, какъ ихъ отправить. Было рѣшено взять экстренный поѣздъ съ вагономъ для охраны ихъ. Я немного опасался какихъ нибудь выступленій по дорогѣ, такъ какъ мнѣ говорили о возможности нападенія на нихъ, и я обдумывалъ, какъ бы гарантировать ихъ отъ этого. Я воспользовался близостью и знакомствомъ съ Уордомъ и просилъ его вообще дать мнѣ конвой изъ 10—12 англичанъ, который по дорогѣ гарантировалъ бы отъ какихъ нибудь внѣшнихъ выступленій противъ членовъ Директоріи.

„Уордъ съ большимъ удовольствіемъ согласился...

„Затѣмъ я со Старынкевичемъ рѣшилъ вопросъ о томъ, какія суммы имъ нужно дать. На вопросъ, куда они предполагаютъ ѣхать, члены Директоріи отвѣтили, что они хотятъ ѣхать въ Парижъ и имъ была выдана сумма приблизительно 75.000—100 т. рублей каждому въ этотъ же день...*) „Вечеромъ я вызвалъ начальника конвоя и сказалъ ему, что онъ отвѣчаетъ непосредственно передо мною за цѣлость и неприкосновенность этихъ лицъ и за малѣйшую попытку, противъ нихъ на-

*) Золотой рубль въ это время равнялся въ среднемъ 5 руб.

правленную. Затѣм я сказалъ, что если будетъ попытка съ цѣлью нападенія на нихъ, или наоборотъ — съ цѣлью освобождеоія ихъ, тогда дѣйствовать оружіемъ безъ всякихъ разговоровъ“ (178—79).

Версія Колчака относительно инструкціи начальнику конвоя гораздо болѣе правдоподобна, чѣмъ та, которую передалъ Авксентьевъ въ интервью, а Зензиновъ въ воспоминаніяхъ „Изъ жизни революціонера“ (118). Правдоподобна уже потому, что арестованныхъ сопровождалъ и англійскій конвой. Колчакъ больше всего боялся какой нибудь расправы по дорогѣ и онъ охранялъ жизнь высланныхъ. Англійскій подпоручикъ Корнишъ-Гоуденъ доносилъ потомъ по начальству:

„Проѣздъ былъ спокоенъ. Почти всѣ большіе города, гдѣ предполагались волненія, мы проѣхали ночью...

Уже здѣсь (т. е. въ Харбинѣ) офицеръ, командовавшій русской охраной, увѣдомилъ меня, что все движеніе на перегонѣ Иркутскъ—Чита пріостановлено по приказанію ген. Семенова, и что поѣзда тщательно обыскивались съ цѣлью обнаруженія высылаемыхъ послѣ того, какъ мы уже прослѣдовали. Впрочемъ, никакихъ данныхъ для подтвержденія этого у меня не имѣется“ (87).

ГЛАВА III.

Послѣ переворота.

1. ГЕНЕРАЛЪ БОЛДЫРЕВЪ.

Въ дни омскаго переворота, верховный главнокомандующій, членъ Директоріи Болдыревъ отсутствовалъ. Онъ былъ на фронтѣ. Получивъ сообщеніе въ Уфѣ о паденіи Директоріи, онъ записываетъ 18-го: „Иллюзій больше не оставалось. Война или уходъ отъ власти — другихъ путей не было".

„Надо было ѣхать въ Челябинскъ. Безъ предварительнаго переговора съ чехами (Сыровой и Нац. Совѣтъ) я въ тѣхъ условіяхъ не могъ принять крайнихъ мѣръ, т. е. объявить себя единственной законной властью, и бунтовщиками Колчака и Омскій Совѣтъ министровъ. Для меня было совершенно ясно содѣйствіе Колчаку со стороны англичанъ (Ноксъ, Родзянко, Уордъ) и благожелательное сочувствіе французовъ. Осуществленная Омскомъ идея военной диктатуры пользовалась сочувствіемъ большинства офицеровъ, буржуазіи и даже части сильно поправѣвшихъ демократическихъ группъ...

„Въ сложившихся условіяхъ возстановленіе правъ пострадавшихъ Авксентьева и Зензинова силой не было бы популярнымъ, оно невольно связывало бы меня и съ Черновской группой, къ которой я самъ лично относился отрицательно.

„Какъ ни ничтожны были по моральному вѣсу группы, совершившія переворотъ, онѣ требовали опредѣленной вооруженной силы для ихъ ликвидаціи и за время моего продвиженія къ Омску могли значительно окрѣпнуть, просто подгоняемыя чувствомъ самосохраненія. Такимъ образомъ, для похода на Омскъ надо было снять войска съ фронта и тѣмъ самымъ ослабить важнѣйшее Уфимское направленіе, или взять таковыя изъ Челябинска, но тамъ были войска изъ состава Сибирской арміи съ начальниками, тѣсно связанными съ Омскомъ.

„Въ 9 час. веч. ко мнѣ прибылъ особоуполномоченный Директоріи въ Уфѣ, Знаменскій. Онъ зналъ уже о случившемся и вмѣстѣ съ Совѣтомъ управляющихъ вѣдомствами не только былъ въ оппозиціи совершившемуся, но и приступилъ къ немедленной, правда, пока словесной борьбѣ. Онъ просилъ меня пріѣхать на засѣданіе Совѣта и высказать свое рѣшеніе.

„Я не далъ окончательнаго отвѣта — меня тревожили возможныя осложненія на фронтѣ, тѣмъ болѣе, что предварительный разговоръ мой на эту тему съ генераломъ Войцеховскимъ убѣдилъ меня, что большая часть офицерства встрѣтила вѣсть о диктатурѣ сочувственно...

Челябинскъ, 19 ноября.

„Роли перемѣнились. Пошелъ въ вагонъ къ Сыровому. Націон. Чехо-Совѣт. и Сыровой рѣзко противъ переворота, при этомъ Сыровой добавилъ, что и Жаненъ и Стефанекъ (воен. министръ Чехо-Словакіи), съ которыми онъ говорилъ по аппарату (съ Владивостокомъ, гдѣ они оба находились) запретили чехамъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла и указали на необходимость прочно держать фронтъ. Исходя изъ этихъ соображеній и имѣя двухъ верховныхъ главнокомандующихъ — меня и Колчака, — Сыровой отдалъ приказъ — ни чьихъ распоряженій, кромѣ его, не исполнять.

„Создавалось нелѣпое положеніе. Колчакъ фактилески не могъ управлять фронтомъ: начальники, получившіе его приказы, не могли исполнять ихъ, имѣя въ виду приказъ непосредственнаго начальника, ген. Сырового...

„Выяснилось къ тому времени и настроеніе моей ставки. Тамъ сочувствовали перевороту, работа продолжалась, всѣ на мѣстахъ...

„Вечеромъ предстояла крайне тяжелая необходимость поѣхать на банкетъ въ честь проѣзжавшихъ французовъ. Настроеніе подавленное. Человѣческая подлость не ослабляется даже тяжелыми политическими тревогами... Никакихъ политическихъ заявленій, конечно, я не сдѣлалъ; этого, кажется, больше всего опасался сидѣвшій рядомъ со мной французскій майоръ Пишонъ...

„Передъ отъѣздомъ я переговорилъ съ бывшими на банкетѣ военными. Чувствовалось, что и ихъ ухо пріятно ласкала диктатура. Не знаю, можетъ быть, изъ вѣжливости всѣ дѣлали видъ, что было бы лучше, если бы диктаторомъ былъ я... Вечеромъ говорилъ по аппарату съ Колчакомъ. Привожу разговоръ полностью*).

...„Я не получилъ отъ васъ отвѣта въ отношеніи вопроса о Верховномъ Главнокомандованіи и долженъ васъ предупредить, что, судя по краткой бесѣдѣ съ ген. Дитерихсомъ, и въ этомъ отношеніи нанесенъ непоправимый ударъ идеѣ суверенности народа, въ видѣ того уваженія, которое въ моемъ лицѣ упрочилось за титуломъ Верховнаго Главнокомандованія и со стороны войскъ русскихъ и со стороны союзниковъ. Я не ошибусь, если скажу, что вашихъ распоряженій, какъ Верх. Главнокомандующаго, слушать не будутъ. Я не позволилъ себѣ въ теченіе двухъ сутокъ ни одного слова ни устно, ни письменно, не обращался къ войскамъ и все ждалъ, что въ Омскѣ поймутъ все безуміе совер-

*) Приводимъ съ значительнымъ сокращеніемъ.

шившагося факта и, ради спасенія фронта и нарождавшагося спокойствія въ странѣ, болѣе внимательно отнесутся къ дѣлу. Какъ солдатъ и гражданинъ, я долженъ вамъ честно и открыто сказать, что я совершенно не раздѣляю того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимымъ возстановленіе Директоріи, немедленное освобожденіе и немедленное же возстановленіе въ правахъ Авксентьева и др. и сложенія вами вашихъ полномочій. Я считалъ долгомъ чести высказать мое глубокое убѣжденіе и надѣюсь, что вы будете имѣть мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы въ сколько нибудь правовомъ государствѣ были допущены такіе пріемы, какіе были допущены по отношенію членовъ правительства, и чтобы представители власти, находившіеся на мѣстѣ, могли спокойно относится къ этому событію, и только констатировать его, какъ совершившійся фактъ. Прошу мое мнѣніе довести до свѣдѣнія Совѣта Министровъ.

„Разговоръ этотъ, конечно, совершенно опредѣленно обрисовалъ мою позицію. Тѣмъ не менѣе, меня терзали сомнѣнія, хорошо ли я дѣлаю, уступая власть захватчикамъ.

„Бесѣда съ чехами ставила меня, по крайней мѣрѣ въ первое время, въ изолированное положеніе. Въ связи съ указаніемъ, полученнымъ Сыровымъ отъ Жанена и Стефанека, я могъ встрѣтить съ ихъ стороны затрудненія съ переброской войскъ къ Омску.

„Въ моемъ положеніи надо было имѣть всѣ 100 шансовъ на успѣхъ, иначе это была бы лишняя, осложняющая положеніе авантюра...

„Челябинскъ. 20 ноября.

„Продолжается мучительная работа мозга. „Что дѣлать?“ — вопросъ этотъ отнюдь не потерялъ своей остроты.

„Дольше оставаться въ Челябинскѣ не было смысла, если не подымать фронта противъ Омска.

„Голосъ благоразумія все настойчивѣе убѣждалъ временно уйти, не дѣлать новыхъ осложненій въ арміи. У каждаго политическаго дѣятеля и свое время и своя судьба...

„Явились новыя предложенія борьбы съ Омскомъ. Представители мѣстной демократіи заявили, что на первое время есть даже и деньги. Вырисовывались нѣкоторые шансы на успѣхъ, но они должны были вызвать большія осложненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и создать ореолъ мученичества Колчаку и его сотрудникамъ, если бы они, не показавъ себя, принуждены были уйти отъ власти. Пусть покажутъ...“ (110—114).

„Новыя предложенія“ — это воззваніе эс-эровъ, шансы которыхъ на выступленіе въ дѣйствительности Болдыревъ оцѣнивалъ невысоко:

„Учитывая всѣ тѣ настроенія, которыя сложились за послѣднее время противъ всего, что связано, какъ со Съѣздомъ членовъ У. С., такъ и вообще съ партіей эс-эровъ, можно было смѣло утверждать, что въ тѣхъ слояхъ, которые проявляли то или иное активное участіе въ борьбѣ, воззванія эти почвы имѣть не будутъ. Массы же подготовлены не были...

„Какъ странно!“ — добавляетъ онъ ниже: „Тамъ, гдѣ, казалось, должно было быть наиболѣе яркое выраженіе воли къ борьбѣ, наоборотъ, настроеніе далеко не боевое“.

Я нарочно вновь изложилъ психологію Болдырева его собственными словами, хотя надо имѣть въ виду, что эта поденная запись, въ дѣйствительности, была написана уже въ Токіо. Колебанія Болдырева очевидны. Запись 20 ноября заканчивается словами: „Только что разорвалъ проектъ приказа и обращенія къ населенію. Ѣду въ Омскъ“ *)... Онъ хотѣлъ выступить и... остановился. Не такъ велики были его шансы на успѣхъ.

*) При первомъ сообщеніи о переворотѣ Болдыревъ на всякій случай поспѣшилъ произвести Каппеля въ генералы.

Трезво обдумывая, онъ видѣлъ это воочію. Поэтому не одно только желаніе не возбуждать „междоусобной войны", какъ говорилъ онъ позже Будбергу (А. Р. Р. XIII, 271) и какъ утверждаетъ Аргуновъ (39), остановили Болдырева. Полк. Пишонъ, расцѣнивая шансы Колчака и Болдырева, полагаетъ, что сочувствовала перевороту сѣверная группа Гайды, состоявшая изъ сибиряковъ, противъ переворота были войска въ центрѣ и на югѣ — добровольцы Самары и Уфы, „10.000 рабочихъ-соціалистовъ" Ижевскихъ и Воткинскихъ заводовъ и чехи (M. Sl. 25, II, 258). Разсчетъ здѣсь шелъ безъ хозяевъ. Ижевскія и Воткинскія дивизіи оказались лучшими колчаковскими войсками, „добровольцы" Народной Арміи отнюдь не были горячими сторонниками бывшаго самарскаго правительства*). Но Пишонъ полагаетъ, что послѣ отказа Сырового, котораго Болдыревъ пытался убѣдить выступить, Болдыреву ничего не оставалось дѣлать, какъ ѣхать въ Омскъ (262). Единственная сила, на которую могъ бы опереться Болдыревъ, были чехи. Но чехи „оказались не вполнѣ хозяевами себя, ибо переворотъ взяли подъ свое покровительство англичане". Такъ опредѣляетъ положеніе Кроль (160). Въ отношеніи англичанъ, я употребилъ бы другой терминъ: они не брали переворота подъ свое покровительство, а санкціонирали то, что явилось послѣ переворота. Нюансъ значительный. „Я демократъ — пишетъ Уордъ — вѣрящій въ управленіе народа черезъ народъ, началъ видѣть въ диктатурѣ единственную надежду на спасеніе остатковъ русской цивилизаціи и культуры. Слова и названія никогда не пугали меня. Если сила обстоятельствъ ставитъ передо мной проблему для рѣшенія, я никогда не позволяю, чтобы предвзятыя понятія или идеи, выработан-

---

*) На разность настроеній Сибирской и Народной Арміи указываетъ и Колчакъ. Недоразумѣніе это основывалось только на томъ, что Народн. Армія формально вначалѣ шла какъ бы подъ знаменемъ Стараго У. С.

ныя абстрактно, безъ провѣрки на опытѣ живой дѣйствительности, могли измѣнить мое сужденіе въ выборѣ того или иного выхода; и я осмѣлюсь думать, что еслибы тѣ же обстоятельства предстали вообще передъ англичанами, то девять изъ десяти поступили бы такъ же, какъ я" (89) *).

* * *

Въ первые дни послѣ переворота самъ Уордъ склоненъ изображать положеніе болѣе серьезно, чѣмъ оно было въ дѣйствительности и значительно преувеличивать свою роль. Онъ пишетъ: „позиція чешскихъ войскъ въ Омскѣ сдѣлала невозможнымъ для нихъ приближеніе къ мѣсту, гдѣ засѣдали министры, безъ того, чтобы не наткнуться на британцевъ, а мои пулеметы командовали надъ каждой улицей, которая вела къ помѣщенію русской главной квартиры" (82).

Легра передаетъ слухъ, что Болдыревъ получилъ предупрежденіе отъ Нокса, что въ случаѣ его выступленія и побѣды надъ Колчакомъ, онъ не будетъ впредь получать никакой помощи отъ англичанъ (M. Sl., 28, II, 167)**).

Такъ или иначе чешская военная власть рѣшила не выступать въ пользу Директоріи и сохранить нейтралитетъ въ русскихъ дѣлахъ: 20-го ноября Сыровымъ, въ качествѣ представителя иностранной союзной страны и лица, отвѣтственнаго передъ союзниками и передъ русскими за войска на фронтѣ, сражающіяся противъ внѣшняго врага, былъ изданъ приказъ по арміи, запрещавшій подъ угрозой преданія военному суду всякаго рода политическую пропаганду на фронтѣ, изданіе и распростра-

*) Офиціозная „Русская Армія" 19 ноября приводила отзывъ Уорда: ...„Россія можетъ быть спасена только установленіемъ единой верховной власти, цѣль которой — созданіе національнаго правительства".

**) По словамъ Пишона отношенія чеховъ къ Колчаку явились неожиданностью для англійской дипломатіи, и она поспѣшила ихъ задобрить: Гайда, Сыровой, Чечекъ получили высшіе англійскіе ордена. Было одновременно роздано 300 наградъ чешскимъ войскамъ (M. Sl. 25, II, 264).

неніе воззваній, не санкціонированныхъ главнокомандующимъ.

Приказомъ „временно", въ военной зонѣ вводилась цензура для газетъ и другихъ печатныхъ произведеній. Не будутъ разрѣшаться — объявлялъ Сыровой — изданія, возбуждающія различныя политическія партіи другъ противъ друга, могущія вызвать ослабленіе дисциплины и посѣять разладъ среди войскъ на фронтѣ...

На другой день появилась, однако, декларація чехословацкаго Нац. Совѣта за подписью Патейдля и Свободы, ставившая вопросъ по иному:

„Чехо-словацкій національный совѣтъ (отдѣленіе въ Россіи), чтобы пресѣчь распространеніе разныхъ слуховъ о его точкѣ зрѣнія на текущія событія, заявляетъ, что чехо-словацкая армія, борющаяся за идеалы свободы и народоправства, не можетъ и не будетъ ни содѣйствовать, ни сочувствовать насильственнымъ переворотамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ этими принципами. Переворотъ въ Омскѣ отъ 18 ноября нарушилъ начало законности, которое должно быть положено въ основу всякаго государства, въ томъ числѣ и Россійскаго. Мы, какъ представители чехо-словацкаго войска, на долю котораго въ настоящее время выпала главная тяжесть борьбы съ большевиками, сожалѣемъ о томъ, что въ тылу дѣйствующей арміи силами, которыя нужны на фронтѣ, устраиваются насильственные перевороты. Такъ продолжаться больше не можетъ. Чехо-словацкій національный совѣтъ (отдѣленіе въ Россіи) надѣется, что кризисъ власти, созданный арестомъ членовъ Всерос. Врем. Правительства, будетъ разрѣшенъ законнымъ путемъ и потому считаетъ кризисъ незаконченнымъ". („Хр." Пр. 145).

Декларація, по мнѣнію Пишона, ...„ставила чехословаковъ въ состояніе скрытой враждебности по отношенію ко всѣмъ русскимъ сторонникамъ новаго режима *)" (263).

*) Коммунистическую басню, которой не вѣритъ и Пишонъ, объ участіи Сырового въ переворотѣ можно оставить безъ разсмотрѣнія.

На этой почвѣ среди самихъ чеховъ произошли значительныя осложненія. Чешскій генералитетъ послѣ выступленія Нац. Совѣта постановилъ 25 ноября просить прибывающаго Стефанека произвести прежде всего реформу Нац. Совѣта (Пишонъ 264). Но пока оставимъ въ сторонѣ внутреннія чешскія дѣла. Ограничимся только цитатами изъ разъяснительной декларацiи Н. С., появившейся въ „Чехо-Словацкомъ Дневникѣ" (№ 241) 28 ноября:

„...Мы были вынуждены сдѣлать эту декларацію, ибо пропаганда новаго правительства занималась не только утвержденіемъ, что она опирается на союзниковъ, но говорила о поддержкѣ чехословацкой арміи, или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторыхъ нашихъ представителей "*)... Касаясь заявленія, что чехосовѣтъ не считаетъ правительственный кризисъ законченнымъ, разъясненіе говоритъ:

„Мы имѣли полное право сказать это, потому что большинство (?) элементовъ, присутствовавшихъ при организацін всероссійской власти, высказалось противъ переворота и до сихъ поръ не уточнило своего взгляда. О нашей декларацiи говорили, что это интервенція во внутреннія русскія дѣла. Въ настоящемъ положенiи Россіи можно быть различныхъ мнѣній о возможности или своевременности подобной интервенціи: но наша декларація — не интервенція. Нашимъ выступленіемъ мы способствовали созданію настоящаго положенія Россіи, и безъ насъ ни Сибирь, ни Уралъ не были бы освобождены отъ большевиковъ: слѣдовательно мы несемъ извѣстную отвѣтственность передъ всемірной исторіей... особенно на насъ почти всецѣло лежитъ отвѣтственность за антибольшевицкій Уральскій фронтъ.

Итакъ, мы были вынуждены сказать свое мнѣніе нашей арміи, русскимъ войскамъ на фронтѣ, а также и населенію въ зонѣ военныхъ дѣйствій, и сказать самымъ яснымъ образомъ, приглашая ихъ въ то же время сохранять спокойствіе и исполнять свой долгъ".

---

*) Такого „утвержденія" я нигдѣ въ оффиціальныхъ документахъ не нашелъ.

* * *

Вернемся вновь къ Болдыреву, который 21 выѣхалъ въ Омскъ. Онъ записываетъ:

„Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови — 52 офицера съ пулеметами были при мнѣ въ поѣздѣ и поклялись, что даромъ не умрутъ*).

„Въ $3^1/_2$ ч. вечера прибыли въ Омскъ. Встрѣтилъ штабъ-офицеръ ставки, доложилъ, что адмиралъ очень проситъ меня къ нему заѣхать...

„Я спокойно заявилъ (Колчаку), что при создавшихся условіяхъ, ни работать, ни оставаться на территоріи Сибири не желаю. Это было большой ошибкой съ моей стороны. Я далъ выходъ Колчаку. Онъ горячо схватился за эту мысль, какъ временную мѣру, и называлъ даже Японію или Шанхай...

„Въ дальнѣйшемъ разговоръ коснулся трудности общаго положенія; я замѣтилъ Колчаку, что такъ и должно быть. „Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему можетъ погубить не только васъ, но и дѣло, начатое въ Сибири".

„Адмиралъ вспыхнулъ, но сдержался. Разстались любезно. Теперь всѣ пути отрѣзаны — итакъ отдыхъ...

„Утромъ послалъ письмо Колчаку, которымъ подтвердилъ мое рѣшеніе уѣхать изъ Сибири.

„При письмѣ — коротенькое прощальное обращеніе къ арміи. Гуковскій **) передалъ это письмо лично Колчаку, который сейчасъ же отдалъ необходимыя распоряженія ***) (116).

---

*) Поводомъ безпокойства Болдырева было то, что онъ получилъ отъ Колчака въ Уфѣ, 19-го, телеграфное требованіе: „Приказываю вамъ немедленно прибыть въ Омскъ. Неисполненіе моего приказа буду считать, какъ актъ неповиновенія мнѣ и постановленію Всероссійскаго Правительства". Первоначально Колчакъ хотѣлъ сохранить за Болдыревымъ постъ Верх. Главнок. или сдѣлать его военнымъ министромъ, но послѣ моего разговора — говоритъ Б. — это сдѣлалось невозможнымъ (117).

**) Адъютантъ Болдырева.

***) Въ воззваніи къ арміи Болдыревъ завѣщалъ помнить, что будущее Россіи на фронтѣ и въ созданіи единой боеспособной арміи.

Письмо къ Колчаку Болдыревъ заканчиваетъ словами: „Если бы вы пожелали выслушать мою болѣе подробную характеристику положенія на фронтѣ и оцѣнку политическихъ круговъ въ прифронтовой полосѣ въ связи съ происшедшими событіями, я охотно это исполню". Свиданіе состоялось 24 ноября. 27-го у Болдырева запись: „Завтра уѣзжаемъ въ добровольное изгнаніе". 28-го: „Предполагалъ отложить отъѣздъ на 1—2 дня... Но это видимо, не входило въ разсчетъ противниковъ... приходилъ желѣзно-дорожный офицеръ, который отъ имени генералъ-квартирмейстера ставки сообщилъ, что „въ видахъ личной безопасности генерала, нежелательно откладывать отъѣздъ... Приказалъ позвонить Колчаку, что прошу его принять меня... Около часа былъ у Колчака и прямо спросилъ его: „Это отъ васъ исходитъ странное предупрежденіе о необходимости, въ виду моей личной безопасности, сегодня же выѣхать, или это работа вашего штаба вашимъ именемъ?"

„Колчакъ, — не знаю искренно или нѣтъ — забезпокоился, что ему ничего не извѣстно, что онъ ничего не имѣетъ противъ отсрочки отъѣзда, что это, вѣроятно, недоразумѣніе.

„Однако, едва я пріѣхалъ домой, Колчакъ попросилъ меня къ телефону и сообщилъ, что ему доложили о какихъ то событіяхъ, которыхъ онъ допустить не можетъ, а потому было бы лучше не откладывать отъѣзда.

„Мнѣ стало уже противно. Рѣшилъ уѣхать" (118).

При печатаніи „Дневника" Болдыревъ пропустилъ фразу, которую въ примѣчаніи возстанавливаетъ большевицкій редакторъ: „Прощаясь, я сказалъ, что въ тяжелую минуту я, не принимая участія въ правительствѣ, отъ командной роли не откажусь". (Прим. 119) Возможностью такого рѣшенія, какъ сообщали потомъ Болдыреву, была очень обезпокоена „демократія".

Будетъ крѣпокъ фронтъ и крѣпка духомъ армія — будетъ обезпечено и возсозданіе Великой Россіи.

Приведенный разсказъ съ достаточной отчетливостью свидѣтельствуетъ, насколько неправъ Зензиновъ въ своемъ утвержденіи, что Болдыревъ былъ также высланъ (53) *). Поводъ для такой трактовки далъ, однако, самъ Болдыревъ, назвавъ свой отъѣздъ „до извѣстной степени" вынужденнымъ. Болдыреву не хотѣлось уѣзжать. Недаромъ онъ записываетъ уже послѣ окончательнаго рѣшенія „уѣхать": „кое кто изъ друзей, въ томъ числѣ чехи, все еще надѣялись вернуть меня къ посту Главковерха". Позиція Болдырева все время нѣсколько двойственна и противорѣчива. Она такой осталась и впослѣдствіи **).

Во Владивостокѣ Болдыревъ 20 декабря получилъ черезъ коменданта крѣпости Бутенко предупрежденіе о желательности скорѣйшаго отъѣзда. Аналогичная просьба направлена была Болдыреву телеграммой на имя его адъютанта изъ омской ставки. Въ телеграммѣ, по словамъ автора воспоминаній, было сказано, „что, зная мою любовь къ Родинѣ, просятъ доложить мнѣ ихъ просьбу, ради общей пользы не задерживать мой отъѣздъ за границу" (129). Позже Болдыреву было сообщено, что онъ выѣхалъ изъ Владивостока своевременно: подготовлялся его арестъ и насильственная высылка за границу. Болдыревъ негодуетъ и не понимаетъ, почему тамъ безпокоятся ***)... А между тѣмъ основаніе было. Колчаку донесли, что Болдыревъ во Владивостокѣ имѣетъ встрѣчи съ эс-эрами и земцами на предметъ сверженія Колчака при помощи японцевъ. Комментаторъ „Днев-

*) Если-бы онъ былъ „высланъ", то, очевидно, долженъ былъ бы получить прогоны въ томъ размѣрѣ, въ которомъ получили б. члены Директоріи. Онъ получилъ, согласно закону, трехмѣсячное вознагражденіе. Версія Зензинова уже просочилась въ литературу. Авторъ новой работы о чехословацкой акціи въ Россіи, Драгомирецкій, безоговорочно ее повторяетъ (80).

**) См. мою статью „Воспоминанія ген. Болдырева". „Голосъ Минувшаго" 1926, № 2 (XV).

***) Въ не напечатанныхъ строкахъ онъ говоритъ: „Если это не пустая сплетня, то хороши мерзавцы — убираютъ все, что мѣшаетъ авантюрѣ и мелкому эгоизму" (Прим. 151).

ника“ добавляетъ: „утверждаютъ, что агенты въ своихъ утвержденіяхъ не ошиблись“ (Прим. 131). Страница эта неясна, но черезъ годъ, дѣйствительно, Болдыревъ велъ такую переписку (не по своей инициативѣ) съ владивостокскими „земцами“.

2. ЭС-ЭРОВСКАЯ АКЦІЯ.

Колебанія Болдырева въ Уфѣ отчасти были связаны съ инициативой, которая шла отъ екатеринбургскихъ и уфимскихъ эс-эровъ. Шансы этой инициативы Болдыревъ, какъ мы знаемъ, оцѣнивалъ не очень высоко, сходясь въ данномъ отношеніи съ Майскимъ: „Никто ничего не зналъ, никто не имѣлъ никакихъ плановъ и, что самое скверное, ни въ комъ не чувствовалось воля къ дѣйствію и къ борьбѣ“ (335). Но это не мѣшало руководителямъ партіей бряцать оружіемъ и грозить отъ имени „полномочныхъ органовъ демократіи“*).

...„Скорѣе радость, а не уныніе просвѣчивали въ настроеніи большинства собравшихся“ 18 ноября въ номерѣ Чернова въ екатеринбургскомъ „Пале-Рояль“. „Было ясно, что недостойной комедіи, какую представлялъ изъ себя противоестественный блокъ революціи съ реакціей, пришелъ конецъ... цѣли становились и ясными и опредѣленными... для всѣхъ демократовъ безъ различія направленій рѣшительная борьба съ реакціей“... Такъ пишетъ Святицкій (96). Къ его изложенію мы вновь должны прибѣгнуть, такъ какъ пока это главный источникъ ознакомленія съ тѣмъ, что за кулисами дѣлалось въ описываемое время въ нѣдрахъ партіи с.-р. Въ номерѣ Чернова произошло столкновеніе между „лиде-

*) Одинъ изъ видныхъ эс-эровъ (военный — имени его Утгофъ не называетъ) такъ охарактеризовалъ въ интимной бесѣдѣ положеніе: „у насъ силъ хватитъ, чтобы арестовать и осилить колчаковцевъ. Ну а дальше что? Кто будетъ министромъ? Тотъ же Вольскій, Черновъ и К-о... Ради этого, разумѣется, не стоитъ начинать возстанія“ (Утгофъ 37). Но и этихъ силъ фактически у эс-эровъ не было.

ромъ эс-эровъ“ и „однимъ сѣдовласымъ, всѣмъ извѣстнымъ депутатомъ праваго устремленія“. Послѣдній былъ настроенъ крайне пессимистично и полагалъ, что сопротивленіе съѣзда „безполезно и вызоветъ только напрасное пролитіе крови“. Черновъ полагалъ, что партія обязана выступить независимо отъ условій... Было рѣшено ночью устроить засѣданіе бюро съѣзда и Ц. К. партіи для выясненія вопроса о формахъ активной борьбы съ Колчакомъ. „Но — добавляетъ Святицкій — предварительно нужно было окончательно и вплотную сговориться съ чехами: согласны ли они поддержать съѣздъ или, во всякомъ случаѣ, не противодѣйствовать начинающейся борбѣ съѣзда съ Колчакомъ? Для переговоровъ съ Гайдой и другими отвѣтственними представителями чешско-словацкаго Нац. Совѣта были командированы депутаты И. М. Брушвитъ и Н. Ф. Фоминъ (97).

Чешскіе руководители уѣзжали въ Челябинскъ и „успѣли только сказать“ делегаціи: „наши гарантіи съѣзду остаются въ силѣ, — что бы съѣздъ ни предпринялъ“ (98).

Происходитъ засѣданіе. Только одинъ О. С. Миноръ выразилъ сомнѣніе въ реальныхъ силахъ съѣзда. Собравшіеся „въ видѣ уступки въ сторону правыхъ“ постановили, что избранный Испол. Комитетъ „долженъ стараться координировать свое дѣйствіе съ оставшимися лояльными членами директоріи“. Имѣлся въ виду Болдыревъ, поѣхавшій въ Челябинскъ „просить у чеховъ помощи противъ Колчака“. Въ составъ Исп. Комитета вошли: Черновъ, Вольскій, Алкинъ (мус. деп.), Ивановъ, Федоровъ, Фоминъ и Брушвитъ, „какъ лицо близкое чехамъ“.

19-го созывается собраніе Съѣзда. Утромъ было получено изъ „чешской контръ-развѣдки“ сообщеніе о томъ, что въ военныхъ кругахъ идетъ сильнѣйшая агитація за немедленное выступленіе противъ Съѣзда и черновцевъ. Такъ какъ „чехи обѣщали свою помощь“, то засѣданіе Съѣзда не было отложено. „Пренія были

гильотинированы" — и было единогласно принято, при 2—3 воздержавшихся, воззваніе къ населенію. Тутъ же было постановлено „тотчасъ же захватить типографію одной изъ буржуазно-реакціонныхъ газетъ", — отпечатать и къ вечеру распространить воззваніе.

„Съѣздъ членовъ — гласитъ резолюція — беретъ на себя борьбу съ преступными захватчиками власти, Съѣздъ постановляетъ: образовать изъ своей среды комитетъ, отвѣтственный передъ Съѣздомъ, уполномочить его принимать всѣ необходимыя мѣры для ликвидаціи заговора, наказанія виновныхъ и возстановленія законнаго порядка и власти на всей территоріи освобожденной отъ большевиковъ...

„Поручить комитету для выполненія возложенныхъ на него задачъ войти въ сношеніе съ непричастными къ заговору членами Всерос. Врем. Правительства, областными и мѣстными властями и органами самоуправленія, чешскимъ національнымъ совѣтомъ и другими руководящими органами союзныхъ державъ.

„Всѣмъ гражданамъ вмѣняется въ обязанность подчиняться распоряженіямъ комитета и его уполномоченныхъ („Хр." Прил. 148).

Въ виду свѣдѣній о готовящемся выступленіи противъ съѣзда послѣдній закрывается, и всѣ дѣла передаются на разсмотрѣніе комитета, резиденціей котораго являлась гостиница „Пале-Рояль" (Св. 100). Чешская развѣдка вновь предупреждаетъ, что вечеромъ или ночью можно ждать нападенія, но что особенно безпокоиться не надо, такъ какъ „чехи приняли всѣ мѣры къ предотвращенію нападенія". „На нашу просьбу выставить охрану у гостиницы, чехи отвѣчали, что это неудобно", но въ домѣ противъ гостиницы помѣщенъ уже вооруженный отрядъ въ 50 человѣкъ (101). „Черновцы" — продолжаетъ Святицкій — видя, что гостиница готовится стать ареной вооруженнаго столкновенія... вызвали къ себѣ завѣдующаго чешской контръ-развѣдкой, который

предложилъ всѣмъ соединиться въ одной гостиницѣ, которая и будетъ „надлежащимъ образомъ защищена чехами отъ нападенія. Комендантъ уже сдѣлалъ распоряженіе объ очищен:и „Американской гостиницы", куда поздно вечеромъ всѣ члены Съѣзда могутъ перейти" (102). Однако, уже въ 7 час. гостинницу „Пале-Рояль" окружили нѣсколько ротъ 25-го уральскаго драгунскаго сибирскаго полка. Кѣмъ то въ подъѣздъ были брошены двѣ бомбы. Выстрѣломъ изъ револьвера былъ тяжело раненъ Максудовъ. Офицеры и солдаты начали производить обыски и арестовали 18—19 человѣкъ, отведенныхъ въ штабъ полка*). Однако, по распоряженію ген. Гайды арестованные были немедленно освобождены и водворены назадъ въ „Пале-Рояль".

„Какъ передавали чехи, разбойническій налетъ былъ произведенъ не всѣмъ полкомъ, а частью его, возбужденной офицерствомъ, убѣдившимъ солдатъ, что они идутъ противъ открытой только что банды большевиковъ. Въ данный моментъ отношенія между чешскимъ командованіемъ и сибирскимъ такъ обострены, что съ минуты на минуту можно ждать открытаго вооруженнаго столкновенія на улицахъ. Чехи рѣшили пока во что бы то ни стало избѣжать этого столкновенія. Выжидая рѣшенія своихъ вождей въ Челябинскѣ, они, чтобы выиграть время, заявили сибирякамъ, что они сами — будутъ „стеречь" съѣздъ, пока не будутъ получены соотвѣтствующія инструкціи изъ Омска".

„Такой образъ дѣйствій не удовлетворилъ, конечно, сибиряковъ, ибо они не довѣряли чехамъ и ненавидѣли ихъ. Не удовлетворилъ онъ и насъ" **)...

---

*) „Отеч. Вѣд." (№ 11) сообщали впослѣдствіи, что при обыскѣ въ „Пале-Роялѣ" былъ найденъ уже готовый списокъ журналистовъ, подлежавшихъ аресту — среди нихъ Бѣлоруссовъ и Синегубъ.

**) „Правда — не можетъ не признать мемуаристъ — чешское окруженіе отеля было весьма кстати, ибо... вслѣдъ за чешской цѣпью солдатъ стояла цѣпь сибиряковъ, не довѣрявшихъ чехамъ и рѣшившихъ стеречь насъ вмѣстѣ съ чехами (109).

„Что то готовитъ намъ слѣдующій день? — не могли мы не спрашивать себя, ложась спать въ ночь на 20 ноября? Положеніе было въ высшей степени неопредѣленное и чреватое печальнымъ для насъ исходомъ“ (106—107).

Святицкій не въ состояніи понять позорность этой трагикомедіи, разыгранной „демократами“ подъ охраной чешской контръ-развѣдки.

„Рано утромъ слѣдующаго дня, когда я еще былъ въ постели, мнѣ принесли для ознакомленія бумагу изъ штаба главнокомандующаго фронтомъ. Я читалъ эту бумагу и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Въ ней стояло приблизительно слѣдующее: „Въ виду мятежническихъ дѣйствій съѣзда, выразившихся въ распространеніи отъ его имени воззванія къ населенію 19 ноября, совершенно недопустимыхъ въ прифронтовой полосѣ, такъ какъ они вносятъ тревогу въ населеніе и безпокойство и разложеніе среди войска“, генералъ Гайда „предлагаетъ“ съѣзду въ 24 часа покинуть Екатеринбургскій районъ. Генералъ Гайда предлагаетъ всѣмъ членамъ съѣзда за исключеніемъ В. М. Чернова*), выѣхать съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Екатеринбурга въ Челябинскъ сего числа въ 6 часовъ вечера. Всѣмъ отъѣзжающимъ генералъ Гайда гарантируетъ полную безопасность и неприкосновенность (107).

Это было „черное предательство чешкаго военнаго командованія — восклицаетъ Святицкій. Ясно, что Гайда дѣйствовалъ, согласно приказу 20 ноября, изданному Сыровымъ. Но ранѣе Гайда велъ какіе то переговоры съ Фоминымъ, съ какимъ то письмомъ къ Гайдѣ обращался 19-го самъ Черновъ, взывая къ его „демократичности“. По моему мнѣнію, Гайда все время велъ двойную игру и могъ ввести въ заблужденіе эс-эровъ со Съѣзда У. С.

---

*) По моему, это былъ скорѣе не „арестъ“ Чернова, а мѣры къ его охранѣ. Кратохвиль говоритъ о приказѣ ареста Чернова, скоро, однако, взятомъ обратно (226).

Я не могу слѣдить за всѣми характерными перипетіями начавшагося въ Екатеринбургѣ вооруженнаго выступленія противъ омской власти.

Съѣздъ согласился **) отправиться въ Челябинскъ, но вмѣстѣ съ Черновымъ. Картинно описываетъ выѣздъ изъ „Пале-Рояль“ Святицкій:

...„Каждый депутатъ ѣдетъ на особомъ извозчикѣ въ сопровожденіи особаго конвойнаго. Извозчики ѣдутъ всѣ вмѣстѣ гуськомъ. Въ „Пале-Рояль“ къ моменту отъѣзда набралось человѣкъ 60—70 отъѣзжающихъ.

„Вся гостиница высыпала смотрѣть, какъ мы тѣсной толпой выходили и разсаживались. Оригинальную картину представлялъ нашъ „поѣздъ“, вызывая удивленіе и испугъ у всѣхъ встрѣчныхъ и проходящихъ. Въ свѣтлую лунную ночь безконечной вереницей быстро ѣдутъ извозчики съ двумя сѣдоками на каждомъ, одинъ изъ которыхъ вооруженъ винтовкой. Посмотришь назадъ: на цѣлую версту растянулась цѣпь повозокъ.

„Удивленіе прохожихъ! Да не удивлялись ли мы сами тому, что происходило? Не вспоминались ли намъ нѣкія, не столь давнія времена, когда „по пыльной дорогѣ телѣги неслись“, на нихъ по бокамъ два жандарма сидѣли? И кто такіе теперь несутся въ „телѣгахъ“? Первые въ Россіи избранники! Отъ кого они убѣгаютъ? Отъ русскихъ солдатъ! Кто ихъ защищаетъ? Иностранцы, какіе то чехи. А сами то чехи, друзья или враги, „конвой“ или „охрана“? Мудрый Эдипъ, разрѣши!“ (110-111).

Патетическое отступленіе не мѣшаетъ Святицкому тутъ же сдѣлать несоотвѣтствующіе политическіе выводы: „помоги намъ чехи, наше дѣло, дѣло демократіи было бы выиграио“. Съѣздъ „несомнѣнно имѣлъ вліяніе въ демократическихъ кругахъ и даже въ массѣ населенія“. „Характерная вещь: коалиціонное уральское областное правительство до сихъ поръ сторонившееся

**) Слѣдовательно нѣтъ основанія говорить, что Гайда арестовалъ всѣхъ эс-эровъ, какъ это дѣлаетъ Пишонъ (II, 260).

съѣзда (или вѣрнѣе съѣздъ сторонился его!) теперь изъявило готовность поддержать" *). Съ Ниже-Тагильскаго завода въ отвѣтъ на „кличъ о помощи" 21 подошло 800 человѣкъ вооруженныхъ рабочихъ. „Если-бы мы были извѣщены объ этой двигающейся къ намъ на выручку массы рабочихъ, мы, конечно, не уѣхали бы изъ Екатеринбурга" (112).

Но „было поздно". Учредиловцы уѣхали въ Челябинскъ. Они были убѣждены, что „Комитетъ съѣзда цѣликомъ" будетъ приглашенъ присутствовать на происходившемъ совѣщаніи чехо-совѣта.

„Въ этомъ насъ увѣряли сами же чехи въ Екатеринбургѣ. Вопреки этимъ ожиданіямъ, насъ не только не пригласили на совѣщаніе, но даже не приняли представителей комитета въ теченіе всего утра, дня и вечера 21 ноября. Мы поняли, что дружески-союзныя отношенія между нами и чехами порваны" (113).

„Томительно однообразно прошелъ день". „Легли спать въ своихъ телячьихъ вагонахъ". Вдобавокъ выяс-

*) Кроль нѣсколько по иному излагаетъ дѣло:

„Несмотря на краткость бесѣды, нужно сказать, что новоявленный „верховникъ" произвелъ впечатлѣніе на насъ всѣхъ (не исключая нашихъ эс-эровъ) прямо удручающее по своему убожеству. И если мы въ свое время не желали признать надъ собой власти Комуча... тѣмъ менѣе пріемлемо было для насъ признаніе правительства во главѣ съ... Черновымъ. Убожество же, проявленное Фоминымъ, только усиливало отрицательное отношеніе...

Вечеромъ въ тотъ же день состоялось экстренное засѣданіе Городской Думы, въ которомъ выступалъ тотъ же Н. В. Фоминъ, примѣрно съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ нашемъ совѣщаніи. Засѣданіе Думы было при закрытыхъ дверяхъ. Эс-эры, конечно, поддерживали „семерку", но нельзя сказать, чтобы очень сильно. Въ цѣломъ, Думѣ не нравились ни Омская диктатура, ни Черновская „семерка". Никто къ тому же въ реальность „семерки" не вѣрилъ. Кончилось тѣмъ, что Дума никакой резолюціи не приняла" (159—160).

Нельзя попутно не отмѣтить одну деталь, не имѣющую непосредственнаго отношенія къ описываемому моменту, но связанную съ нимъ... „Демократическое" правительство Урала, столкнувшись съ новымъ, назначеннымъ изъ Омска управляющимъ казначейства Юргенсомъ (см. выше), за разъясненіемъ недоразумѣній обратилось къ Гайдѣ. Рѣшительный генералъ быстро разрубилъ узелъ: арестовать и „доставитъ въ штабъ", что значило на демократическомъ языкѣ чешскаго генерала — разстрѣлять въ 24 часа.

няется, что „всѣ находящіеся въ поѣздѣ“ будутъ „фактически арестованы“ и куда то отправлены. Отправляются за разъясненіемъ къ адъютанту Сырового. Тотъ показываетъ заготовленный приказъ, пока еще Сыровымъ не подписанный, который гласитъ:

„Поѣздъ съ членами съѣзда Учред. Собранія отправляется сего числа въ гор. Шадринскъ, Пермск. губ. Депутаты охраняются въ поѣздкѣ чешской охраной и выходъ изъ поѣзда имъ запрещается.

Въ городѣ Шадринскѣ депутатовъ охраняетъ спеціальный чешскій полкъ. Депутаты проживаютъ въ городѣ Шадринскѣ подъ надзоромъ чеховъ, безъ права отлучекъ изъ города и безъ права политической агитаціи среди населенія“ (114).

„Неслыханное“ униженіе съѣзда! Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе комитета съѣзда во главѣ съ Черновымъ съ членами чехо-совѣта, при которомъ выясняется, что исторія съ приказомъ основана на недоразумѣніи. Предполагалось, что въ Шадринскѣ съѣздъ будетъ продолжать свои работы на прежнихъ основаніяхъ. Комитетъ требуетъ немедленной отправки въ Уфу. Вечеромъ поѣздъ съ съѣздомъ отбылъ изъ Челябинска въ Уфу.

Кончился первый актъ трагикомедіи. Второе дѣйствіе происходило уже въ Уфѣ.

* * *

Въ Уфѣ сначала настроеніе было „твердое“. Здѣсь Совѣтомъ Упр. Вѣд. бывшаго Комуча, какъ мы знаемъ, формировались русско-чешскіе полки, несмотря на запрещеніе Директоріи. Дѣлалось это — увѣряетъ Святицкій — „въ контактѣ съ чешскимъ командующимъ уфимскимъ фронтомъ ген. Войцеховскимъ“. При полученіи свѣдѣній объ омскомъ переворотѣ былъ посланъ немедленно яко бы „съ вѣдома и одобренія Войцеховскаго“ ультиматумъ: „узурпаторская власть, посягнувшая на

Всер.Прав. и Учр. Собр. никогда не будетъ признана. Противъ реакціонныхъ бандъ красильниковцевъ, анненковцевъ Совѣтъ готовъ выслать свои добровольческія части. Не желая создавать новаго фронта междоусобной войны, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами предлагаетъ вамъ, немедленно освободить арестованныхъ членовъ правительства, объявить врагами родины и заключить подъ стражу виновниковъ переворота, объявить населенію и арміи о возстановленіи правъ Всерос. Врем. Правительства. Если наше предложеніе не будетъ принято, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами объявитъ васъ врагами народа, доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ, предложитъ всѣмъ областнымъ правительствамъ активно выступить противъ реакціоной диктатуры въ защиту Учред. Собр., выдѣливъ необходимыя силы для подавленія преступнаго мятежа". („Хр." прил. № 146).

Представила свой протестъ противъ „кучки заговорщиковъ" и мѣстная городская Дума, мало освѣдомленная въ дѣйствительности о томъ, что происходило. Это видно изъ рѣчи предсѣдателя Думы Н. З. Чембуолва, отмѣчавшаго, что „весь дипломатическій корпусъ союзниковъ высказался за непризнаніе переворота" (Зензиновъ, 99).

„Чехи увѣряли — говоритъ Святицкій, — что они сами покончатъ съ Колчакомъ и сильнѣйшимъ образомъ противились снятію съ фронта нѣкоторыхъ воинскихъ частей, которыя Совѣтъ предполагалъ выслать противъ Колчака. „Все что угодно, только не разрушеніе фронта", — настойчиво говорили чехи. „Въ этомъ нѣтъ надобности, — увѣрялъ Войцеховскій, — Челябинскъ сумѣетъ ликвидировать омскій мятежъ и безъ насъ. Эшелоны для посылки противъ Колчака уже заготовлены" (116) *).

*) Свѣдѣнія эти до нѣкоторой степени совпадаютъ съ тѣмъ, что говоритъ Кратохвиль въ своей книгѣ о рѣшенной вначалѣ че-

„Когда члены Совѣта узнали объ Екатеринбургскомъ разгромѣ, то они рѣшили покинуть Уфу и отправиться на фронтъ подъ защиту батальона имени Учр. Собранія. Опираясь на него и на другія демократическія части, они думали оттуда повести борьбу съ Колчакомъ.

„Лишь только Войцеховскій узналъ о предположенномъ отъѣздѣ Совѣта на фронтъ, какъ сейчасъ же явился къ предсѣдателю Совѣта В. Н. Филипповскому и сталъ упрашивать послѣдняго отказаться отъ отъѣзда...

„Вашъ отъѣздъ произведетъ сильнѣйшее впечатленіе на армію, отвратитъ ея вниманіе отъ фронта и броситъ ее въ политику...

„Оставайтесь здѣсь, въ Уфѣ, и я завѣряю васъ честнымъ словомъ солдата, что никакія колчаковскія банды не посягнутъ на Совѣтъ"...

„Получивъ такія завѣренія, Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами рѣшилъ остаться въ Уфѣ, тѣмъ болѣе, что онъ только что узналъ, что въ Уфу направляется и весь Съѣздъ членовъ Учр. Собранія" (117)...

23 ноября вечеромъ Съѣздъ прибылъ въ Уфу...

„Члены Совѣта сообщили, что поведеніе чешскихъ командующихъ все болѣе и болѣе становится двусмысленнымъ. Уговоривъ Совѣтъ остаться въ Уфѣ, Войцеховскій, вопреки данной гарантіи, сталъ вторгаться въ область непосредственнаго гражданскаго управленія. При этомъ всѣ эти вторженія носили характеръ препятствій, разставляемыхъ борьбѣ съ Колчакомъ. Напримѣръ, когда Совѣтъ рѣшилъ выпустить воззваніе къ войскамъ и населенію, въ которомъ подробно разсказывалось объ омскомъ переворотѣ и содержался призывъ къ борьбѣ съ Колчакомъ, — Войцеховскій запретилъ распространеніе этихъ воззваній. Въ Уфѣ производилось формированіе новаго батальона русско-чешскаго полка — Войцеховскій распорядился пріостановить это формированіе...

хами военной демонстраціи противъ Омска (226). Я очень только сомнѣваюсь въ томъ, что роль Войцеховскаго соотвѣтствовала тому, какъ она изображена у Святицкаго.

„Но у насъ — добавляетъ Святицкій — оставалась возможность апелировать къ самому чехо-словацкому войску, избранникомъ коего былъ чехословацкій Національный Совѣтъ. Намъ извѣстно было со словъ самихъ членовъ чехо-совѣта, что настроеніе чешскихъ войскъ было ярко-лѣвое, что на новыхъ выборахъ прежній составъ чехо-совѣта, состоявшій въ своемъ большинствѣ изъ умѣренныхъ соціалистовъ, пожалуй и не пройдетъ. Моментъ же новыхъ выборовъ какъ разъ наступалъ. Чехо-совѣтъ избирался на войсковомъ съѣздѣ, а послѣдній долженъ былъ состояться въ Екатеринбургѣ 12 декабря. Такимъ образомъ, мы имѣли возможность обратиться непосредственно къ самому съѣзду, пославъ на него своихъ представителей и представивъ съѣзду особый memorandum съ изложеніемъ образа дѣйствій чешскаго командованія въ отношеніи съѣзда.

„Memorandum было поручено написать В. М. Чернову, но мы не могли ждать 12 декаб.*) (118—119).

„Собраніе рѣшило поэтому сейчасъ же послать въ Челябинскъ делегацію отъ съѣзда, которой было поручено представить чешскому командованію ультиматумъ примѣрно слѣдующаго содержанія: либо чехи принимаютъ участіе въ немедленной ликвидаціи колчаковщины и соглашаются признать полноту власти Совѣта управляющихъ вѣдомствами, какъ правительства Европейской Россіи, либо мы рѣшительно порываемъ съ ними, объявляемъ ихъ измѣнниками и предателями россійской демократіи, а рядовыхъ чешскихъ солдатъ призываемъ покинуть ряды своихъ войскъ. Со словъ чешскихъ ру-

*) Показанія Святицкаго изображаютъ намъ воспріятіе фактовъ эс-эрами. Я не думаю, чтобы со стороны ген. Войцеховскаго было бы какое нибудь двурушничество, какъ-то вытекаетъ изъ повѣствованія Святицкаго. Очевидно, основнымъ побужденіемъ Войцеховскаго было сохраненіе такъ или иначе фронта неприкосновеннымъ и лояльность въ отношеніи чеховъ, на службѣ которыхъ онъ былъ. Противорѣчіе несомнѣнно получилось, и ген. Войцеховскій отказался отъ службы у чеховъ (Пишонъ M. Sl. 25, II, 269).

ководителей мы знали, что объявленіе членами Всер. Учр. Собранія чехословацкаго войска измѣнниками и предателями въ отношеніи демократіи сдѣлаетъ дальнѣйшія операціи этого войска на русской территоріи совершенно невозможными и вообще приведетъ къ распаду войскъ...

„Вообще полнота власти новаго правительства *) находилась въ зависимости отъ признанія его чехами. Это признаніе необходимо было получить, въ противномъ случаѣ власть Совѣта управляющихъ министерствами грозила стать призрачной. Военный аппаратъ — и русскій и чешскій — должны были также находиться въ вѣдѣніи Совѣта управляющихъ вѣдомствами. Въ качествѣ уступки чехамъ и во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній рѣшено было предложить чехо-совѣту отпустить чеха Медека (секретаря чехо-совѣта) на постъ военнаго министра. Въ этомъ случаѣ на посту товарища министра долженъ былъ находиться русскій полковникъ Махинъ. Предложенія эти должна была сдѣлать отправляемая въ Челябинскъ делегація съѣзда". (117-121).

Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами поспѣшилъ разсказать по всему міру о „контръ-революціонномъ переворотѣ", происшедшемъ въ Омскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился 28 ноября къ чехо словацкому Нац. Совѣту съ предложеніемъ принять весь эвакуированный изъ Самары въ Сибирь золотой фондъ „для охраны" и затѣмъ передачи У. С. или общепризнанному правительству (Зензиновъ. 43—45).

Однако кажущееся единство на съѣздѣ быстро разсыпалось, какъ только собрался „пленумъ" съѣзда. Открытая борьба многимъ представлялась „компрометирующей съѣздъ авантюрой". Впервые, наконецъ, 8 депутатовъ праваго крыла заявили, что они не считаютъ болѣе возможнымъ оставаться въ составѣ съѣзда. Со

---

*) Совѣтъ Упр. Вѣд. долженъ былъ сдѣлаться правительствомъ для Европейской Россіи.

стороны „болѣе лѣво настроенныхъ“ было высказано устами Буревого другое предложеніе — ликвидировать съѣздъ и весь антибольшевицкій фронтъ и уѣхать въ Совѣтскую Россію (123). „Финальный акордъ“ показывалъ, что обстановка складывается „изъ рукъ вонъ негодная“. Чешскіе военные вожди явно настраивались на колчаковскій ладъ *). „Наши части находились на фронтѣ въ 200 верстахъ отъ Уфы. Подъ давленіемъ чеховъ мы согласились не уводить ихъ съ фронта, дабы не обнажать его. Въ городѣ, какъ уже сказано, находились полтора батальона еще не обученныхъ и не сорганизованныхъ солдатъ. Нашей работѣ надъ ними и нашему сближенію съ ними явно ставились препятствія. Что было дѣлать? Послать курьеровъ, чтобы вызвать части съ фронта? Многіе уже склонялись именно къ этому рѣшенію“ (126—7) **).

„Между тѣмъ въ Уфѣ появились сибирскіе солдаты“. Развязка приближалась. 3 декабря Колчакомъ былъ изданъ приказъ: „Бывшіе члены Самарскаго Комитета членовъ Учред. Собр., уполномоченные вѣдомствами бывшаго Самарскаго Правительства, не сложившіе своихъ полномочій до сего времени и примкнувшіе къ нимъ нѣкоторые антигосударственные элементы въ Уфимскомъ районѣ, въ ближайшемъ тылу сражающихся съ большевиками войскъ, пытаются поднять возстаніе противъ государственной власти: ведутъ разрушительную агитацію среди войсхъ; задерживаютъ телеграммы верховнаго командованія; прерываютъ сообщенія западнаго фронта и Сибири и съ оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадныя суммы денегъ, направ-

*) Ср. работу Prikryl „Sibirska drama“. Авторъ склоненъ утверждать, что съ Колчакомъ легко примирилась та часть командованія легій, которая отрицательно относилась къ „делегатчинѣ“ въ чехословацкихъ войскахъ.

**) Войцеховскій, узнавъ это, экстренно пригласилъ Вольскаго и предложилъ перевести съѣздъ изъ Уфы, слишкомъ близко расположенной къ фронтовой полосѣ, въ какое-нибудь другое мѣсто.

ленныя атаману Дутову для организаціи борьбы казаковъ съ большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территоріи, освобожденной отъ большевиковъ.

Приказываю: 1. Всѣмъ русскимъ военнымъ начальникамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ пресѣкать преступную работу вышеуказанныхъ лицъ, не стѣсняясь примѣнять оружіе.

2. Всѣмъ русскимъ военнымъ начальникамъ, начиная съ командировъ полковъ (включительно) и выше, всѣмъ начальникамъ гарнизоновъ арестовывать вышеуказанныхъ лицъ для преданія ихъ военно-полевому суду, донося объ этомъ по командѣ и непосредственно— начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго.

3. Всѣ начальники и офицры, помогающіе преступной работѣ вышеуказанныхъ лицъ, будутъ преданы мною военно-полевому суду.

Такой же участи подвергнуть начальниковъ, проявляющихъ слабость и бездѣйствіе власти" („Хр.", пр. 150).

Не знаю, согласится ли русскій читатель, что у Колчака не было никакого повода для ареста. Это утверждаетъ Пишонъ. По его словамъ, ген. Дитерихсъ, въ цѣляхъ спокойствія на фронтѣ, принялъ на себя миссію выполненія приказа Колчака, вопреки своему желанію и желанію Сырового, какъ главнокомандующаго. Одновременно Дитерихсъ послалъ письмо съ отказомъ сотрудничества съ верховнымъ правителемъ (M. Sl. 25, II, 269).

Въ ночь на 3 декабря въ Уфѣ были арестованы 30 депутатовъ У. С. По свидѣтельству Святицкаго, арестъ производилъ Самарскій военный министръ Галкинъ *). Чехи держали строгій нейтралитетъ **). Арестованные

*) Согласно показаніямъ с.-р. Сперанскаго своднымъ отрядомъ командовалъ полк. Врублевскій. У Девятова отобрано было „много секретныхъ документовъ" (Кр. Арх. VIII, 180—1).

**) По поводу обращенія эс-эровъ „къ чехамъ", въ которомъ чехамъ бросалось, какъ мы знаемъ, обвиненіе въ измѣнѣ русской демократіи, „Чехо-Слов. Дн." (№ 287) 9 декабря отвѣчалъ: „близорукимъ,

были препровождены съ Омскъ*). Этимъ закончился второй актъ трагедіи. Начался третій — эпилогъ.

* * *

Оставшіеся на свободѣ депутаты—ихъ было около 40 — не сдались. Десять изъ нихъ тотчасъ же собрались въ Уфѣ, въ „подпольѣ" и рѣшили, что партія с.-р. „вынуждена перейти теперь къ нелегальной работѣ". „Борьба съ Колчакомъ должна выразиться въ повсемѣстной подготовкѣ возстанія противъ власти и ея клевретовъ"... — передаетъ сужденія новыхъ подпольщиковъ Святицкій:

„Въ связи съ вопросомъ объ уводѣ съ большевицкаго фронта демократическихъ воинскихъ частей, въ цѣляхъ ихъ использованія для возстаній, не могъ, конечно, не возникнуть вопросъ о возможности продолженія борьбы „на два фронта": и противъ Колчака и противъ Красной арміи. Борьба на два фронта, очевидно, становилась неосуществимой...

„Совѣщаніе постановило поэтому вооруженную войну съ россійской Совѣтской властью прекратить и принять всѣ мѣры, чтобы всѣ вооруженныя силы обратить противъ буржуазной реакціи.

„Военныя части было рѣшено съ фронта увести,

слѣпымъ, наивнымъ романтикамъ": „Когда мы образовали русско-чешскіе полки подъ знаменемъ „За У. С.", гдѣ были въ это время русскіе демократы и соціалисты? Сформированъ былъ лишь одинъ полкъ въ 1500 человѣкъ. Теперь мы вамъ „надоѣли"... Оффиціозъ чешскихъ легіонеровъ напрасно только обвинялъ всѣхъ въ томъ, что они хотятъ дѣлать политику при помощи чешскихъ штыковъ. Это относится лишь къ эс-эрамъ. Напр., Гинсъ приводитъ изъ челябинской газеты „Сибирскій Стрѣлокъ" — армейскій органъ, такія слова по поводу чешского меморандума:.. „Мы очень благодарны за помощь на фронтѣ, но просимъ не мѣшать намъ строить жизнь, какъ мы хотимъ" (II, 7).

*) Колчакъ на допросѣ показываетъ: „Если у меня и были нѣкоторыя сомнѣнія... въ отношеніи частей, которыя были непосредственно подчинены Комитету У. С., то они разсѣялись, т. к. Фортунатовъ (командиръ полка У. С.) призналъ совершившійся переворотъ совершенно легко и даже не оказалъ сопротивленія при арестѣ членовъ У. С. (183)... „Скорѣе было оказано даже содѣйствіе" (192).

т. е. товарищи рѣшались на обнаженіе фронта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе о прекращеніи войны съ Совѣтской властью было постановлено пока не разглашать. Дѣлалось это, какъ по соображеніямъ конспираціи, въ связи съ планами военнаго возстанія, такъ и по особаго рода соображеніямъ. Прекращеніе войны съ Совѣтской властью затрогивало вопросъ о возможности достиженія извѣстнаго политическаго соглашенія съ нею. Была тенденція, такимъ образомъ, состоявшееся уже одностороннее рѣшеніе о прекращеніи войны сдѣлать двустороннимъ, поставивъ его въ содержаніе соглашенія съ партіей большевиковъ.

Товарищи конкретно склонялись къ слѣдующему плану: Красныя войска подходятъ уже къ Уфѣ. Взятіе съ фронта нашихъ войскъ сдѣлаетъ занятіе города Уфы красными совершенно неизбѣжнымъ. Но мы должны постараться еще до взятія Уфы большевиками произвести въ ней противо-колчаковскій переворотъ. Тогда мы станемъ хозяевами уфимскаго района, и уже какъ существующая власть попытаемся вступить въ переговоры съ приближающимися войсками Совѣтской власти.

„Центральный комитетъ партіи также склонялся къ тому, чтобы завязать переговоры съ руководящими центральными органами Совѣтской власти при первой же къ тому возможности. По его мнѣнію, однако, возможность эта наступила бы только въ томъ случаѣ, если Совѣтская власть согласиться на признаніе Всер. Учр. Собранія. Послѣднее должно быть созвано въ Москвѣ вмѣстѣ съ ушедшими изъ собранія 5 января большевиками и лѣвыми эс-эрами“...

...„Къ такой постановкѣ вопроса склонялся и В. М. Черновъ. Послѣдній былъ, однако, противъ того, чтобы мы, эс-эры, первыми и въ оффиціальномъ порядкѣ обращались къ Совѣтской власти съ предложеніемъ открыть переговоры. В. М. Черновъ настаивалъ на томъ, чтобы предварительно было совершено „нащупываніе почвы“

и переговоры состоялись бы только въ томъ случаѣ, если бы заранѣе могла явиться увѣренность въ ихъ успѣшномъ окончаніи“ (136—37)*).

На слѣдующій же день послѣ засѣданія 5 декабря депутаты стали разъѣзжаться въ назначенныя для нихъ мѣста... „Товарищи являлись на спеціально устроенную явку, получали указанія, директивы и деньги и уѣзжали“. Уфа опустѣла, въ ней остался только штабъ противоколчаковскаго движенія. Планъ „военной комиссіи“, въ изображеніи Святицкаго, сводился къ слѣдующему:

„Возстаніе должно было произойти въ Уфѣ и подъ Уфой. Его должны были произвести, съ одной стороны, нѣкоторыя воинскія части, стоявшія въ самой Уфѣ, а съ другой — воинскія части, находившіяся на фронтѣ. Къ послѣднимъ принадлежали: русско-чешскій полкъ, батальонъ имени Учр. Собр., конный отрядъ депутата Фортунатова, такъ называемая „ижевская бригада“. Затѣмъ предполагалось, что окажутъ сильную поддержку возстанію и различныя мусульманскія части, тамъ и сямъ вкрапленныя на фронтѣ.

„Всѣ эти части должны были самостоятельно уйти съ фронта, подойти къ Уфѣ и здѣсь объявить власть Колчака низложенной. Въ случаѣ преждевременной сдачи Уфы краснымъ — центромъ возстанія долженъ былъ явиться рабочій Златоустъ, куда должны были въ этомъ случаѣ направляться и войска...

„Предполагалось, что планъ возстанія будетъ осуществленъ въ теченіе $1^1/_2$—2 недѣль. Однако, прошли двѣ недѣли, три недѣли, а никакого возстанія не происходило. Мы сидѣли въ Уфѣ, нервничали и томились. Между тѣмъ Красная армія подходила къ Уфѣ все ближе и ближе. Въ двадцатыхъ числахъ декабря было уже

---

*) Слѣдовательно, управляющій мин. ин. дѣлъ послѣ переворота Ключниковъ въ телеграммѣ 23 ноября въ Парижъ съ полнымъ правомъ могъ говорить, что комитетъ У. С. сталъ проявлять склонность къ оріентировки въ сторону большевиковъ.

ясно, что Уфа со дня на день будетъ отдана краснымъ. Происходила лихорадочная дезорганизованная эвакуація города. Становилось очевиднымъ, что въ Уфѣ никакое возстаніе уже невозможно, да и не къ чему. Еще черезъ недѣлю было уже видно, что планъ военнаго противо-колчаковскаго возстанія въ данный моментъ вообще потерпѣлъ крахъ. Почему?..

„Слѣдуетъ признать"... — отвѣчаетъ авторъ — что „мы вообще переоцѣнили свои силы. Такъ, если на „ижевскую бригаду", по утвержденію товарищей, можно было серьезно разсчитывать, то врядъ ли такіе разсчеты оправдались бы въ отношеніи русско-чешскаго полка, батальона и коннаго отряда. Командный составъ этихъ частей мало расположенъ былъ бунтовать. То же слѣдуетъ сказать и относительно мусульманскихъ частей, бывшихъ на фронтѣ. И тутъ приходилось начинать съ заговоровъ среди самого командного состава" (138—140).

31-го подъ звуки „Интернаціонала" въ Уфу входила Красная армія.

„Нужно представить себѣ, что пережили и перечувствовали мы, оставшіеся въ Уфѣ, за послѣдніе два мѣсяца, чтобы понять охватившее насъ въ это торжественное утро настроеніе... послѣ столькихъ мучительныхъ дней, проведенныхъ въ чужой и враждебной, смертельно враждебной колчаковщинѣ, мы какъ-то забыли о томъ, что разъединяло насъ съ большевиками, и красныя звѣзды на бѣлыхъ папахахъ солдатъ Совѣтской Россіи показались намъ родными, своими звѣздами. Какъ то вдругъ, совершенно объективно, со стороны, мы почувствовали въ пришедшей арміи революціонную и соціалистическую армію, которая... увы, немедленно, тутъ же на мѣстѣ разстрѣляла бы насъ, если бы узнала, кто мы такіе" *) (142).

---

*) Невольно вспоминается воззваніе „Комуча" 16 іюля за подписью Вольскаго, гдѣ большевицкія войска назывались „бандами гнусныхъ разбойниковъ".

Девять эс-эровъ, членовъ президіума съѣзда и Ц. К., Волькій, Святицкій, Шмелевъ, Ракитниковъ, Буревой немедленно повели переговоры съ большевиками „отъ имени президіума съѣзда У. С.“. Эти переговоры съ уфимскимъ ревкомомъ о созданіи „единаго революціонно-соціалистическаго фронта противъ поднимающей голову реакціи“ насъ въ данномъ случаѣ интересовать не могутъ. Пошедшіе въ союзъ съ большевиками формально разошлись въ оконкательномъ итогѣ съ остальными эсъ-эрами, оставшимися въ Сибири. Мы еще встрѣтимся съ ними и увидимъ, какъ въ жизни, при принципіальномъ отрицаніи союза съ большевиками, они вмѣстѣ съ послѣдними, иногда даже въ общихъ организаціяхъ, участвуютъ въ противоколчаковской „революціонной“ акціи.

Актъ, совершенный предсѣдателемъ Съѣзда У. С. Вольскимъ и его единомыленниками, произвелъ въ Сибири „большое впечатлѣніе“ и „на эс-эровъ обрушилась вся цензовая печать“. „Началась незабываемая травля“— говоритъ Колосовъ. „Но для цензовиковъ было мало... имъ хотѣлось припутать суда непремѣнно В. М. Чернова. И вотъ неожиданно и къ великой радости ихъ получается радіо, что 19 января Черновъ... пріѣхалъ въ Москву для переговоровъ о соглашеніи съ Ленинымъ и Троцкимъ... Я зналъ, что вся эта информація ложна, такъ какъ передъ тѣмъ получилъ точное сообщеніе, гдѣ именно находится Черновъ“ (Б. XXI, 290). „Радіо“ дѣйствительно спутало Чернова съ Черненковымъ. Но Черненковъ и былъ тѣмъ лицомъ, которое избрано было 5 декабря для зондированія почвы въ Москвѣ. Негодованіе Колосова впустую. Черновъ отличался отъ Вольскаго и другихъ лишь тактикой. Это были полные единомышленники еще въ Самарѣ, какъ нетрудно увидѣть хотя бы при просмотрѣ партійнаго органа „Дѣло Народа“. Черновъ первый задумался о ликвидаціи фронта — утверждаетъ и Буревой („Распадъ“. 57); онъ искалъ только „поводъ“ къ разговору съ большевиками и не

пошелъ на полную, безоговорочную капитуляцію передъ уфимскимъ ревкомомъ. Это было вевмѣстно для предсѣдателя У. С. и лидера партіи *).

Ошибается Колосовъ, утверждая, что переходъ Вольскаго вызвалъ негодованіе только въ цензовой печати. „Заря“ писала въ статьѣ „Вниманію честныхъ людей“— дѣйствія Вольскаго и К-о обязываютъ партію протестовать противъ ихъ предательской дѣятельности (№ 45). Въ Сибири этого протеста не послѣдовало. Кажется, только Уралскій областной комитетъ партіи опубликовалъ воззваніе противъ „позорнаго преступленія уфимскихъ предателей“ (Сиб. Ж.) **); отгородилась отъ „измѣнниковъ“ еще фракція Екатеринбургской Думы („Заря“ № 2).

Много сказано въ литературѣ по поводу насилій въ эти дни со стороны омской власти въ отношеніи членовъ У. С. Всю иниціативу репрессій приписывали лично Колчаку. А между тѣмъ его поведеніе было достаточно мягко и благородно. „Въ подполье“ онъ партію не загонялъ и не отдавалъ распоряженій въ смыслѣ репрессій въ отношеніи активныхъ членовъ партіи с.-р.: „я только послалъ телеграмму Дитерихсу и Ханжину, чтобы они приняли всѣ мѣры для борьбы съ пропагандой на фронтѣ“ (Допросъ 193).

„Членовъ Учредительнаго Собранія было арестовано около двадцати — показывалъ Колчакъ — и среди нихъ лицъ, которыя подписали телеграмму, не было, за исключеніемъ, кажется, Девятова. Просмотрѣвши списокъ, я вызвалъ офицера, конвоировавшаго ихъ, Кругловскаго, и сказалъ, что совершенно не знаю этихъ лицъ, и что въ телеграммѣ они, повидимому, никакого участія не принимали и даже были, кажется, лица, не принадле-

*) Совершенно основательно „Чех.-Сл. Д.“ (9 декабря 19 г. — № 552) обвинялъ Чернова и К-о въ томъ, что ихъ стараніями часть демократіи русской была вогнана въ коалицію съ большевиками.

**) Въ Москвѣ инцидентъ съ Вольскимъ вызвалъ только разговоры о необходимости для партіи отгородиться отъ этого акта.

жащія къ составу комитета членовъ Учредительнаго Собранія, какъ напримѣръ, Фоминъ. Я спросилъ, почему ихъ арестовали, мнѣ отвѣтили, что это было приказаніе мѣстнаго командованія, въ вилу того, что они дѣйствовали противъ командованія и противъ верховнаго правителя, что мѣстнымъ командованіемъ было приказано арестовать ихъ и отправить въ Омскъ.

„Такимъ образомъ, отъ этого ареста получилось впечатлѣніе весьма неопредѣленное: тѣхъ лицъ, которыхъ имѣлось въ виду арестовать, не оказалось. Я вызвалъ вслѣдъ за этимъ Старынкевича и спросилъ его, что же дѣлать съ этими лицами. Опредѣленныхъ обвиненій къ этимъ лицамъ нѣтъ никакихъ — какъ же слѣдуетъ въ этомъ случаѣ поступить? Старынкевичъ говоритъ: „Надо произвести слѣдствіе по этому дѣлу.Затѣмъ, помимо вызова, который былъ брошенъ членами Учр. Собр., есть еще одно очень серьезное обвиненіе, которое ложится на этотъ комитетъ членовъ Учр. Собр. — въ томъ, что они выпустили огромное количество уфимскихъ денегъ, при чемъ эти деньги расходовались, главнымъ образомъ, на партійную работу. Надо выяснить, какое количество денегъ они напечатали и куда эти деньги шли". Я сказалъ: „Хорошо, — въ такомъ случаѣ возьмите этотъ вопросъ на себя, такъ какъ мнѣ лично эти лица не нужны". Когда я сказалъ Кругловскому, что онъ привезъ мнѣ совершенно неизвѣстныхъ лицъ, то онъ отвѣтилъ, что остальные были предуплеждены чехами и скрылись (191—192).

Для меня какъ то дико звучатъ слова проф. Легра, утверждавшаго, что диктаторъ преслѣдовалъ за отсутствіемъ большевиковъ соц.-революціонеровъ „мечомъ, огнемъ и потопленіемъ". („Pro domo" M. S. 26. VII, 119)*). Такихъ фактовъ не было. Непосредственные очевидцы и наблюдатели не всегда являются достовѣрными свидѣтелями...

*) Отвѣтъ на мою статью въ „Голосѣ Минувшаго" № 4.

3. ПЕЧАТЬ И ОБЩЕСТВО.

Я представляю себѣ, что въ ноябрьскіе дни въ Сибири мало кто разбирался въ той закулисной сторонѣ, которая лишь постепенно выясняется. Сами члены Директоріи недостаточно учитывали тотъ ударъ въ спину, который готовили ей „черновцы" въ стремленіи предупредить возможность захвата власти реакціонными кругами. Большинство „лѣвыхъ" воспринимало только голый фактъ крушенія Директоріи и появленія „диктатора". Самое слово уже по традиціи вызывало внутреннее отталкиваніе. Этотъ фактъ расцѣнивался внѣ зависимости отъ сопровождавшихъ его обстоятельствъ, которыя дѣлали омскія событія „естественнымъ развитіемъ создавшагося положенія". Выраженіе, принадлежащее министру ин. дѣлъ Ключникову въ телеграммѣ 23 ноября русскимъ дипломатическимъ представителямъ за границей, неудачно. Нельзя назвать естественнымъ противоестественное. Но 18 ноября дѣйствительно было почти неизбѣжнымъ трагическимъ послѣдствіемъ сибирской „неразберихи".

Точка зрѣнія на переворотъ часто въ то время опредѣлялась территоріальнымъ пребываніемъ тѣхъ или иныхъ лицъ. Въ Уфѣ, Челябинскѣ, Екатеринбургѣ иногда не слишкомъ хорошо знали, что происходитъ въ Омскѣ, и не проникали вглубь царившихъ отношеній. Въ значительной степени этой мѣстной обстановкой склоненъ я объяснять различія, которыя появлялись въ оцѣнкѣ переворота. Не какой либо специфической прадвзятостью, а только мѣстной психологіей можно объяснить, напр., то, что челябинскій „Союзъ Возрожденія" разошелся въ конечномъ итогѣ съ Омской группой народныхъ соціалистовъ, принявшихъ большинствомъ голосовъ 21 ноября резолюцію о необходимости признать новую государственную власть *). Когда непосредственно

*) Впрочемъ, здѣсь имѣлъ значеніе и составъ лицъ, входившихъ въ эти группы.

знакомишься съ фактами, невольно проникаешь и въ психологію дѣйствующихъ лицъ — по крайней мѣрѣ такъ кажется. Психологія учредиловцевъ несла съ собой всѣ пережитки прошлаго. Это своего рода сектантская психологія, весьма легко воспринимающая односторонне внушеніе со стороны. Партійная масса была загипнотизирована страхомъ передъ реакціей, — тѣмъ страхомъ, который обезцвѣчивалъ съ первыхъ дней захвата власти большевиками и борьбу съ ними партіи. Былъ силенъ еще гипнозъ отъ первыхъ мѣсяцевъ революціи, создавшій представленіе, что именно партія с.-р. является истинной выразительницей демократическихъ чаяній, а ея органы подлиннымъ проявленіемъ народовластія. Гипнозомъ становилась и дилемма сохраненія „завоеваній революціи", передъ которой какъ бы стушевывались болѣе жизненные въ данный моментъ національные вопросы. Все это мѣшало занимать подлинно государственную позицію и хотя бы съ элементарной объективностью относиться къ политическимъ противникамъ. Человѣкъ безспорно очень правыхъ убѣжденій, ген. Сахаровъ, конечно, до извѣстной степени былъ правъ, когда утверждалъ въ докладѣ Болдыреву, что эс-эры завоеванія революціи ставятъ выше родины (Болдыревъ. 81). Вѣрнѣе родина, какъ абстрактное начало, воплощающееся однако въ сознаніи въ весьма реальныхъ формахъ, въ ихъ представленіи не существовала. Нужны доказательства? Ихъ слишкомъ много было на протяженіи революціи и гражданской войны. Можетъ быть, представленіе о родинѣ, какъ о самоцѣли, и примитивно. Но это примитивное сознаніе было главенствующимъ въ рядовой военной средѣ. Отсюда взаимное отталкиваніе, переходящее даже въ непримиримую ненависть. Конечно, не всегда источникомъ ея являлись какія то реставраціонныя вожделѣнія. Патріотическій примитивъ связанъ былъ здѣсь съ такимъ же, быть можетъ, примитивнымъ демократизмомъ.

Это сочетаніе скорѣе сулило возможность прочнаго общественнаго движенія, направленнаго на освобожденіе Россіи. При столкновеніи съ партійной психологіей, примитивъ рѣзко отбрасывался въ противоположную сторону. И приходится ли удивиться, что въ развращающей атмосферѣ гражданской войны все это выливалось въ уродливыя формы насилія надъ противникомъ? Это отвратительно. Но таковы люди, и не ихъ перевоспитаніемъ можно было заниматься уже на полѣ брани. Насилія съ моральной стороны никогда не могутъ быть оправданы, но объективно жизнь ихъ объясняла. Возстаніе, подгототовляемое учредиловцами въ Екатеринбургѣ и Уфѣ, не удалось, потому что съѣздъ У. С. былъ разгромленъ уже 20 ноября — такъ утверждаетъ одинъ изъ активныхъ эс-эровскихъ дѣятелей, пошедшій на союзъ съ большевиками противъ Колчака (Буревой. „Распадъ". 38). Слѣдовательно, не выступи самочинно въ Екатеринбургѣ военная группа, все дѣло было бы проиграно — съ точки зрѣнія тѣхъ, которые „томились", по выраженію Ауслендера, отъ существующаго безвластія. Я знаю, что на это разсужденіе можно отвѣтить другой аргументаціей. Но дѣло не въ признаніи того или иного положенія, а въ объективной по возможности оцѣнкѣ существовавшаго.

Общественная психологія не опирается только на формальные политическіе признаки демократіи и монархіи. Это скорѣе догма. Подъ скальпелемъ политическаго анализа кажется только наивнымъ утвержденіе беллетриста Ауслендера, что члены Директоріи думали соединить Колчака съ Черновымъ (статья, напечатанная въ „От. Вѣд." № 28, 26 ноября). Это звучитъ абсурдомъ для человѣка, испытаннаго въ тонкостяхъ партійной игры. Но это не звучитъ парадоксально для политическаго слуха массоваго обывателя*).

*) Читатели моей брошюры „Гражданская война въ освѣщеніи П. Н. Милюкова" легко могли усмотрѣть, что даже такіе активные

„Лѣвая“ печать того времени — печать соціалистическая (эс-эровскаго и эс-дековскаго направленія) не могла понять психологіи момента. Въ своемъ большинствѣ она была узко трафаретна: Авксентьевъ и другіе поплатились за свое легкомысліе попытаться добиться соглашенія съ цензовымъ элементомъ. Такъ, напр., разсуждала „Новая Сибирь“ (№ 18) — органъ скорѣе умѣренный и не строго партійный. Зато почти драматически звучитъ голосъ тѣхъ, кто съ самаго начала отдалъ свое перо въ защиту идей, положенныхъ въ основу уфимскаго соглашенія. Къ числу ихъ принадлежитъ талантливый публицистъ, соц.-дем. (потресовскаго направленія) Евг. Маевскій (Гутковскій), редактировавшій въ Челябинскѣ газету „Власть Народа“. Онъ заканчиваетъ свою статью 22 ноября по поводу переворота словами: „Ужасъ охватываетъ за несчастную Россію, за ея судьбу. Израненная, полуживая, она пробуетъ приподняться, и вдругъ злая рука сбиваетъ ее снова на земь и въ кровь. И злорадствуютъ, торжествуютъ большевики — кто то протягиваетъ имъ руку помощи, отсрочивая ихъ неминуемую гибель. И злорадствуютъ и торжествуютъ всѣ враги Россіи, которые только ждутъ, чтобы воспользоваться ея безпорядкомъ, ея безвластіемъ и наложить на нее свою тяжелую руку...

„Нѣтъ имени, нѣтъ оправданія тому, что произошло въ Омскѣ. Покушеніе на Верховную власть, покушеніе въ отвѣтственныя и трагическія минуты жизни нашей Родины — есть великое преступленіе. Ничто не можетъ оправдать этого покушенія, ничто въ богатой переворотами русской исторіи не можетъ сравниться съ тѣмъ, что произошло теперь въ Омскѣ.

„Народъ никогда не признаетъ этого переворота, онъ никогда его не проститъ...

„И мы скажемъ, какъ вмѣстѣ съ нами скажетъ вся

политики, какъ исконный лидеръ партіи к.-д., не очень разбираются въ оттѣнкахъ соціалистическихъ партій.

демократія и всѣ просто честные люди: Да здравствуетъ единственно законная Власть—Всерос. Врем. Правительство, организованное и установленное Всенароднымъ соглашеніемъ въ Уфѣ".

Надо сказать, что уже въ октябрѣ самъ Маевскій въ довольно безнадежныхъ тонахъ рисовалъ обстановку. По поводу октябрьской забастовки на желѣзныхъ дорогахъ въ Омскѣ и Томскѣ онъ писалъ: ...„краска стыда и глубокаго отчаянія" охватываетъ „каждаго стараго революціонера" (Цитирую по „Ур. Кр,", № 74). Въ другой статьѣ („Вл. Нар.", № 91) этотъ радикальный публицистъ въ такихъ словахъ очерчиваетъ положеніе вещей, созданное войной, большевиками и междоусобіемъ: страна разложилась не только экономически, она надорвана и морально; исчезло чувство гражданскаго долга, появилась „узкая, эгоистическая разнузданность", глубоко внѣдрился „анархическій индивидуализмъ". Можно ли было при такихъ условіяхъ исходить только изъ принципа? Тотъ же Маевскій въ дни Уф. Совѣщанія отмѣчалъ безплодность лозунга стараго У. С., а теперь, послѣ переворота, только къ нему и звалъ.

И въ другихъ №№ газета столь же рѣзко выступаетъ противъ новаго омскаго правительства:

„Оправдать Омскую авантюру — это значитъ оправдать другую авантюру, происшедшую совершенно такъ же, хотя и въ менѣе голомъ видѣ, чѣмъ Омская, это значитъ оправдать октябрьскій большевицкій переворотъ. Тотъ, кто утверждаетъ Омскій переворотъ, тотъ не можетъ отрицать октябрьскаго большевицкаго переворота. Тотъ, кто соглашается на Омскій переворотъ, тотъ выбиваетъ самъ у себя всякую почву, всякое оправданіе для борьбы съ большевицкой авантюрой. Тотъ, кто становится на почву Омскаго переворота, тотъ ставитъ себя на одну доску съ большевиками...

Сибирскій „Кабинетъ Министровъ", поставившій (мы еще не знали, добровольно, или недобровольно) свои

имена подъ этимъ правобольшевицкимъ переворотомъ, очевидно, въ своемъ цѣломъ неясно понимая, что это значитъ поставить крестъ и надъ самимъ собой. Утвердить такой переворотъ, значитъ утвердить и узаконить ту силу, которая совершила беззаконіе, значитъ поставить и себя и всякое иное правительство въ зависимость отъ этой силы".

Полемизировать съ покойнымъ Маевскимъ и его сотрудниками, конечно, не имѣетъ смысла. Самая постановка вопроса, сдѣланная газетой проведеніемъ параллели между Омскимъ переворотомъ и большевицкимъ, едва ли законна — я бы сказалъ, что здѣсь нѣтъ ничего общаго. Я хочу обратить вниманіе на другое. Статья Маевскаго, вплоть до заявленія: „народу пора сказать адм. Колчаку: твое мѣсто на о-вѣ Св. Елены" (въ статьѣ „Все о томъ же") — появилась въ легальной печати. Возможно, что челябинскія условія, въ силу пребыванія тамъ чеховъ, были нѣсколько иными, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но обзоръ, который можно сдѣлать на основаніи газетнаго матеріала, приведеннаго хотя бы Зензиновымъ, свидѣтельствуетъ, что печать въ общемъ, несмотря на всѣ цензурныя препоны, могла высказаться о переворотѣ достаточно откровенно. Появлялись въ эти тревожные дни газеты съ бѣлыми плосами, какъ появлялись онѣ раньше*). Появлялись статьи съ цензурными выкидками или только съ протестомъ противъ цензурныхъ насилій**). Обычное явленіе всего міра! Житейскій законъ, которому слѣдуютъ, къ сожалѣнію, и демократич. правительства. На примѣрѣ Самары, Владивостока мы видѣли, какъ считающіе себя хранителями чистоты демократическихъ принциповъ, ставъ у власти, воздѣйствовали на враждебную имъ печать — это называлось необходимой самозащитой. Когда то же дѣлаютъ другіе, то это счи-

*) Напр.. въ сентябрьскіе дни. См. „Голосъ Сибири" — органъ всесибирскаго комитета партіи с.-р. отъ 24 сентября.

**) Напр. „Уралъ" въ Екатеринбургѣ.

тается разнузданнымъ проявленіемъ реакціонной власти. Въ періодъ гражданской войны все бываетъ обострено. Въ періодъ переворотовъ усиливается и эта обостренность. Надо признать, что періодъ возникновенія Омской „диктатуры“ не отличался, по сравненію съ другими, какимъ либо излишествомъ репрессивныхъ мѣръ противъ печати. 19 ноября была введена для повременной печати предварительная цензура въ цѣляхъ правильной информаціи населенія о происшедшихъ государственной важности событіяхъ. Повидимому, распоряженія это было отдано Штабомъ Верховнаго главнокомандующаго *).

Было бы чудомъ, если бы съ момента установленія въ Омскѣ „диктатуры“ — впрочемъ, своеобразной, ограниченной Совѣтомъ министровъ, сразу же сибирскія военныя и гражданскія власти стали бы дѣйствовать по методу правовыхъ государствъ, и между этими властями установились бы тѣ нормальныя взаимоотношенія, которыхъ не могли добиться ни самарское, ни сибирское правительство. Было бы такимъ же чудомъ, если бы по мановенію какого то волшебнаго жезла, по приказу адм. Колчака, 20 ноября армія оказалась внѣ политики и военные стали бы только профессіоналами борцами за спасеніе Россіи **). Было бы чудомъ, если бы навыки гражданской войны, связанные съ обычнымъ проявленіемъ самовластія, пріобрѣли строго законный характеръ.

---

*) На' фронтѣ цензура была установлена распоряженіемъ главнокомандующаго зап. фронтомъ ген. Сыровымъ. („От. Вѣд.“ № 23).

**) „Я требую, чтобы съ начавшейся тяжелой боевой и созидательной работой на фронтѣ и въ тылу, офицеры и солдаты изъяли бы изъ своей среды всякую политику и взаимную партійную борьбу, подрывающую устои русскаго государства и разлагающую нашу молодую армію.

Всѣ офицеры, всѣ солдаты, всѣ военнослужащіе должны быть внѣ всякой политики. Только тогда мы сумѣемъ создать могущественную армію и спасти Россію. Теперь у всѣхъ въ мысляхъ, на устахъ, въ сердцахъ и на дѣлѣ должно быть только одно стремленіе — отдать всѣ свои силы арміи и родинѣ“. („Хр.“ прилож. 143).

Еще строже это было декларировано Сибирскимъ Правительствомъ 23 августа — запрещалось даже присутствіе на политическихъ собраніяхъ.

Конечно, практика цензуры должна была дать тѣ примѣры личнаго произвола, которые нельзя было объяснить никакой цѣлесообразностью въ дѣлѣ защиты общественнаго спокойствія въ дни повышеннаго настроенія, обостренныхъ протестовъ и даже заговоровъ. Недаромъ органъ Бѣлоруссова „Отеч. Вѣд." считалъ цензуру „абсурдной" *). Нельзя только колчаковское правительство, а тѣмъ болѣе лично Колчака, дѣлать какъ то особливо отвѣтственнымъ за всѣ цензурные абсурды, какъ это нѣсколько позже дѣлалъ въ Иркутскомъ „Дѣлѣ" нѣкій „старый журналистъ" (№ 38). Онъ подъ цензурой писалъ: „Съ момента переворота 18 ноября правительство Колчака наложило желѣзные тиски военной цензуры на газеты. Ничего, что бы хотя отчасти рисовало преступленія правительства въ печать не пропускалось". „Старый журналистъ" склоненъ всю печать, которая не занимаетъ позиціи сибирскихъ эс-эровъ, считать „пресмыкающейся прессой", своихъ же собратьевъ по перу „наемными перьями" **). А между тѣмъ, можно ли „пресмыкающеюся печатью" назвать, напр., кадетскій органъ въ Иркутскѣ „Свободный Край", писавшій 22 ноября: „Общественное мнѣніе, а съ нимъ и широкіе слои населенія не примирятся и не окажутъ довѣрія власти, твердый курсъ которой будетъ проявляться лишь въ отношеніи большевицкихъ проявленій слѣва". И дальше: „Измѣненія въ составѣ и характерѣ власти, произшедшее въ

---

*) „Цензура" зло — говоритъ Колчакъ въ своемъ второмъ интервью съ представителями печати — „но мы живемъ при особыхъ условіяхъ" („Нов. Сибирь" № 19). Насколько терпимъ лично былъ верховный правитель свительствуетъ фактъ, разсказанный Кролемъ. Когда въ Екатеринбургѣ къ нему обратился городской голова „съ просьбой освободить изъ тюрьмы редактора газеты, писавшей на завтра послѣ переворота, что Колчаку и министрамъ — мѣсто въ тюрьмѣ, то Колчакъ отвѣтилъ: „Что же? По своему онъ тогда былъ правъ: если бы переворотъ окончился неудачно, мы были бы преступниками". И онъ тутъ же распорядился объ освобожденіи заключеннаго" (197).

**) Косная черта плохой публицистики. Позже, въ эмиграціи, эс-эровскій „Голосъ Россіи" назвалъ „рептиліей" лондонскій органъ П. Н. Милюковъ „The New Russia" (напр., 14 сент. 1920 г.).

Омскѣ не означаетъ и не должно означать, что власть становится на путь реставраціи". „Новая Сибирь" назвала эти замѣчанія лишь „легкимъ хныканіемъ" *).

Въ смыслѣ бѣлыхъ мѣстъ печать разныхъ направленій была сравнительно уравнена. Ихъ много было въ эс-эрствующей „Новой Сибири", немало въ либеральныхъ „Отеч. Вѣд.", меньше въ Омской „Зарѣ", т. е. въ центрѣ. Купюры, какъ всегда, подчасъ были безсмысленны — цензоръ устранялъ сообщеніе о фактѣ и оставлялъ оцѣнку явленія. И все же не только челябинская „Вл. Нар." могла напечатать сообщеніе за границу по поводу телеграммы уфимскаго Сов. Упр. В. о возмутительномъ событіи, совершившемся въ Омскѣ. „Земля и Трудъ" — органъ независимой соціалистической мысли въ Курганѣ, выходившій подъ предварительной военной цензурой, почти цѣликомъ перепечаталъ эту телеграмму. Читатель „Новой Сибири" могъ узнать о протестѣ городской иркутской Думы 19 ноября и прочесть въ „Новой Сибири", что событія 18 ноября „вѣнчаютъ политику интригъ и вѣроломствъ", которую вели правые реакціонные круги. Пусть въ томскомъ „Голосѣ Народа" отъ всей передовой статьи останется только надпись: „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе" — вѣдь эта „узенькая ленточка" та же передовая статья, достаточно краснорѣчиво описывающая омскія событія. Уфимское „Народное Дѣло" называло переворотъ „новымъ предательствомъ Россіи" и призывало демократію къ рѣшительному удару по обнаглѣвшей реакціи. Выдержку изъ статьи уфимскаго „Нар. Дѣла", гдѣ цензура была облегченной, встрѣтимъ въ иркутской „Новой Сибири" (№ 18).

Я взялъ лишь 2—3 примѣра, отчасти дополняющихъ матеріалъ, который имѣется въ сборникѣ В. М. Зен-

---

*) Колосовъ склоненъ даже полагать, что „цензовая" печать, сочувствовавшая яко бы Хорвату, сдѣлала „легкую гримасу" при извѣстіи о „воцареніи" Колчака (XXI, 255).

зинова. Сказать, что въ городахъ Сибири царилъ политическій терроръ, какъ говорила это челябинская „Власть Народа“, конечно, нельзя было*). Правда въ оппозиціонной печати не было того тона, который позже въ отношеніи Колчака появился въ органахъ тѣхъ же политическихъ направленій. (Вотъ какъ писала, напр., „Земская Нар. Газета“ (изданіе иркутской земской управы), т. е. мѣстныхъ эс-эровъ, 11 января 1920 г. (№ 1): „Бывшіе царскіе приспѣшники, помѣщики и спекулянты, возглавляемые адм. Колчакомъ“ совершили 18 ноября „тяжелое преступлиніе“). Но оцѣнка дѣйствій власти иногда была очень рѣзка. Въ той же „Власти Народа“ былъ напечатанъ за подписью члена У. С. Фомина, одного изъ семи членовъ Исполн. Комитета противоколчаковскаго штаба, рѣзкій протестъ (повидимому, даже безъ „цензурныхъ петель“) противъ ареста редактора газеты Маевскаго и комиссара Директоріи с. д. Киріенко, не подчинившагося „волѣ мятежниковъ**).

* * *

Итакъ, сибирская печать, пусть даже „полусловомъ“, могла довольно отчетливо выявить общественныя настроенія въ связи съ омскими событіями. Могли это сдѣлать, быть можетъ, еще болѣе опредѣленно общественныя организаціи. Въ собраніи документовъ Зензинова приведены нѣкоторыя изъ этихъ резолюцій. По существу онѣ мало интересны, такъ какъ дальше словъ протеста дѣло не шло. Ясно было съ первыхъ же дней, что переворотъ въ Сибири принятъ спокойно. Никто, въ концѣ концовъ, и не зналъ, что „въ подпольѣ“

*) Послѣ „разгона“ Съѣзда У. С. въ Уфѣ вплоть до сдачи города большевикамъ выходила соц.-дем. газета (Святицкій 132).

**) Маевскій былъ арестованъ по распоряженію Ставки. Штабъ настаивалъ на преданіи его прифронтовому военно-окружному суду, но по личному распоряженію Колчака дѣло было переслано въ распоряженіе прокурора омскего окружного суда. „А. Гутманъ-Ганъ „Два возстанія“. „Бѣл. Дѣло“ III, 164).

готовили екатеринбургскіе и уфимскіе заговорщики. Населеніе къ нимъ было равнодушно. Зензиновъ изъ харбинской „Новой жизни“ (15 декабря) приводитъ изумительную по своей наивности информацію, поступившую отъ иркутскаго губернскаго комиссаріата, возглавляемаго эс-эромъ. Информація свидѣтельствуетъ, что къ Директоріи у большинства населенія, въ силу слабой освѣдомленности, отношеніе было „сдержанное“. Переворотъ же 18 ноября привелъ все населеніе въ движеніе. И „населеніе, относившееся до сихъ поръ почти безразлично къ Уч. Собр., въ связи съ послѣднимъ переворотомъ стало проявлять живой интересъ къ нему“ (51). Совершенно ясно, кѣмъ и для чего инспирирована эта замѣтка. Но объективно она свидѣтельствуетъ скорѣе не въ пользу тѣхъ, которые, какъ, напр., редакція „Вл. Нар.“, были увѣрены, что — „громадная масса русскаго народа противъ этого переворота“. Равнодушіе — плохой показатель активности населенія.*)

Послушаемъ характеристику „широкой обывательской массы“, которую даетъ Майскій... Она „конечно, ни о какой борьбѣ не думала, наоборотъ, она скорѣе сочувствовала Колчаку, отъ котораго ожидала возстановленія твердой власти. Городъ (Омскъ) былъ спокоенъ, до странности спокоенъ. Кучки любопытныхъ, толкавшихся съ утра около мѣста заключенія членовъ Директоріи и около нѣкоторыхъ правительственныхъ зданій, постепенно растаяли, и всѣ вернулись къ своимъ шаньгамъ и пельменямъ“ (336). Характеристику Майскаго можно дополнить словами Колосова: „Когда утромъ 18 ноября омскій обыватель, проснувшись узналъ, что у него теперь новое правительство во главѣ съ адм. Колчакомъ, то онъ отнесся къ этому скорѣе благожелательно, чѣмъ съ неудовольствіемъ. Да и у многихъ на душѣ стало какъ то легче“ (Б. XXI, 251).

---

*) Равнодушіе отмѣчалъ прибывшій изъ Сибири Н. К. Волковъ въ статьѣ въ „Общемъ Дѣлѣ“ № 97.

Отсутствіе „энтузіазма“ къ перевороту одинъ изъ наблюдателей того времени склоненъ объяснить лишь „сумрачностью“ сибирскаго крестьянина. Въ дѣйствительности не было подлиннаго гражданскаго чувства, не было единой воли въ странѣ, раздѣленной огромными разстояніями и разбитой на обособленныя, въ сущности, области... Политическую коньюнктуру текущаго дня опредѣлялъ узкій ограниченный кругъ. Не было въ населеніи ни подлиннаго увлеченія автономной Сибирью, ни достаточной невависти къ большевизму, не успѣвшему проявить себя въ должной мѣрѣ за сравнительно короткій періодъ властвованія, ни влеченія къ отвлеченнымъ принципамъ народовластія*). Не прельщало знамя Учр. Собранія, не было достаточно популярно имя Колчака, принявшаго бразды правленія, и уже совсѣмъ мало интересовалось Директоріей, сущность которой неясно представляли себѣ даже омичи. Неоспоримо правъ Аусленд еръ, говорившій въ своей статьѣ въ „Отеч. Вѣд.“: „Директорія погибла, конечно, не изъ за нѣсколькихъ самовластныхъ дѣйствій Волкова и др. Это былъ „нѣкій символическій жестъ“, показывавшій, что Директоріей никто не интересовался. Къ сожалѣнію, это было такъ. Даже чехи черезъ годъ (ст. Павлу въ „Чехослов. Днѣ“, № 269), вспоминая годовщину „колчаковской диктатуры“, писали: „Нужно признать, что безтолковая и безсильная политика Директоріи, которая, не обезпечивъ физическую защиту, осталась и безъ моральной поддержки, не вызвала особеннаго сожалѣнія фактомъ своего паденія“.

Вожди „революціонной демократіи“ ошиблись въ

---

*) Въ докладѣ, представленномъ эс-эрами въ „Испол. Ком. Межд. Соц. Бюро“ въ іюнѣ 18 г. (Инна Ракинтникова „Какъ крестьянство боролось за У. С.“) это равнодушіе объяснялось отсталостью народа и плохими традиціями: „Откуда — задавалъ себѣ докладчикъ вопросъ — могло явиться чувство гражданственности, сознаніе собственнаго достоинства“ у нашего забитаго мужика?“ (60)... „Революціонность“ — констатируется раньше — „лишь была легкимъ налетомъ, а подъ ней — вчерашній рабъ и насильникъ“ (08). Съ этой „соціологіей“ далеко не всѣ современники революціи считали, однако, нужнымъ считаться.

своихъ оцѣнкахъ и въ своихъ прогнозахъ. Поэтому тактика, принятая ими въ Сибири — тактика разложенія антибольшевицкихъ рядовъ, шла на пользу коммунистической диктатуры. Язвительный Будбергъ назвалъ сибирскихъ эс-эровъ „безплатными сотрудниками для большевиковъ". Этимъ самымъ, они дѣлались „факельщиками русской революціи". Бóльшую чуткость проявили рабочіе на Воткинскомъ заводѣ. И они обсуждали омскія событія 18 ноября. Мѣстные члены У. С. пропагандировали „борьбу на два фрота". Это было отвергнуто. Рѣшили примкнуть къ верховному правителю, какъ къ „меньшему злу" (Уповаловъ. „Заря" 23, № 4).

* * *

Въ главѣ „привѣтствія адм. Колчаку" Зензиновъ приводитъ нѣсколько фактовъ изъ газетныхъ сообщеній того времени. Ихъ немного: привѣтствія Хорвата, Иванова-Ринова, двухъ-трехъ командировъ, съѣзда судовладѣльцевъ и Всер. Совѣта Съѣздовъ торг.-пром. организацій, призывавшихъ оказать новой власти „самую дружную поддержку".

„Извѣрившись въ прочности и цѣлесообразности коллективной власти—телеграфировали судовладѣльцы—въ настоящихъ условіяхъ, мы увѣрены, что только единоличная воля власти, опирающаяся на боеспособную армію и государственно-мыслящія группы русскаго общества, сможетъ возстановить погибающую русскую государственность и защищать національные интересы Россіи".

Зензиновъ, помѣщая эти случайныя привѣтствія, какъ бы хочетъ подчеркнуть ихъ мизерность количественно и односторонность качественную. Едва ли можно вообще этимъ оффиціальнымъ привѣтствіемъ придавать какое-либо значеніе. Но все таки они были не такъ уже единичны. На вопросъ с. р. Алексѣевскаго, участвовавшаго въ допросѣ Колчака, каково было отношеніе къ

перевороту правительствъ, существовавшихъ на территоріи, освобожденной отъ большевицкой власти, бывшій Верховный Правитель отвѣтилъ:

„Въ ставкѣ исп. должн. нач. штаба вручилъ мнѣ цѣлый рядъ телеграммъ, которыя прибыли въ теченіе первыхъ пяти дней. Эти телеграммы были изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ Сибири, городовъ и частей арміи и т. д. Эти телеграммы дали мнѣ увѣренность, что, по крайней мѣрѣ, армія меня привѣтствуетъ. Это были отвѣты на мое извѣщеніе; ихъ были десятки...*) Помнится, я получилъ даже телеграмму съ привѣтствіемъ отъ союза сибирскихъ маслодѣловъ.

„Въ послѣдующіе дни приходили депутаціи и привѣтствія отъ различныхъ крестьянскихъ общинъ... Одной изъ первыхъ была получена телеграмма отъ Хорвата... отъ атамана Дутова... отъ правительства Оренбургскаго**). Затѣмъ была получена одна весьма характерная телеграмма отъ уральцевъ... они... просили сообщить, какую политическую цѣль я ставлю въ вервую очередь. Я подтвердилъ, что моя задача заключается въ томъ, чтобы путемъ побѣды надъ большевиками дать странѣ извѣстное успокоеніе, чтобы имѣть возможность собрать Учредительное Собраніе, на какомъ была бы высказана воля народа. Очень скоро я получилъ отвѣтную телеграмму съ привѣтствіемъ и заявленіемъ, что они передаютъ себя въ мое распоряженіе... Но я не получилъ никакихъ извѣстій только отъ двоихъ: отъ Семенова и Калмыкова“ (185).

Всякій переворотъ — новый прыжокъ въ неизвѣстность. И дѣло было не въ привѣтствіяхъ новому

**) Привѣтствія отъ земствъ и городовъ, достаточно многочисленныя, были позже — въ январѣ—февралѣ. См. „Прав. Вѣстн.“.

***) Въ Оренбургѣ была произведена попытка поддержать Съѣздъ У. С. въ Уфѣ во главѣ съ существовавшимъ въ Караванъ-Сараѣ башкирскимъ правительствомъ Валидова. „Мѣстный переворотъ“ не удался— фактически выступленія не произошло. Валидовъ, по словамъ ген. Акулинина, пошелъ по стопамъ Вольскаго и др. и перешелъ на сторону большевиковъ. („Колчакъ и атаманъ Дутовъ“, въ „Возрожд. 7 февр. 1930 г.).

правителю, а въ признанiи или отрицанiи совершившагося факта. Спокойно и съ достоинствомъ омская „Заря“, если не органъ „блока“, то органъ, выражавшiй его общественныя позицiи, писалъ 20 ноября:

„Зная настроенiя и взгляды лицъ, входящихъ въ составъ министерства, можно быть убѣжденнымъ въ одномъ, что этотъ отвѣтственный шагъ не былъ подсказанъ какими либо личными случайными мотивами, а связанъ былъ съ соображенiями серьезной государственной важности.

„Но оцѣнивать событiя историческаго значенiя нельзя только съ точки зрѣнiя мотивовъ, которые воодушевляли дѣйствующихъ лицъ; такая оцѣнка, чтобы быть достаточно правильной, каковой она должна быть соотвѣтственно важности момента, — должна опираться на всестороннiй учетъ объективной обстановки событiй.

„Такого всесторонняго учета, повторяемъ, мы дать въ настоящее время не можемъ, ибо недостаточно ознакомлены съ фактической стороной событiй.

„Одно можно сказать уже теперь, что событiя эти, какъ бы ни были они неожиданными на первый взглядъ, имѣли въ дѣйствительности свой прологъ въ томъ напряженномъ состоянiи, которое въ послѣднее время создалось въ условiяхъ государственной жизни. Извѣстно было, что Директорiя почти съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности обнаружила крайнюю внутреннюю несогласованность, парализовавшую ея коллективную волю, и не могла найти общаго опредѣленнаго пути совмѣстной работы и съ Совѣтомъ Министровъ. Положенiе еще болѣе осложнялось внѣшними политическими условiями, окружавшими Директорiю.

„Кризисъ, несомнѣнно, создался раньше, чѣмъ вылился въ опредѣленную, рѣзко очерченную форму.

„Уже одно это обязываетъ каждаго воздержаться отъ поспѣшныхъ, поверхностныхъ сужденiй о происшедшемъ, пока не выяснится точно картина событiй“.

Только черезъ мѣсяцъ представители блока посѣтили Верховнаго Правителя и сдѣлали ему оффиціальное заявленіе о „безповоротной рѣшимости всемѣрно поддержать власть Россійскаго Правительства“ *).

* * *

Для непризнанія власти не было почвы подъ ногами **). Только въ первый день могло казаться, что вмѣшательство союзниковъ сможетъ анулировать событія 18 ноября. Нѣкоторые демократическіе круги, и не дѣлавшіе ставку на чехословацкую вооруженную силу, повидимому, разсчитывали на такое дипломатическое вмѣшательство. По крайней мѣрѣ, такъ была построена рѣчь предсѣдателя уфимской городской Думы нар.-соц. Чембулова. Онъ говорилъ: „въ настоящее время извѣстно по сообщенію чехо-словац. Нац. Совѣта, что весь дипломатическій корпусъ союзниковъ высказался за непризнаніе переворота“. Чембуловъ ошибался. Оставленный въ Челябинскѣ при чехахъ делегатъ съѣзда У. С. Фоминъ почти немедленно доносилъ о своихъ впечатлѣніяхъ: „союзники, если и не помогали Колчаку совершить переворотъ, то все же одобрили этотъ его шагъ... Если союзники хотя бы не оффиціально признаютъ Колчака, то не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что чешское высшее командованіе поступитъ такъ же“. (Святицкій. 125).

Мнѣніе союзниковъ, конечно, было чрезвычайно важно. Пишонъ съ необычайнымъ преувеличеніемъ разсказываетъ: „Немедленно во французскую миссію стали

*) Какое значеніе имѣла эта поддержка указываетъ замѣчаніе К. Д. Набокова о враждебномъ отношеніи, съ какимъ было встрѣчено въ Лондонѣ русскими либеральными кругами извѣстіе о сверженіи Директоріи. Позиція блока смягчила это отношеніе. О томъ, какъ реагировали внѣ Сибири различныя демократическія группы, см. мою книгу о Чайковскомъ.

**) Не слѣдуетъ вѣрить, какъ хотѣли внушить нѣкоторые политики, что Сибирское населеніе было противъ Колчака — замѣчаетъ французскій наблюдатель Грандижъ (516).

являться всѣ, военные, журналисты, лидеры политическихъ партій: „Должны ли мы признать, или бороться противъ адмирала? Вѣрно ли, что онъ вашъ человѣкъ?“ (M. Sl. 25, II, 218).

„Наше положеніе было самое фальшивое“ — комментируетъ авторъ. Онъ только забываетъ добавить, что критическое отношеніе возникло значительно позже. Легра признаетъ, что въ иностранныхъ миссіяхъ скорѣе сочувствовали перевороту (M. Sl. 28, II, 166). „Директорія“ — сказалъ Ауслендеру одинъ изъ высокопоставленныхъ дипломатовъ — „досадное осложненіе“ *).

Колчакъ о своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ дипломатамъ въ первые дни далъ довольно подробное показаніе:

„Вообще отношенія со стороны всѣхъ, кто ко мнѣ являлся, были самыми положительными. Гаррисъ, американскій представитель, относился ко мнѣ съ величайшими дружескими чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это былъ одинъ изъ немногихъ представителей Америки, который искренно хотѣлъ намъ помочь и дѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить намъ наше положеніе въ смыслѣ снабженія. Гаррисъ, насколько я помню, прибылъ ко мнѣ первый съ визитомъ на слѣдующій день. Гаррисъ сказалъ мнѣ: „Думаю, что въ Америкѣ этому событію будетъ придано самое неопредѣленное, самое неправильное освѣщеніе! Но, наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только привѣтствовать, что вы взяли въ свои руки власть, при условіи, конечно, что вы смотрите на свою власть, какъ на временную, переходную. Конечно, основной вашей задачей является довести народъ до того момента, когда онъ могъ бы взять управленіе въ свои руки, т. е. выбрать правительство по своему желанію“.

---

*) Недаромъ Пепеляеву казалось, что союзники (англичане, французы, японцы) „высказываются уже за монархію у насъ“ (Запись 7 октября — Субботовскій 20).

„Я сказалъ ему: „Это есть моя основная задача. Вы знаете хорошо, что я прибылъ сюда, не имѣя ни одного солдата, не имѣя за собой никакихъ рѣшительно средствъ, кромѣ только моего имени, кромѣ вѣры въ меня тѣхъ лицъ, которыя меня знаютъ. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишній день, какъ только можно будетъ отъ нея отказаться". На это Гаррисъ сказалъ мнѣ: „Я вамъ сочувствую и считаю, что если вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которыя ставятся передъ вами, то въ дальнѣйшемъ мы будемъ работать вмѣстѣ". Въ такомъ же духѣ говорилъ со мною и Реньо. Полковникъ Уордъ былъ у меня на слѣдующій день и сказалъ, что онъ также считаетъ, что это — единственная форма власти, которая должна быть: „Вы должны нести ее до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ваша страна не успокоится, и вы будете въ состояніи передать эту власть въ руки народа". Я сказалъ, что моя задача работать вмѣстѣ съ союзными представителями, въ полномъ согласіи съ ними и что я смотрю на настоящую войну, какъ на продолженіе той войны, которая шла въ Европѣ... Вслѣдъ за посѣщеніемъ этихъ лицъ, о которыхъ я говорилъ раньше, меня посѣтили Рихтеръ и Кошекъ. Со стороны Кошека отношеніе было самое милое, любезное, но все чувствовалась какая то неопредѣленность. Они спросили меня; „Что вы предполагаете дѣлать?" Я сказалъ, что моя задача очень простая — снабжать армію, увеличить ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никакихъ сложныхъ большихъ реформъ я производить не намѣренъ, такъ какъ смотрю на свою власть, какъ на временную; буду дѣлать только то, что вызывается необходимостью, имѣя въ виду одну задачу — продолженіе борьбы на нашемъ уральскомъ фронтѣ. Вся моя политика опредѣляется этимъ. Странѣ нужна во что бы то ни стало побѣда, и должны быть приложены всѣ усилія, чтобы достичь ея. Никакихъ рѣшительно опредѣленныхъ политическихъ цѣлей у меня

нѣтъ; ни съ какими партіями я не пойду, не буду стремиться къ возстановленію чего-либо стараго, а буду стараться создать армію регулярнаго типа, такъ какъ считаю, что только такая армія можетъ одерживать побѣды. Въ этомъ заключается вся моя задача". Тогда Рихтеръ задалъ мнѣ вопросъ: „Отчего вы раньше не говорили объ этомъ, почему не спросили раньше нашего мнѣнія?" „Я ему довольно рѣзко отвѣтилъ: „Вамъ какое дѣло?" Я менѣе всего намѣренъ былъ спрашивать мнѣнія иностранцевъ и заявилъ ему: „Ваше мнѣніе совершенно неинтересно и необязательно для насъ". Онъ сказалъ мнѣ: „Мы принимаемъ участіе въ веденіи войны". Я ему отвѣтилъ: „Да, но теперь вы никакого участія не принимаете; теперь вы оставляете фронтъ, — почему же вы хотите, чтобы мы справлялись съ вашимъ мнѣніемъ и въ особенности теперь, когда вы оставляете фронтъ?" Такимъ образомъ, отношеніе чеховъ, въ лицѣ ихъ представителей, было скорѣе недовѣрчивымъ; со стороны Рихтера оно носило какъ бы характеръ обиды, что все сдѣлано безъ ихъ согласія, безъ предварительныхъ переговоровъ съ ними" (186—188).

21 ноября привѣтствовали Колчака прибывшіе въ Красноярскъ итальянцы. („Прав. Вѣст." № 10). „Высокій комиссаръ" Великобританіи сэръ Элліотъ привѣтствовалъ Верховнаго правителя лишь 13 января („Правит. Вѣстн." № 50) *).

---

*) Общій выводъ Пепеляева (въ дневникѣ) объ отношеніи сибирскихъ представителей иностранцевъ таковъ: „Англичане довольны... Уордъ заявилъ Колчаку, что англійская часть въ Омскѣ въ распоряженіи адмирала... французы доброжелательно нажимаютъ на чеховъ въ цѣляхъ нейтрализованія („Хр." 98). „Чехи должны были примириться— пишетъ Глосъ — но имъ было непонятно, что союзники рѣшились на этотъ шагъ". Колчакъ появился „безъ нашего вѣдома" въ тотъ моментъ, когда „намъ" удалось достигнуть „настоящаго успокоенія въ Сибири при правительствѣ Авксентьева" („В. С. IV, 33).

ГЛАВА IV.

Первые шаги.

1. СУДЪ НАДЪ ЗАГОВОРЩИКАМИ.

Новому правительству прежде всего предстояло ликвидировать самочинное выступленіе военнаго отряда, совершившаго переворотъ. Колчакъ, какъ мы уже знаемъ, считалъ самымъ правильнымъ средствомъ освѣдомленія о сущности переворота судебное разбирательство въ открытомъ засѣданіи. „Я не помню — говоритъ онъ — я ли первый высказалъ эту мысль или Вологодскій". Мысль эту проводилъ настойчиво Старынкевичъ. Повидимому онъ былъ и иниціаторомъ судебнаго разбирательства:*) „Я вызвалъ Волкова — показываетъ Колчакъ — и сказалъ ему, что считаю необходимымъ гласное разслѣдованіе всѣхъ его дѣйствій, не съ цѣлью его наказывать или карать, а съ цѣлью предать гласности, и поэтому я его отдаю подъ судъ чрезвычайнаго суда". Этотъ актъ Колчака привѣтствовался многими дѣятелями Сибири: „преданіемъ суду Волкова Колчакъ началъ хорошо" — замѣчаетъ Будбергъ (XIII, 265).

Совершенно очевидно, однако, что такой судъ съ

*) Лицо, близкое Колчаку, пишетъ мнѣ: „величайшій абсурдъ— судъ надъ лицомъ, произведшимъ удавшійся переворотъ, имѣлъ мѣсто исключительно по требованію союзниковъ". Очевидно, дѣло было не совсѣмъ такъ.

самаго начала не могъ быть названъ судомъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Судить должны были по существу Директорію и этимъ судомъ оправдать „патріотическія дѣйствія казачьихъ офицеровъ“. „Движимые чувствомъ глубокой любви и беззавѣтной преданности къ истерзанной и измученной когда то Великой Россіи— говорило оффиціальное сообщеніе штаба восточн.-сибир. арміи въ связи съ протестомъ ат. Семенова противъ суда, — полк. Волковъ, войсковые старшины Красильниковъ и Катанаевъ были главными дѣятелями омскихъ событій. Рѣшившись и исполнивъ этотъ серьезный и опасный шагъ, названные офицеры сами отдались въ руки правосудія. Дѣйствуя по своему крайнему разумѣнію (они) считали, что если дѣйствія ихъ нарушали формальный законъ, то они должны предстать передъ судомъ, который вынесетъ имъ свой справедливый приговоръ“ *). Разбиралъ дѣло виновниковъ переворота чрезвычайный военный судъ въ составѣ предсѣдателя ген. Матковскаго, членовъ: ген. Бржеховскаго, полковниковъ Сторожева и Верникова. Обвиняемыхъ защищали прис. пов. Жардецкій и полк. Киселевъ... Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ подробностей этого суда. за исключеніемъ разсказа одного изъ присутствовавшихъ на судѣ. (Въ сборникѣ Зензинова помѣщенъ отчетъ изъ харбинскихъ „Новостей Жизни“ — газеты достаточно тенденціозной въ отношеніи къ новому сибирскому правительству).

Современная запись очевидца отмѣчаетъ, что судъ далеко не формально отнесся къ судоговоренію. Судъ затруднялся подыскать статью для обвиненія, такъ какъ соотвѣтствующая ст. стараго Уг. Ул. о посягательствѣ на верховную власть (ст. 100) была отмѣнена послѣ революціи... Возникъ вопросъ объ отложеніи судебнаго разбирательства. Но „такъ какъ отложить судъ по соображеніямъ политическаго характера было немыслимо, то

*) Офиціозная „информація“ очень неточно передавала, какъ только что было сказано, исторію возникновенія судебнаго процесса.

рѣшили 100 ст. на случай, ежели пришлось бы выносить обвинительный приговоръ". Цитируемый мною источникъ указываетъ, что подсудимые „сильно волновались". Самъ Красильниковъ имѣлъ „испуганный видъ". Изъ „довольно безсвязныхъ" объясненій обвняемыхъ „трудно было понять, что собственно побудило ихъ прибѣгнуть къ аресту членовъ правительства". „Ясно было одно — передаетъ свидѣтель — переворотъ назрѣлъ, а осуществить его могли только люди, располагающіе военною силою; этими людьми оказались подсудимые" *). Послѣдніе подчеркивали, что они устранили лишь „персонально" Авксентьева и Зензинова, но противъ Директоріи, какъ таковой, ничего не имѣли.

Наиболѣе серьезнымъ обвиненіемъ, тяготѣвшимъ надъ членами Директоріи, по словамъ Колчака, являлись переговоры ихъ по прямому проводу съ членами Ц. К. партіи, что служило доказательствомъ яко-бы тѣсной связи Авксентьева и Зензинова съ Черновымъ.

„Эти обстоятельства вызывали страшное возмущеніе. Какое это правительство, которое находится въ рукахъ опредѣленной партіи и исполняетъ ея приказанія! Я подробно не знаю текста этихъ переговоровъ. Кажется, что я видѣлъ ленты, но онѣ у меня въ головѣ не остались и ничего особеннаго не представляли. Во всякомъ случаѣ, какихъ-нибудь криминальныхъ или преступныхъ рѣшеній не было, но они дѣйствительно носили оттѣнокъ такой, что какъ бы верховная власть подчинялась партіи и ея директивамъ". (Допросъ 177).

На судѣ офицеръ, завѣдывавшій прямымъ проводомъ показалъ **), что „правительство изъ с.-р. всегда уносило съ собой ленту переговоровъ или ее рвала. Ав-

---

*) Я не имѣю пока права назвать имя этого свидѣтеля. Отмѣчу его несочувствіе методамъ переворота 18 ноября, его прогрессивный образъ мысли и то, что самъ онъ квалифицированный юристъ.

**) Я вновь цитирую указанный источникъ, считая нужнымъ подчеркнуть, что свидѣтельство относится къ тѣмъ днямъ — это копія письма, отправленнаго 22 ноября 18 г.

ксентьевъ даже приводилъ своего телеграфиста. Но такъ какъ господа эти были русскіе люди со всѣми ихъ свойствами, то они иногда забывали уничтожать слѣды своихъ разговоровъ, а затѣмъ, спохватившись, присылали за лентой адъютантовъ (кстати характерная деталь и сибирской и уфимской власти — у штатскихъ министровъ офицеры адъютанты). Это позволило кое-что послѣдить. Выяснилось, что Авксентьевъ жаловался своему партійному собѣседнику на тяжесть персональнаго его положенія въ Директоріи и на затруднительность проведенія с.-р. директивъ вслѣдствіе наличія въ Сибири безсознательной и дисциплинированной арміи*).

На судѣ правда переплелась съ вымысломъ — главнымъ образомъ, въ показаніяхъ членовъ политической контръ-развѣдки. Военная контръ-развѣдка, ставящая себѣ политическія задачи, почти всегда и повсюду оказывается не на высотѣ. Такъ было и здѣсь. Когда контръ-развѣдка утверждала, что партія с. р. поставила себѣ цѣлью сверженіе власти — она была права. Когда она къ этому заговору приплетала Авксентьева — она показывала только то, что не умѣла разбираться въ политическихъ отношеніяхъ. Когда развѣдка устанавливала данныя, свидѣтельствовавшія, что въ распоряженіи Авксентьева имѣлось около 200 мил. руб., переправленныхъ въ Омскъ черезъ большевицкія войска**) и что между эс-эрами и большевиками былъ уже подписанъ договоръ отвѣтственными лидерами партіи — она или безудержно фантазировала или предупреждала событія.

---

*) Подчеркнуто въ оригиналѣ. Можетъ быть здѣсь сгущены краски. Но отчетливо видно, какую пищу для разговоровъ давала подобная тактика.

**) Впрочемъ, дѣлалась оговорка, что „установить наличность фонда не удалось“. Показанія контръ-развѣдки я сознательно беру изъ враждебнаго отчета „Новостей Жизни“. Въ письмѣ моего „очевидца“ имя Авксентьева даже не упоминается и показанія эти относятся къ Чернову и къ деньгамъ, яко бы привезеннымъ имъ въ Самару. Конечно, это досужая фантазія. Ср. съ вышеприведеннымъ письмомъ с.-р. Альтовскаго о необходимости обезпечить партію деньгами.

Но все таки это были только показанія контръ-развѣдки на судѣ, и у Авксентьева не было абсолютно никакого права на основаніи даже газетной информаціи говорить, что судъ установилъ, что онъ, Авксентьевъ, получилъ отъ большевиковъ 200 мил. руб. для большевицкой пропаганды въ арміи (извѣстное интервью. Зензиновъ, 182). Въ оффиціальномъ постановленіи суда ничего подобнаго не было. Оно гласило: „При разсмотрѣніи дѣла о полковникѣ Волковѣ и другихъ изъ показаній допрошенныхъ свидѣтелей и представленными къ дѣлу документовъ судъ усмотрѣлъ, что нѣкоторые члены центральнаго комитета партіи с. р. и члены партіи составили и распространили воззваніе, въ коемъ призывали къ мобилизаціи и вооруженію членовъ партіи с. р. для борьбы противъ Всерос. Врем. Прав., возстановленія областной Думы и борьбы противъ дисциплины, установленной въ арміи и нежелательной для партіи.

„Роговскій совмѣстно съ другими членами партіи с.-р. организовалъ вооруженный отрядъ въ цѣляхъ устраненія нежелательныхъ для партіи членовъ Директоріи: генер. Болдырева и Вологодскаго и выполненія террористическихъ актовъ противъ офицеровъ и другихъ лицъ. („Новости Жизни" 26 ноября).

Мы видимъ, что члены Директоріи, какъ таковые, не упоминаются. Говорилось лишь о нѣкоторыхъ членахъ Ц. К. партіи. Въ такой постановкѣ судъ почти не отошелъ отъ истины*).

Мой свидѣтель, считая „мало обоснованной" (въ показаніяхъ контръ-развѣдки) „достовѣрность заговора с.-р. и ихъ намѣреній заключить съ большевиками со-

---

*) Относительно назначенія отряда Роговскаго сказано слишкомъ сильно, но несомнѣнно въ функціи отряда Роговскаго должны были входить и нѣкоторыя спецефическія заданія. Вспомнимъ хотя бы разсказъ Болдырева о посѣщеніи его эс-эрами послѣ убійства Моисеенко и объ угрозѣ расправиться съ „военщиной". Письмо современника говоритъ: ...„департаментъ милиціи сталъ по примѣру самарскаго реорганизоваться въ партійную с.-р. охрану".

глашеніе“ *) (что происходило въ дѣйствительности мы знаемъ изъ разсказа Святицкаго), пишетъ, что „безусловно надо считать доказаннымъ — это то, что с.-р. самымъ широкимъ образомъ пользовались правительственнымъ аппаратомъ для своихъ узко партійныхъ цѣлей“... Судъ, конечно, оправдалъ виновныхъ, а относительно матеріала, касающагося эс-эровъ, постановилъ довести до свѣдѣнія министра юстиціи. Теоретически, совершенно послѣдовательно министръюстиціи поручилъ члену судебной палаты Брюханову произвести разслѣдованіе о преступныхъ дѣяніяхъ членовъ Ц. К. партіи эс-эр., и возникъ вопросъ о задержкѣ высланныхъ членовъ Директоріи (они выѣхали въ ночь 21 ноября; постановленіе суда состоялось въ тотъ же день). Но этому рѣшительно воспротивился Колчакъ. „Мнѣ пришлось сказать — замѣчаетъ Колчакъ — что нежелательно предавать ихъ суду какъ принципіально, такъ и фактически. Такъ какъ они уже уѣхали и судить ихъ нѣтъ никакихъ основаній. Разъ они смѣщены, то зачѣмъ, собственно говоря, ихъ судить“.

Дѣйствительно, серьезнымъ обвиненіемъ противъ комитета У. С. могло быть расходованіе государственныхъ денегъ на партійную работу. Это и было отмѣчено Старынкевичемъ (см. „Допросъ“. 192).

Картина порядковъ въ распоряженіи казенными средствами въ Уфѣ, по выраженію Кроля, была „ужасающая“: „Я охотно допускаю, что злоупотребленія самихъ руководителей въ личныхъ цѣляхъ, если и были, то были не въ крупномъ масштабѣ, но нельзя не отмѣтить общей язвы революціонныхъ правительствъ, которыя считали, что они, эти временные органы или ихъ партіи, и государство — одно и то же. „Беззаконное въ ускоренномъ и упрощенномъ порядкѣ (не возиться же съ канцелярщиной и буквоѣдствомъ!) распоряженіе казной

*) „Говорятъ — добавляетъ онъ — что въ закрытомъ засѣданіи были оглашены документы, проливающіе свѣтъ на это обвиненіе“.

не могло не нарушать возможность правильнаго контроля а, слѣдовательно, и не влечь неизбѣжнаго казнокрадства со стороны подчиненныхъ органовъ. Давать щедрой рукой деньги своей партіи, своимъ партійнымъ газетамъ эс-эры, по крайней мѣрѣ, считали вполнѣ государственнымъ дѣломъ. Будущій историкъ найдетъ, несомнѣнно, не мало такого и въ дѣятельности Сибирскаго Правительства“ (162).

Исторія пока такихъ матеріаловъ не обнаружила *) и приходится заниматься разсмотрѣніемъ того, что есть. Нельзя признать нормальнымъ то, что обнаружила ревизія учрежденій финансов. вѣдомства Сов. Упр. Вѣд. въ Уфѣ **). Ревизія была произведена еще при Директоріи (16 ноября), когда областное правительство должно было сдать при ликвидаціи свои дѣла, вице-директоромъ Общаго Отдѣла Мин. Фин. Крестовскимъ. Результатъ ревизіи былъ въ свое время опубликованъ въ „Зарѣ“ и въ „Правит. Вѣст.“ (4 дек. № 14). Данныя эти, касающіеся ассигновокъ чехамъ на „развертываніе русско-чешскихъ частей“ (3 мил.), несмотря на запрещеніе центральной власти, ассигновокъ на „зарубежную работу“ (2 мил.), на „неотложныя надобности“, на „неопредѣленные расходы, выдачи правительству Башкиріи“ (3 мил.) („безпримѣрное ассигнованіе“, по мнѣнію ревизіи), перепечатаны Гинсомъ въ его книгѣ ***), поэтому ограничиваюсь достаточными коротенькими выдержками, относящимся къ послѣднимъ днямъ существованія Совѣта упр. вѣдом., который отчасти тоже превратился въ одинъ изъ штабовъ противоколчаковской акціи: ему въ эти дни стала въ Уфѣ принадлежать „полнота власти“.

„19-го г. Веденяпинъ, управляющій вѣд. иностранныхъ дѣлъ, — констатировала ревизія — предъявилъ

*) И на совѣсти проф, Легра и его информаторовъ остается приведенное выше обвиненіе членовъ Сибирскаго Правительства.

**) Характерно, что нѣчто аналогичное обнаружилось и при ревизіи дѣлъ Сиболдумы („От. Вѣд. № 29).

***) Также у Гутмана (Гана) „Россія и большевизмъ“ 295—98.

чекъ на одинъ милліонъ рублей,но встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны представителей министерства финансовъ, указавшихъ, что они не могутъ допустить расхищеніе государственныхъ средствъ въ столь тревожное время и притомъ на совершенно неизвѣстныя и неопредѣленныя цѣли. Тогда совѣтъ упр. вѣдомствами пошелъ по проторенной большевиками дорожкѣ и арестовалъ лицъ, заграждавшихъ доступъ къ государственному сундуку, а затѣмъ на свободѣ вынулъ изъ отдѣленія государственнаго банка 5.000.000 рублей... Несмотря на категорическіе приказы Министерства Финансовъ отправить изъ присланныхъ Омскомъ въ подкрѣпленіе Уфимскаго Отдѣленія 16 милліоновъ руб., 5.000.000 руб. въ Оренбургъ, представители послѣдняго денегъ не могли получить, въ виду того, что совѣтъ управленія вѣдомствами рѣшительно воспретилъ исп. об. упр. Уфимскимъ отдѣломъ государственнаго банка произвести эту отсылку...

„Заслуживаютъ также вниманія и расходы совѣта въ связи съ военными обстоятельствами. Сумма послѣднихъ за время съ 10-го октября по 8-е ноября составляетъ въ общемъ 14.901,352 руб. 54 коп., причемъ свыше 9.560.000 руб. ассигновано въ одинъ день 7-го ноября. Изъ приведенной суммы уполномоченному совѣта на поддержаніе партизанскихъ отрядовъ съ развертываніемъ ихъ въ полки отпущено 4.500.000 руб. Ген. Войцеховскому на поддержаніе русскихъ частей, работающихъ на фронтѣ — 2.000.000 р. и упол. чехо-словацкаго нац. совѣта на поддержаніе русско-чешскихъ частей — 3.000.000 руб. Столь щедрыя ассигнованія на поддержаніе и развертываніе партизанскихъ отрядовъ и баталіоновъ Всерос. Учр. Собранія въ полки становятся особенно симптоматичными, если припомнить, что эти ассигнованія послѣдовали вслѣдъ за извѣстной „грамотой“ В. Чернова о необходимости имѣть въ своемъ распоряженіи баталіоны совершенно особаго и спеціальнаго назначенія.

Мало того, совѣтъ упр. вѣдомствами считалъ себя въ правѣ снимать цѣнности съ эшелоновъ, эвакуируемыхъ казначействами отдѣленій государственнаго банка, — такимъ путемъ ему удалось захватить 36.000.000 руб. и всѣ они израсходованы вышеуказаннымъ порядкомъ".

Въ этихъ ассигновкахъ была еще одна характерная черта: ассигнованныя суммы тотчасъ же брались въ казначейства и, по выраженію ревизора, „безслѣдно исчезали". Ревизоръ иллюстрировалъ дѣятельность агитаціоннаго культурно-просвѣтительнаго отдѣла (кстати подлежавшаго расформированію по распоряженію Болдырева), который получилъ въ серединѣ октября ассигновку въ $4^1/_2$ мил. и на текущемъ счету котораго было лишь 16 р. 60 коп.... Также правъ былъ ревизоръ, отмѣчая, что всѣ деньги въ значительной степени шли на агитацію противъ правительства (газета „Народъ" и „Народное Дѣло").

Никакихъ опроверженій данныхъ ревизіи намъ не попадалось... Она безспорно дала обличительный матеріалъ, который можно было использовать въ политическихъ цѣляхъ. Новое правительство этого не сумѣло сдѣлать или не хотѣло. И въ томъ и въ другомъ случаѣ показательный судъ надъ виновными не могъ служить въ пользу правительства, такъ какъ не серьезныя данныя дискредитировали и то серьезное, что могло быть представлено на судъ общественнаго мнѣнія.

2. УЛЬТИМАТУМЪ СЕМЕНОВА.

Ошибкой считаетъ Будбергъ оправданіе виновниковъ переворота, еще большей тактической ошибкой, по мнѣнію Гинса, было производство Волкова въ ген.-майоры, а Красильникова и Катанаева въ полковники: „даже при невозможности вмѣненія ему (Волкову) политическаго проступка, онъ долженъ былъ быть не награжденъ, а наоборотъ, наказанъ" (II, 36). Плохой, дѣй-

ствительно, симптомъ, когда правительство вынуждено итти на компромиссъ, считаясь съ настроеніемъ круговъ, въ рукахъ которыхъ такъ или иначе были значительныя вооруженныя силы. Въ такихъ условіяхъ всегда появляется опасность созданія своего рода преторіанцевъ, которые будутъ предъявлять, когда нужно, свои счета къ оплатѣ *).

Омскіе казачьи круги — омская „атаманщина", могли быть во время суда надъ Волковымъ и его соучастниками взбудоражены протестомъ и ультиматумомъ, которые предъявилъ Семеновъ правительству. До этихъ поръ молчавшій забайкальскій атаманъ, лишь только былъ обнародованъ приказъ о назначеніи суда надъ виновниками переворота, реагировалъ телеграммой на имя Колчака, въ которой заявилъ, что Колчакъ не имѣетъ права предавать виновниковъ суду и требовалъ выдачи ихъ въ свое распоряженіе. Быть можетъ, подчеркнуто пришлось пойти на награду оправданныхъ по суду, чтобы успокоить разгорѣвшіяся страсти **). Это производство, возможно, преслѣдовало и другія цѣли. Опасный въ Омскѣ, Волковъ былъ отправленъ въ Читу съ миссіей убѣдить Семенова въ государственномъ вредѣ его выступленія — Семеновъ заявилъ, что онъ не признаетъ Колчака. Есть, однако, одно неразрѣшимое пока противорѣчіе. Въ работѣ Парфенова напечатанъ приказъ „по казачьимъ войскамъ" временнаго управл. воен. мин. ген, Сурина о производствѣ Волкова и др. въ слѣдующій чинъ „за выдающіяся боевыя отличія". Дата приказа 19 ноября, т. е. одновременно съ назначеніемъ чрезвычайнаго суда. На немъ есть странная помѣтка: „секретно". На мой вопросъ

*) По словамъ Окулича (Возрожд. № 282) оправданіе чрезвычайно „мучило" Вологодскаго. Но другого выхода, кромѣ оправданія, не было.

**) О настроеніяхъ свидѣтельствуютъ сцены, сопровождавшія оправданіе подсудимыхъ. Мой „очевидецъ" разсказывалъ: „залъ огласился неистовыми оваціями, „атамановъ" качали и вынесли на рукахъ; корридоры суда и лѣстница были заполнены преторіанцами, одобрявшими рѣшеніе суда.

и Старынкевичъ и Гинсъ, которые, казалось бы должны были знать объ этомъ секретномъ приказѣ, рѣшительно отвергли его возможность... Большевицкіе историки не всегда точны и аккуратны въ печатаніи матеріаловъ, которые могутъ дискредитировать ихъ политическихъ противниковъ*)... Сомнительно, однако, то, что Колчакъ имѣлъ непосредственное отношеніе къ этому производству.

Упомянутый протестъ Семенова грозилъ новому правительству большими осложненіями, такъ какъ за Семеновымъ стояли японцы, весьма неодобрительно относившіеся къ перевороту (Уордъ 90). Первое столкновеніе съ Семеновымъ я предпочитаю разсказать словами Колчака. Этотъ своеобразный мемуаристъ почти всегда болѣе точенъ въ передачѣ фактовъ, чѣмъ иные „документы". Документы въ сборникѣ Зензинова разсказываютъ семеновскій инцидентъ болѣе колоритно на основаніи оффиціозной информаціи штаба воен. сиб. отдѣльной арміи въ иркутскія газеты, но въ этой информаціи такъ много путаницы и противорѣчій, что она требуетъ большихъ поправокъ и — не все еще можетъ быть провѣрено **).

Колчакъ показываетъ:

„Затѣмъ я получилъ извѣстіе, которое потомъ оказалось недоразумѣніемъ, но тогда на меня произвело впе-

---

*) Парфенова даже совѣтская критика упрекала въ невѣрныхъ и тенденціозныхъ цитатахъ („Сиб. Огни" 28, I, 277).

**) Здѣсь между прочимъ приведена изъ харбинскихъ „Новостей Жизни" телеграмма Семенева, заявляющая о непризнаніи Колчака: „Адмиралъ Колчакъ, находясь въ то время на Дальнемъ Востокѣ, всячески старался противодѣйствовать успѣху моего отряда, благодаря чему отрядъ остался безъ обмундированія и припасовъ, имѣвшихся тогда въ распоряженіи адмирала Колчака, и посему признать адмирала Колчака, какъ верховнаго правителя государства, я не могу. На столь отвѣтственный передъ родиной постъ я, какъ командующій Дальне-Восточными войсками, выставляю кандидатами генерала Деникина, Хорвата и Дутова; каждая изъ кандидатуръ мною пріемлема".

Имѣется и телеграмма Дутова, который, какъ „старый боецъ за родину и казачество", проситъ Семенова „учесть всю пагубность (его) позиціи, грозящей гибелью родинѣ и всему казачеству (84), (Тел. приведена и у Гинса II, 41).

чатлѣніе чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту съ оружіемъ, обувью и т. д., задержанному гдѣ то на Забайкальской жел. дорогѣ. Впослѣдствіи оказалось, что это было не предумышленной задержкой, а задержкой, благодаря непорядкамъ на линіи; мнѣ же доложили это такъ, что я поставилъ это въ связь съ перерывомъ сообщенія и рѣшилъ, что дѣло становится очень серьезнымъ, что Семеновъ уже задерживаетъ не только связь, но задерживаетъ доставку запасовъ. Я просилъ Лебедева, который вступилъ въ должность начальника штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова или его начальника штаба и окончательно выяснить вопросъ, дѣлается ли это умышленно или нѣтъ, и если это дѣлается не умышленно, то я прошу содѣйствія и облегчить мнѣ возможность сношеній и протолкнуть внѣ очереди поѣзда съ припасами и предметами снабженія для фронта. Лебедевъ получилъ такой отвѣтъ, что они просто не желаютъ разговаривать. Тогда я, обдумавши этотъ вопросъ и пользуясь тѣмъ, что Волкова я послалъ на востокъ въ Иркутскъ, рѣшилъ поручить Волкову организовать отрядъ тамъ, въ Иркутскѣ, и двинуться на Забайкальскую жел. дорогу для того, чтобы обезпечить намъ провозъ нашихъ грузовъ.

Словомъ, создался цѣлый конфликтъ.

„Въ отношеніи Семенева я тогда издалъ приказъ, въ которомъ говорилъ, что четыре или пять дней задерживается связь съ Владивостокомъ, задерживается перевозъ боевыхъ припасовъ, что я считаю это актомъ предательства по отношенію къ арміи со стороны Семенова и отрѣшаю его отъ должности *). Это былъ приказъ, который знаменовалъ собою перерывъ всякихъ сношеній съ Семеновымъ. Насколько я былъ правъ, трудно сказать, но я рисую вамъ ту обстановку и тѣ мотивы, по

---

*) Приказъ Колчака, между прочимъ, привѣтствовала эс-эровская „Новая Сибирь“ (№ 16) и выражала надежду, что верховный правитель не остановится на полумѣрахъ.

которымъ я тогда дѣйствовалъ. Въ отвѣтъ на это не послѣдовало ничего, но иностранные представители, которые тоже были оповѣщены объ этой исторіи, спросили, что я намѣренъ дѣлать. Я сказалъ, что такіе случаи нужно рѣшать оружіемъ, я постараюсь собрать войска и двинуть ихъ для того, чтобы обезпечить Забайкальскую жел. дорогу и продвинуть по ней грузы. Насколько это мнѣ удастся, я не зналъ, но во всякомъ случаѣ у меня другого выхода не было, потому что я пытался войти въ соглашеніе, но изъ этого ровно ничего не вышло.

„Объ этомъ событіи стало извѣстно Ноксу и Жанену, который въ это время пріѣхалъ во Владивостокъ и былъ на пути къ Омску. Изъ Читы я получилъ предложеніе отъ генерала Жанена подойти къ прямому проводу, что я и сдѣлалъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что положеніе чрезвычайно осложняется въ Забайкальѣ, и что онъ считаетъ долгомъ мнѣ сообщить слѣдующее: командующій японской дивизіей заявилъ, что онъ недопуститъ никакихъ вооруженныхъ дѣйствій на желѣзнодорожной линіи и что въ случаѣ, если я попробую ввести войска въ Забайкалье, то японскія войска вынуждены будутъ выступить противъ нихъ... онъ рекомендуетъ мнѣ быть очень осторожнымъ, болѣе спокойнымъ и надѣяться, что этотъ конфликтъ можетъ разрѣшиться благополучнымъ путемъ, и что рѣшеніе его вооруженной силой является совершенно невозможнымъ. Тогда я отставилъ это распоряженіе. Японцы сообщили, что они берутъ на себя гарантію, что связь будетъ дѣйствовать и что движеніе на линіи жел. дор. прекращаться не будетъ. Это мнѣ въ тотъ моментъ разрѣшало сомнѣніе и то затруднительное положеніе, въ которомъ я находился въ отношеніи доставки на фронтъ предметовъ снабженія, и я подчинился тому положенію, разрѣшить которое своими средствами я иначе не могъ“ (194—96).

Въ информаціи отъ штаба Вост.-Сибирской арміи,

присланной атаманомъ Калмыковымъ, упоминалось, что Семеновъ заявилъ миссіи, прибывшей въ Читу, что онъ согласенъ признать адм. Колчака, при условіи анулированія приказа № 60 и признанія временнаго характера сибирской власти (до соединенія съ Деникинымъ). Затѣмъ Семеновъ выслалъ чрезвычайную „миссію“ изъ Читы, руководствуясь ея „недипломатическимъ“ поведеніемъ и „злонамѣренной агитаціи среди войска и населенія Читы“*).

„Я своими жалкими средствами что же могъ сдѣлать?“ — спрашивалъ Колчакъ. Приходилось подчиняться иностранному вмѣшательству и ждать отъ него разрѣшенія „конфликта“. Заключительный аккордъ въ словахъ Будберга: „Готовая уже ликвидація атамановъ сорвана японцами; не вмѣшайся они теперь уже не существовало бы этихъ гнойниковъ и можно было бы радоваться возможности приступить къ созидательной работѣ“... (Запись 10 декабря). Черезъ десять дней Будбергъ добавляетъ: ...„Жаненъ работаетъ, чтобы свести все на нѣтъ. Значитъ здоровый и нужный для утвержденія авторитета Омска исходъ становится почти безнадежнымъ, ибо противъ него не только японцы, но и главный военный представитель союзниковъ“ (XIII, 273) **).

3. АВАНТЮРИСТЫ И КЛЯТВОПРЕСТУПНИКИ.

Итакъ, непосредственная угроза съ Востока (Семеновъ и японцы), угроза съ Запада (эс-эры и чехи) — въ той или иной степени были отдалены отъ новаго россійскаго правительства ***). Передъ нимъ стоялъ сложный

*) Семеновъ для пропаганды среди казаковъ противъ Колчака направилъ особаго посланца кап. Закржевскаго. Распространялась также особая брошюра „Колчакъ и Семеновъ“, написанная нач. штаба Семенова полк. Веригой („Сиб. авант.“ 46).

**) Будбергъ объясняетъ тактику ген. Жанена вліяніемъ „семеновскаго пріятеля“ кап. Пелліо. Въ противность Будбергу многіе обвиняли Лебедева за то, что онъ форсировалъ недоразумѣніе съ Семеновымъ и тѣмъ толкнулъ Колчака на вредный приказъ.

***) Колчакъ избѣгалъ термина „всероссійскаго“.

вопросъ о фактическомъ признаніи западно-европейскими государствами. Въ этомъ отношеніи переворотъ 18 ноября нѣсколько осложнилъ дѣло, которое какъ будто стало налаживаться въ послѣднее время при Директоріи. Именно налаживаться, но не болѣе того. Если Чайковскій въ концѣ еще октября считалъ „невѣроятнымъ" правовое признаніе союзными державами Директоріи и говорилъ только о „фактическомъ признаніи" *), если англійскій представитель Линдей заявлялъ Чайковскому: „мы очень рады образованію правительства въ Уфѣ и находимся уже съ нимъ въ сношеніяхъ, но лишены возможности признать его оффиціально, пока такія огромныя области, какъ центральная Россія, весь югъ и Туркестанъ не подчиняются ея власти" **), то къ серединѣ ноября, по утвержденію Набокова, англійское правительство склонялось къ оффиціальному признанцію Директоріи ***)...

„Склонялось" — это еще далеко не означало возможности реальнаго признанія. При двойственной союзнической политикѣ, въ періодъ такъ называемой интервенціи, международная дипломатія все время, въ сущности не знала, съ кѣмъ ей итти, на кого опираться. Отсюда получалась та крайняя неопредѣленность, которую еще Пишонъ въ своемъ докладѣ называлъ смѣшной и абсурдной (51)... Уордъ довольно вѣрно опредѣлилъ характеръ помощи союзниковъ Россіи, назвавъ его траги-комическимъ фарсомъ (127). Немедленное признаніе Директоріи англичанами несомнѣнно должно было тормозиться отрицательнымъ къ ней отношеніемъ со стороны сибирскихъ военныхъ представителей. Мы знаемъ, что ген. Ноксъ считалъ Директорію просто нежизненной. Но и изъ первой же бесѣды съ Элліотомъ Авксентьевъ

---

*) Въ этихъ цѣляхъ Чайковскій рекомендовалъ „пятеркѣ" назначить главковерха, какого-либо извѣстнаго генерала, пріемлемаго для Версаля. (Н. В. Чайковскій, 89).

**) Бумаги Н. В. Чайковскаго. Пражскій Архивъ.

***) „Испытанія дипломата", 231. Набоковъ утверждаетъ, что 17 ноября уже былъ изготовленъ проектъ телеграммы на этотъ счетъ (245).

вынесъ впечатлѣніе, что Англія не сочувствуетъ Директоріи. Это близко къ истинѣ. Вѣдь характерно, что сэръ Эллiотъ въ своей рѣчи на банкетѣ въ Челябинскѣ въ честь Директоріи, даже о ней не упомянулъ (Кроль, 140).

Не такъ уже опредѣленна была политика Франціи. Во всякомъ случаѣ въ то время отъ оффиціальнаго признанія Директоріи она была еще дальше. Я не знаю, откуда почерпнулъ Зензиновъ („Изъ жизни революціонера", 114) увѣренность, что 22 ноября Франція должна была признать Директорію и будто-бы съ этой именно цѣлью ѣхала спеціальная миссія ген. Жанена*). Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ самаго начала былъ нѣкоторый скепсисъ въ отношеніи притязаній правительства, избраннаго въ Уфѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ, соединяя Директорію и Комучъ въ одно и отвѣчая на ихъ обращеніе, писалъ Веденяпину: „Ключъ къ вашей значительности за границей лежитъ скорѣе въ реальной силѣ, чѣмъ въ вашихъ легальныхъ правахъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія отнюдь не несомнѣнны. Всѣ здѣсь полагаютъ, что только У. С. можетъ реорганизовать россійское государство. Но невозможно отожествлять У. С. съ его комитетомъ, изъ котораго исключены двѣ политическія партіи, что колеблетъ самый принципъ легальности, и двѣсти пятьдесятъ членовъ представляютъ собой слишкомъ узкую легальную базу. Вотъ почему ваше происхожденіе отъ У. С. не имѣетъ большого вѣса въ глазахъ Европы. Это скорѣе моральная, чѣмъ законная сила. Такимъ образомъ, необходимо вашей устойчивостью, вашей реальной силой дать намъ доказательства вашего признанія страной" (Майскій, 78-79).

Устойчивость сибирской власти 18-го была нарушена. Надо было дать новыя доказательства того, что власть будетъ болѣе устойчива, чѣмъ ея предшествен-

---

*) О признаніи Директоріи въ связи съ миссіей Жанена говоритъ и Аргуновъ (36). Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ миссіи Жанена, какъ мы увидимъ, это совершенно невѣрно.

ница. Члены бывшей Директоріи, переправившись за границу, не склонны были, конечно, поддерживать передъ общественнымъ мнѣніемъ авторитетъ своего соперника.

Накануне Новаго года въ Іокагамѣ Болдыревъ увидѣлся съ Авксентьевымъ, Зензиновымъ и Роговскимъ. Вмѣстѣ они встрѣчали у Авксентьева Новый годъ. Всѣ они — записываетъ Болдыревъ — собираются въ Америку „выяснить истинный смыслъ сибирскихъ событій". Будбергъ это предвидѣлъ, когда записалъ въ свой дневникъ, что высылка за границу является со стороны правительства „крупной ошибкой", такъ какъ „въ ихъ лицѣ омская власть получаетъ группу весьма озлобленныхъ людей, у которыхъ извѣстныя революціонныя имена и которые могутъ ей здорово напортить" (XIII, 269). Все и вся критикующій Будбергъ не указываетъ, однако, выхода изъ создавшагося положенія.

Высланные, дѣйствительно, съ самаго начала стали вредить омской власти. Представители омской власти, начиная съ Колчака, и газеты, поддерживавшія правительство, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что члены Директоріи дали обязательство не вести антиправительственной пропаганды. Члены Директоріи, какъ было указано, рѣшительно это отрицаютъ. Авксентьевъ называетъ подобное утвержденіе „ложью": „Если бы у нихъ былъ такой документъ, они бы его уже опубликовали. Они злостно насъ оклеветали" (181). Конечно, всѣ эти вынужденныя или полувынужденныя обязательства большого моральнаго значенія не имѣютъ. Очевидно, что „по собственному почину" члены Директоріи давать обязательствъ не могли. И всетаки какое то обязательство они дали, помимо того согласія въ „письменной формѣ" на высылку за границу, которое, по ихъ словамъ, они дали кап. Герке. Совершенно естественно, что въ обстановкѣ револьверной, подъ угрозой ультиматумовъ и сроковъ, арестованные чувствовали себя крайне растерянно.

Никто не броситъ имъ упрека за любую подписку, но дѣло идетъ о другомъ обязательствѣ передъ омскимъ правительствомъ. Оно было — утверждаетъ министръ юстиціи, имѣвшій съ арестованными непосредственныя сношенія. Ген. Хорошкинъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ непосредственно отбиралъ у высылаемыхъ эти подписки. Въ „заявленіи" высланныхъ сказано, между прочимъ, о согласіи ихъ на то, что „во время пути въ предѣлахъ сибирской территоріи" они „не будутъ заниматься агитаціей" и что они ѣдутъ „какъ частныя лица". Нельзя не признать, что подобная подписка въ условіяхъ высылки была бы по меньшей мѣрѣ безсмысленна.

Такъ или иначе, молчать за границей высланные не собирались, они ѣхали для разоблаченій омскихъ „авантюристовъ и клятвопреступниковъ"*). Въ Парижъ для большаго авторитета звали и Болдырева.

15 декабря за подписью Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговскаго въ Харбинской газетѣ „Манчжурія" было опубликовано первое ихъ заявленіе о государственномъ переворотѣ въ Омскѣ, и 2-го марта въ Нью-Іоркскомъ „Русскомъ Словѣ" возраженіе на декларацію омскаго правительства — и то и другое не разъ уже было цитировано. Также цитировали мы и данное Авксентьевымъ Герм. Бернштейну описаніе „для опуб-

---

*) Квалификація эта принадлежитъ Зензинову. Болѣе сложна была, однако, психологія дѣйствующихъ лицъ. И думается, что В. М. Зензинову надлежало вдумчивѣе отнестись къ результатамъ, къ которымъ приводило неопредѣленное существованіе Директоріи. Устраненіе Директоріи, по словамъ автора цитированной уже статьи въ „Чех.-Сл. Дн." (№ 552)— было результатомъ того, что лѣвые подозрѣвали военное командованіе и либераловъ въ реакціонныхъ замыслахъ, а эти послѣдніе переставали вѣрить въ возможность сотрудничества съ соціалистическими партіями. Зензиновъ впослѣдствіи просто разрѣшилъ дилемму, которую ставилъ д-ръ Павлу. Онъ писалъ въ „Волѣ Россіи" (№ 67, 1920 г.): „правы, увы, оказались тѣ изъ соціалистовъ, которые... предостерегали противъ коалиціи съ буржуазіей, заранѣе убѣжденные въ коварствѣ и измѣнѣ послѣдней, въ неспособности понять глубокій смыслъ происходящихъ революціонныхъ событій. Исторія оправдала ихъ недовѣріе". Пожалуй, ссылка на „исторію" здѣсь будетъ и неумѣстна.

ликованія" въ Америкѣ *). Но больше всего возмутило демократическіе слои, группировавшіеся вокругъ блока, интервью Авксентьева, помѣщенное въ китайской прессѣ, въ пекинскомъ „Таймсѣ". То же ли это интервью, или другое, въ данный моментъ я установить не могъ. Гинсъ утверждаетъ, что въ немъ Авксентьевъ „en canaille" расписалъ весь составъ министерства (II, 71). По поводу этихъ интервью въ „Зарѣ" (21 января) напечатанъ былъ коллективный протестъ, за подписью Сазонова и др. Протестующіе писали, что интервью вызываетъ „недоумѣніе" въ общественно-демократическихъ организаціяхъ. „Зная Авксентьева и его послѣднія завѣренія при отъѣздѣ изъ Омска" — они не допускаютъ мысли о правильности изложенія и думаютъ, что газетой допущено извращеніе мыслей Авксентьева.

Но... что съ воза упало, то пропало. „Плохая молва пошла — говоритъ Гинсъ — и разсѣять ее было нелегко. Это составляло одну изъ труднѣйшихъ обязанностей Мин. ин. дѣлъ" (II, 71).

Нельзя сказать, чтобы контръ-агитація изъ Омска велась вполнѣ умѣло.

Противоколчаковская кампанія заграницей въ общемъ изложена мною въ книгѣ „Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны". Къ ней я и отсылаю читателя, хотя отдѣльныхъ эпизодовъ и придется коснуться въ связи съ вопросомъ о международномъ признаніи власти адм. Колчака. Собравшіеся въ Парижѣ представители „революціонной демократіи" значительно повредили авторитету колчаковской власти. Ихъ агитація отсрочивала

---

*) Въ главѣ „Иностранная печать о переворотѣ" Зензиновъ приводитъ лишь статью Бернштейна 27 дек. въ „Japan Advertiser", утверждавшую, что „диктаторъ Колчакъ появился въ тотъ моментъ, когда Вс. Пр. добилось прекращенія партійныхъ раздоровъ и признанія едва ли не со стороны всѣхъ частей Россіи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находились подъ терроромъ большевиковъ". Получается довольно одностороннее представленіе. Достаточно сопоставить это съ одной изъ статей „Таймса" (въ апрѣлѣ), признававшей переворотъ „демократическимъ" актомъ, такъ какъ иного спасенія для демократіи не было.

признаніе ея западно-европейскими государствами. Уже въ „интервью", данномъ Авксентьевымъ „для Америки" Бернштейну, въ такомъ видѣ, „съ демократической точки зрѣнія", оцѣнивалось положеніе вещей:

„Правительство (Директоріи) имѣло всѣ шансы быть признаннымъ союзниками въ качествѣ законнаго Всерос. демократическаго Правительства; оно могло быть признано оффиціально и тогда осуществилась бы мечта всѣхъ русскихъ. И въ тотъ часъ, когда рѣшалась судьба всей націи, послѣ года страшнѣйшихъ испытаній, Россія, какъ равная, вступила бы въ семью свободныхъ народовъ. Это признаніе было уже отчасти совершившимся фактомъ со стороны нашихъ союзниковъ и братьевъ въ лицѣ чешской арміи... но въ ночь на 18 ноября все это было разрушено нелѣпымъ и преступнымъ государственнымъ переворотомъ въ Омскѣ, совершеннымъ авантюристами, ренегатами и реакціонерами. Переворотъ этотъ произвела группа монархически настроенныхъ офицеровъ, спекулировавшихъ на невѣжествѣ населенія, сама политически незрѣлая.

„Эти люди претендуютъ, что они дѣйствовали, какъ патріоты, поставивъ на мѣсто законнаго правительства Колчака, который является въ ихъ рукахъ куклой и котораго они мечтаютъ замѣнить настоящимъ монархомъ. Я утверждаю, что они являются худшими измѣнниками и злѣйшими врагами Россіи.

„Своимъ безсмысленнымъ преступленіемъ они разрушили единство Россіи...

„Участники государственнаго переворота поставили себя на одинъ уровень съ большевиками, такъ какъ и тѣ, и другіе совершаютъ насиліе надъ волей истинной демократіи. Своимъ переворотомъ они разрушили вѣру демократіи въ возрожденіе свободной Россіи, такъ какъ они создали правительство изъ реакціонныхъ элементовъ, находящихся въ борьбѣ съ демократіей.

„Тѣмъ самымъ они подготовили новую почву для

большевицкой агитаціи и дали большевикамъ полное право утверждать, что правительство, съ которымъ большевики борятся есть контръ-революціонное правительство. Они лишили армію и демократію энтузіазма въ ихъ борьбѣ за единую Россію, такъ какъ они отняли у нихъ вѣру въ свободную Россію.

„Въ настоящее время Россія можетъ возродиться лишь механически при помощи вооруженныхъ силъ союзниковъ, такъ какъ теперь мы не можемъ расчитывать на нашу собственную армію, которую Вр. Прав. создало съ такимъ трудомъ и такой любовью.

„Таково въ настоящее время положеніе дѣлъ въ Россіи съ демократической точки зрѣнія. Я убѣжденъ, что демократія будетъ снова, какъ прежде, бороться съ ея основнымъ врагомъ большевизмомъ, но она будетъ вынуждена бороться также и противъ правительства авантюристовъ и большевиковъ справа, какимъ является въ дѣйствительности правительство Колчака.

„Какъ должны дѣйствовать союзныя демократіи, чтобы помочь Россіи? Я снова утверждаю, что для дѣла возрожденія Россіи помощь союзныхъ демократій чрезвычайно существенна и въ высшей степени желательна. Россія ждетъ этой помощи съ довѣріемъ, но союзныя демократіи должны дать себѣ отчетъ въ томъ, что одна техническая помощь, т. е. посылка однихъ войскъ, припасовъ и военнаго снабженія Колчаку будетъ при настоящихъ условіяхъ помощью русской политической реакціи, поэтому я и думаю, что будетъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Россіи, если союзники, въ особенности Америка и ея благородный президентъ Вильсонъ, опредѣлятъ условія, при которыхъ помощь можетъ быть оказана: такими условіями является возстановленіе въ Россіи порядка, права и справедливости вмѣсто режима притѣсненій, порядка демократіи, а не реакціи, при этомъ воля русскаго народа не должна быть разрушена...

„Я убѣжденъ — заканчиваетъ Авксентьевъ — что въ настоящее время союзники не будутъ помогать созданію въ Россіи угрозы для демократіи и для мира. Больше того, они должны помочь этой демократіи, истощенной гражданской войной, возстановить нарушенный законъ и порядокъ и возродить свободную Россію“... (183—85).

Другая, также демократическая точка зрѣнія могла ставить ставку не только на механическое возрожденіе Россіи при помощи вооруженныхъ силъ союзниковъ. Ставка дѣлалась на собственныя силы и на возможное вліяніе на новую власть. Съ этой точки зрѣнія признавалось мало цѣлесообразнымъ дискредитировать власть передъ колеблющимся общественнымъ мнѣніемъ Европы и Америки.

Въ извѣстномъ письмѣ на югъ, Авксентьевъ какъ бы констатируетъ успѣхъ заграничной дѣятельности своихъ единомышленниковъ: „Наше предпріятіе, благодаря тому, что мы получили возможность вліять очень непосредствеено на Вильсона, увѣнчалось на первыхъ порахъ успѣхомъ: обращеніе союзниковъ къ Колчаку было сдѣлано подъ нашимъ вліяніемъ“ (Пр. Рев. I, 120) *). Это крыло партіи с.-р. продолжало занимать промежуточную позицію и отгораживать себя отъ „черновцевъ“, но оно, въ сущности, въ своемъ большинствѣ было безоговорочно, враждебно Колчаку. Самъ Авксентьевъ въ письмѣ на югъ опровергаетъ то, что Львовъ и Маклаковъ писали 5-го октября 19 г. омскому министру иностранныхъ дѣлъ: „Считаемъ долгомъ удостовѣрить, что Авксентьевъ, по пріѣздѣ сюда, не присоединился къ этой агитаціи и тѣмъ разочаровалъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы видѣть его во главѣ ея. Его позиція опредѣленно патріотически-государственная. Думаемъ, что было бы большой несправедливостью и ошибкой, если бы у васъ

*) Имѣется въ виду майская декларація 1919 г. См. въ III ч. моей работы.

продолжали смѣшивать его съ тѣми, съ кѣмъ надо бороться, а не сотрудничать" *)

Колчаковскій министръ Сукинъ отвѣчалъ кн. Львову: „Верховный Правитель считаетъ возможнымъ оффиціально санкціонировать какое либо порученіе Авксентьеву. Съ своей стороны хотѣлъ бы васъ освѣдомить, что коректная позиція Авксентьева и обнаруженный имъ патріотизмъ здѣсь вполнѣ учитывается"...

Оказавшіеся за границей члены Директоріи, кандидаты къ нимъ и ихъ ближайшіе сотрудники, раскололись во взглядахъ на русскую политику — такъ пишетъ Болдыреву изъ Парижа въ началѣ іюля 19 г. эс-эръ полк. Махинъ, одинъ изъ руководителей борьбы на волжскомъ фронтѣ въ его первоначальный періодъ, оказавшійся „не ко двору въ колчаковской ставкѣ" и „принужденный" эмигрировать; „часть склонна помириться съ Колчакомъ, другая занимаетъ позицію: ни Ленинъ, ни Колчакъ" **) (Болдыревъ, 246). Какую позицію занималъ среди указанныхъ временный предсѣдатель Директоріи? Онъ не былъ среди прямолинейныхъ нини-

---

*) Субботовскій. О томъ же писалъ раньше изъ Вашингтона Угетъ (26 февраля). Писалъ онъ Сазонову: „На-дняхъ прибылъ Авксентьевъ со спутникомъ, съ которымъ установились вполнѣ добрыя отношенія. 9 марта они выѣзжаютъ въ Парижъ, гдѣ намѣреваются принять усиленное участіе въ в а ш и х ъ работахъ. Авксентьевъ настроенъ государственно и ставитъ себѣ основной задачей выставленіе единаго національнаго фронта передъ союзниками, объединеннаго общей формальной программой". „У всѣхъ у насъ"!... — добавляетъ Угетъ — „сквозитъ однако горечь по поводу омскааго переворота, при чемъ вполнѣ опредѣленно чувствуется не оскорбленное партійное или личное самолюбіе, а боязнь, чтобы правительство, не опирающееся, по ихъ мнѣнію, на народныя массы, не послужило началомъ гражданской войны въ антибольшевицкомъ лагерѣ... Во всякомъ случаѣ, мое личное впечатлѣніе, что пріѣздъ Авксентьева въ Парижъ можетъ быть крайне полезенъ для нашихъ національныхъ ингересовъ". (Кр. АРх." XXXVII, 101).

**) Показательно, что и Махинъ считаетъ, что „пока не будутъ двинуты иностранные войска, на успѣхъ разсчитывать нечего". На письмо Махина я долженъ обратить особое вниманіе весьма пристрастнаго критика въ „Дняхъ" (№ 56) моей работы о Чайковскомъ, голословно пытавшагося опровергать яко бы невѣрныя и несправедливыя сужденія Чайковскаго.

стовъ, какъ будто бы даже согласенъ на „косвенное сотрудничество съ русскимъ политическимъ совѣщаніемъ въ Парижѣ" (все еще будирующій Болдыревъ ссылается на личное письмо къ нему Авксентьева, на которомъ „отразились" парижскія настроенія) и въ то же время онъ очень далекъ отъ той позиціи, которую опредѣленно послѣ недолгихъ колебаній занялъ Чайковскій*). Эта позиція была близка позиціи той части сибирской демократіи, которая рѣшила власть адм. Колчака не только признать, но и всецѣло поддерживать. Въ письмѣ на югъ Авксентьевъ въ дѣйствительности, скорѣе признаетъ неудачу той пропаганды, которая велась за границей противъ колчаковскаго правительста. Въ Европѣ эс-эры не нашли подлинной демократіи: здѣсь пришлось столкнуться или съ большевизански настроенной демократіей или антидемократически настроенной буржуазіей. Въ этихъ условіяхъ имѣла успѣхъ агитація русскихъ правыхъ элементовъ, къ которымъ Авксентьевъ причислялъ „совершенно сбившагося съ толка Чайковскаго" (Прол. Рев. I, 114—121)**).

* * *

Н. Д. Авксентьевъ призналъ неудачу той кампаніи,

---

*) Письмо его къ Болдыреву съ убѣжденіемъ сотрудничать съ Колчакомъ приведено въ приложеніи къ моей книгѣ о Чайковскомъ.

**) Чайковскій не былъ одинокъ. Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которые приведены мною въ его біографіи за годы гражданской войны отмѣчу поддержку, которую оказывало колчаковскому правительству лондонское „Народоправство" — The Russion Commonwealth) органъ, который въ свое время ускользнулъ изъ моего вниманія. Демократическое „Народоправство" подчеркивало, что послѣ омскаго переворота дѣло пошло не такъ, какъ „разсчитывали заговорщики": Колчакъ солидаризировался съ демократическими элементами (232). „Нинисты", т. е. выдвинувшіе нежизненный лозунгъ: ни Ленинъ, ни Колчакъ, въ концѣ концовъ, объединились около парижскаго с.-р. „Pour la Russie" (возникъ въ октябрѣ), выходившаго подъ редакціей Минора, Зензииова, Сталинскаго и Лебедева, при участіи Керенскаго, Роговского, Сухомлина, Махина и Теръ-Поганьяна. Эта эс-эровская группа выступала уже рѣшительно противъ военной вооруженной интервенціи и превозглашала борьбу съ диктатурой большевиковъ и военной диктатурой генераловъ. Н. В. Чайковскій назвалъ „Pour la Russie" „большевицкой" прессой.

которая велась за границей противъ власти, замѣнившей Директорію. Но эта агитація людей съ „революціонными именами“ била на первыхъ порахъ по самому больному мѣсту новаго правительства, ежечасно подчеркивая его антидемократичность *). Его искусственно изображали раакціоннымъ, хотя таковымъ оно въ дѣйствительности не было. Правительству, пришедшему къ власти черезъ переворотъ, не такъ легко было оправдаться. А союзники — писалъ изъ Парижа С. Д. Сазоновъ Вологодскому, 17 апрѣля 19 г. — оцѣниваютъ русскія правительства съ точки зрѣнія пріемлемости ихъ для западныхъ демократій **).

Отсюда видно, какія трудности предстояло преодолѣть А. В. Колчаку въ роли верховнаго правителя; въ какой небычайно сложной обстановкѣ, даже внѣ зависимости отъ специфическихъ сибирскихъ условій, должна была протекать творческая дѣятельность новаго правительства.

Достаточно ярко охарактеризовалъ Колчакъ свою позицію въ бесѣдѣ, которую онъ имѣлъ съ представителями печати 28 ноября: ***).

„Я не искалъ власти и не стремился къ ней, но, любя родину, я не смѣлъ отказаться, когда интересы Россіи потребовали, чтобы я всталъ во главѣ правленія.

„Принявъ власть, я немедленно разъяснилъ населенію, чѣмъ я буду руководствоваться въ своей государственной работѣ ****).

---

*) Б. члены Директоріи — замѣчаетъ Будбергъ — не должны были бы „мѣшать тѣмъ, кто плохо или хорошо борятся съ большевиками“ (XIII, 276).

**) Сборникъ „Послѣдніе дни колчаковщины“ стр. 95.

***) „Новая Сибирь“ № 19; Гинсъ II, 30—33,

****) Въ обращеніи къ населенію 18 ноября отъ имени верховнаго правителя говорилось: ...„Принявъ крестъ этой власти въ исключительно трудныхъ условіяхъ гражданской войны и полнаго разстройства государственной жизни, объявляю: Я не пойду ни по пути реакціи, ни по пути партійности. Главной своей цѣлью ставлю созданіе боеспособной арміи, побѣду надъ большевизмомъ и установленіе законности и правопорядка, дабы народъ могъ безпрепятственно избрать

„Я сказалъ: „я не пойду ни по пути реакціи, ни по гибельному пути партійности“. И это свое обѣщаніе я оправдаю не словами, а дѣломъ.

„Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ гибельно сказался старый режимъ на Россіи, не сумѣвъ въ тяжкіе дни испытаній дать ей возможность устоять отъ разгрома. И, конечно, я не буду стремиться къ тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлаго, чтобы реставрировать все то, что признано самимъ народомъ ненужнымъ.

„Съ глубокою искренностью скажу вамъ, господа, что теперь, переживъ впечатлѣнія тяжкой міровой войны, я твердо укрѣпился на той мысли, что государства нашихъ дней могутъ жить и развиватся только на прочномъ демократическомъ основаніи. Я всегда являлся сторонникомъ порядка и государственной дисциплины, а теперь въ особенности буду требовать отъ всѣхъ не только уваженія права, но и — что главнѣе всего въ процессѣ возстановленія государственности — поддержанія порядка.

„...Дѣло возстановленія родины не можетъ не быть связаннымъ съ безпощадной, неумолимой борьбой съ большевиками. Только уничтоженіе большевизма можетъ создать условія спокойной жизни, о чемъ такъ изстрадалась русская земля, только послѣ выполненія этой тяжелой задачи, мы всѣ можемъ снова подумать о правильномъ устройствѣ всей нашей державной государственности. Слѣдуетъ всегда помнить, что мы здѣсь не одни, что такая же борьба ведется на югѣ, на сѣверѣ и на западѣ Россіи, гдѣ также проснулась тяга къ возрожденію и возстановленію русской державы.

„Разъ будутъ созданы нормальныя условія жизни,

себѣ образъ правленія, который онъ пожелаетъ и осуществить великія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру. Призываю Васъ, граждане, къ единенію, къ борьбѣ съ большевизмомъ, труду и жертвамъ“.

разъ въ странѣ будутъ царить законность и порядокъ, тогда возможно будетъ приступить и къ созыву Національнаго Собранія *).

„Я избѣгаю называть Національное Собраніе Учредительнымъ Собраніемъ, такъ какъ послѣднее слово слишкомъ скомпрометировано. Опытъ созыва Учредительнаго Собранія, собраннаго въ дни развала страны, далъ слишкомъ односторонній партійный составъ. Вмѣсто Учредительнаго Собранія собралось партійное, которое запѣло интернаціоналъ и было разогнано матросомъ. Повтореніе такого опыта недопустимо.

„Вотъ почему я и говорю о созывѣ Національнаго Собранія, гдѣ народъ, въ лицѣ своихъ полномочныхъ представителей, установитъ формы государственнаго правленія, соотвѣтствующія національнымъ интересамъ Россіи.

Я не знаю иного пути къ рѣшенію этого основного вопроса, кромѣ того пути, который лежитъ черезъ Національное Собраніе".

Бесѣда эта произвела должное впечатлѣніе. Но съ какимъ то фанатизмомъ „лѣвая" сибирская печать, какъ напр., иркутская „Новая Сибирь" (№ 20 — 4-го дек.), не сомнѣваясь въ личной „искренности" Колчака, заявляла, что „объективная обстановка, созданная передачей верховной власти" адм. Колчаку не только не способствуетъ, но и совершенно опредѣленно противодѣйствуетъ „установленію прочнаго демократическаго основанія" у насъ въ Россіи. Не обстановка, а люди съ ихъ шорами партійными и иными помѣшали власти выбраться изъ пучины, созданной сибирской „неразберихой"...

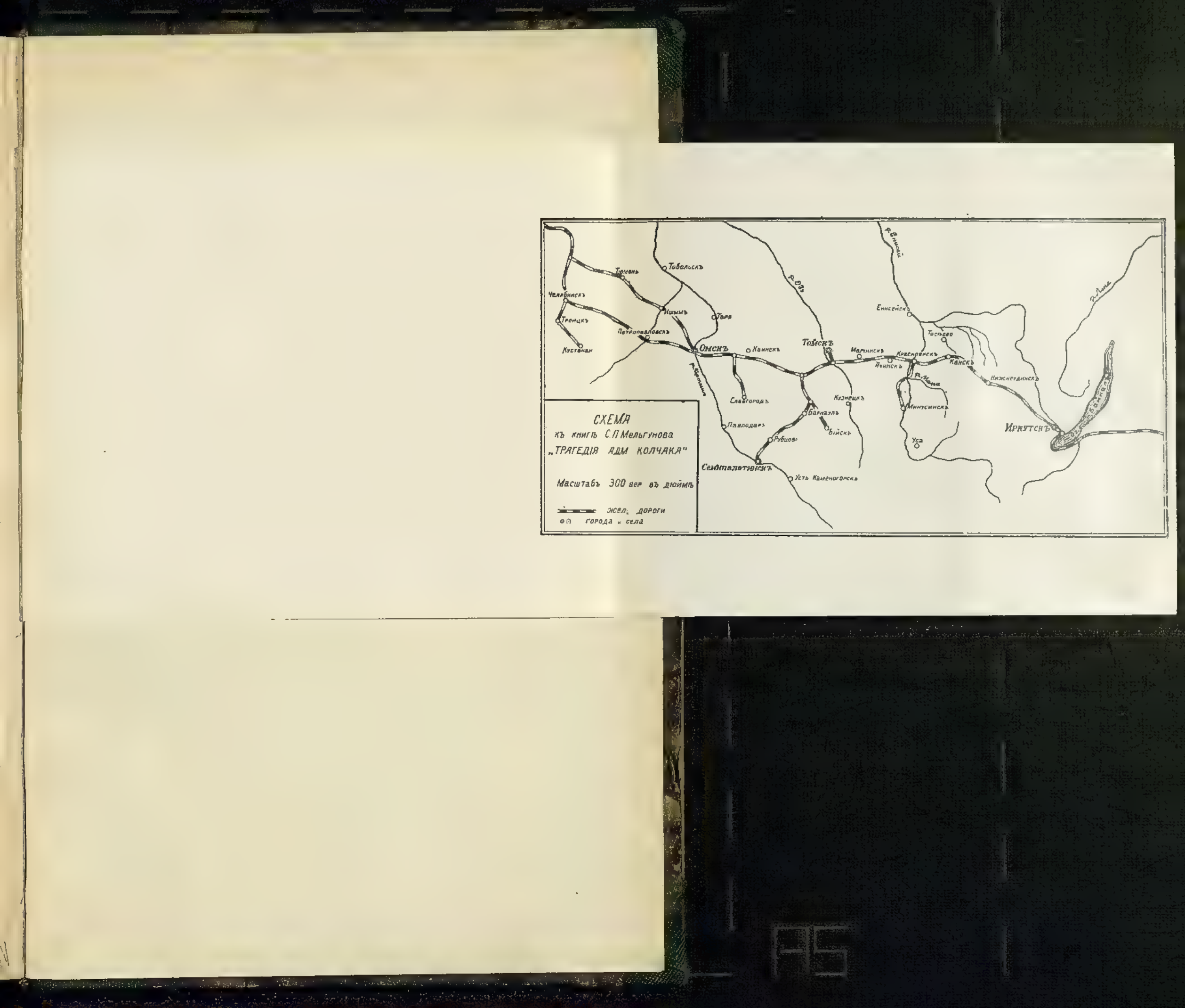
Надо глубже окунуться въ эту пучину соціальныхъ отношеній и многообразныхъ политическихъ переживаній; надо еще больше проникнуться атмосферой эгои-

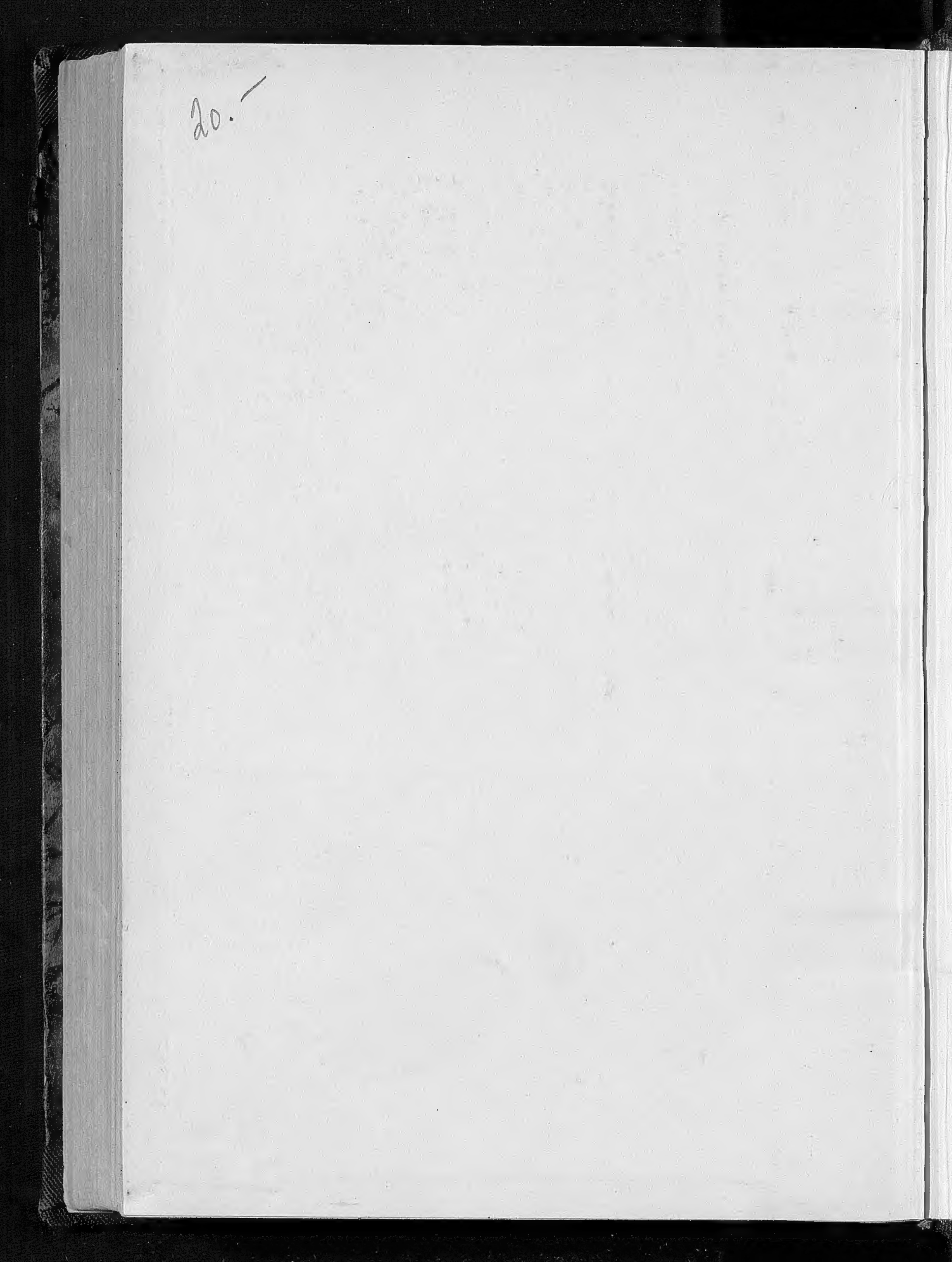
*) Совершенно неосновательно впослѣдствіи „Чех.-Сл. Дн." (18 ноября 19 г. — № 269) приписалъ вліянію прибывшаго въ Сибирь воен. мин. Штефаника то, что Колчакъ объявилъ свою власть временной и обѣщался созвать Уч. Собр.

стическаго себялюбія, которое рождала гражданская война, наряду съ подлиннымъ героизмомъ и жертвенностью; надо ближе подойти къ переживаніямъ народныхъ массъ — тогда понятнѣе станетъ то, что я назвалъ трагедіей адмирала Колчака. Это была не только личная драма — драма разочарованія въ людяхъ; драма крушенія надеждъ и разбитыхъ иллюзій. Это была трагедія всей гражданской войны. Трагедія Россіи и ея народа.

Колчакъ былъ такъ же безсиленъ, какъ и всѣ другіе. Время для возрожденія Россіи еще не пришло. Повидимому, приходится признать, что самая личность Колчака — благороднаго энтузіаста, слишкомъ прямого и искренняго человѣка, оригинальнаго въ своихъ помыслахъ, — не подходила своей непосредственностью къ той талейрановской политикѣ, которой требовала жизнь и которую приходилось вести во внѣ и внутри страны.

Оглавленіе.

СХЕМА
къ книгѣ С.П Мельгунова
„ТРАГЕДІЯ АДМ КОЛЧАКА"
Масштабъ 300 вер въ дюймѣ
жел. дороги
города и села
Тобольскъ
Челябинскъ
Троицкъ
Ишимъ
Петропавловскъ
Омскъ
Каинскъ
Славгородъ
Павлодаръ
Томскъ
Мариинскъ
Ачинскъ
Красноярскъ
Канскъ
Енисейскъ
Тасеево
Нижнеудинскъ
Иркутскъ
Кузнецкъ
Барнаулъ
Бійскъ
Рубцовка
Минусинскъ
Уса
Усть Каменогорскъ
р. Обь

20.–

